

А. А. ГОРСКИЙ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДРУЖИНА

Ответственный редактор

А. И. Сахаров

Горский А. А.

Г67 Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). -- М.: «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 124 с.

Монография посвящена исследованию одного из важнейших институтов древнерусского раннефеодального общества — дружинной организации. Рассматривается историография вопроса, социально-экономические и социально-политические условия возникновения дружины, этапы развития дружинной организации, ее роль и место в процессе возникновения и развития классов и государства на Руси. Исследуются состав дружины, положение ее членов в древнерусском праве, причины распада.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, широкого круга читателей.

Г 0503020000—25 25—89
183(2)—89

© Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Исследование возникновения и эволюции древнерусской дружины является важной составной частью изучения процесса формирования и развития классового общества и государства на Руси. Термин «дружина»¹ в древнерусском языке применялся для обозначения различных групп людей, но чаще всего дружиной именовалась социальная группа, близкая к князю и служившая опорой княжеской власти². В таком значении термин «дружина» закрепился и в отечественной исторической науке.

Институт древнерусской дружины еще не был предметом монографического исследования, однако важная роль, которую источники отводят ему в общественной жизни домонгольской Руси, издавна привлекала к дружине внимание исследователей.

М. П. Погодин характеризовал дружину как княжескую «гвардию», существовавшую за счет кормлений и дачей. Внутри дружины он выделял гридьбу — княжеских телохранителей и отроков — приближенных к князю слуг³.

По мнению С. М. Соловьева, дружина (пришедшая на Русь с варяжскими князьями, но открытая для вступления туземных элементов) внесла в древнерусское общество сословное начало в противоположность родовому. «Старшая» дружина послужила основой для создания боярства — высшего слоя общества. Помимо бояр, дружина включала средний слой — гридьбу и низший — пасынков, отроков, детских — княжескую прислугу⁴.

И. Д. Белиев также считал, что дружина пришла на Русь с варяжскими князьями и первоначально была резко отделена от местного общества («земщины»). Но уже со времени княжения Олега дружина пополнялась славянами, а с эпохи Владимира и Ярослава стала по преимуществу туземной и сблизилась с земщиной. Старшую дружину составляли бояре и мужи, младшую — отроки, детские, гриди, слуги, мечики. В XI—XII вв. дружинники стали получать земли на поместном праве⁵.

В. Пассек подразделял дружины на княжеские, состоящие из отроков, и «мостные» во главе с боярами (под этими по-

следними подразумевались «вой» — ополчение, к которому автор находил возможным прилагать термин «дружина») ⁶.

Н. П. Хлебников считал, что старшая дружина формировалась из «местных бояр», вступавших в ее ряды, и выслужившихся членов младшей дружины — отроков. Боярское землевладение не являлось результатом княжеских пожалований — князья не предоставляли дружинникам земель ⁷.

По мнению И. А. Порай-Кошица, дружина состояла из трех слоев. Верхний именовался боярами, средний — княжими мужьями или гридями, низший — отроками, детскими или пасынками, позже — дворянами. Дружинники привлекались к управлению, занимали должности посадников, тысяцких, воевод, городников, мостников, сотских, ябедников, тиунов, вирников, метельников ⁸.

Н. Загоскин полагал, что дружина на Руси первоначально состояла из пришлых варягов, но сразу же после своего появления начала включать в себя местные элементы. Главной опорой княжеской власти служила не дружина, а туземное общество. Тем не менее дружина оказывала значительное влияние на жизнь общества. Ее члены привлекались к административному управлению, некоторым из них отдавались волости в кормление. Но земельных владений ни в «киевский», ни в «удельный» период дружинники не имели: их служба князю строилась на личной привязанности и договорных отношениях. Старшая дружина включала в себя бояр и «мужей княжеских». Кроме княжеских бояр существовали бояре «земские» (этот искусственный, не встречающийся в русских источниках домонгольского периода термин получил широкое распространение в дореволюционной науке). Младшую дружину составляли отроки — низший разряд дружинников, сочетавших военные обязанности с обязанностями слуг, и детские — дружинники, выполнявшие только военные функции. Общим наименованием для младших дружинников было «гриди» ⁹.

М. Яблочков считал, что в Киевской Руси было два «класса» знати — «земские бояре» и дружина, пришедшая с варягами. С XI в. дружина становится туземной. Старшие дружинники стали именоваться боярами (по примеру земского боярства), младшую дружину составляли отроки (которые могли быть и свободными, и рабами), детские (свободные люди) и гриди (находившиеся постоянно в доме князя, его личная охрана); члены младшей дружины могли переходить в ряды старшей. С появлением в дружине славян установилась связь дружины с «земщиной», завершившаяся слиянием в «татарский период». Дружинники исполняли административные функции: старшие — высшие, младшие — низшие. Доходы дружинников складывались из кормлений, судебных и административных пошлин, княжеского жалованья, земель, приобретаемых в «земщине» ¹⁰.

И. Е. Забелин связывал формирование дружины с возникновением городов: представители разных родов концентрировались на городской территории в целях военной защиты и между ними зарождались новые, дружинные, связи взамен родовых. Верхним слоем дружины были бояре, вторым по значению — гридьба, низшим — детские или отроки¹¹.

Е. А. Белов характеризовал дружину как главную опору князя в «домосковский» период русской истории во всех землях, кроме Новгорода и Ростова. Дружина (первоначально состоявшая из варягов) была на юге Руси главным двигателем событий с конца IX по вторую половину XII в. Киевский период можно назвать дружинным периодом русской истории. По Е. А. Белову, дружины на Руси существовали до XVI в. включительно; автор прилагал термин «дружина» к московскому боярству¹².

М. Ф. Владимирский-Будалов определял дружину как княжеский двор. Старшие дружинники, по его мнению, вначале именовались огнищанами, позднее княжими мужами и боярами, однако боярство складывалось не только из дружинников, но и из «лучших людей земли» — «земских бояр». Младшие дружинники назывались вначале гридями, затем отроками, детскими, пасынками, были людьми несвободными или полусвободными, но могли переходить в боярское звание. С XI в. в результате поступления земских бояр на княжескую службу и возникновения земельных владений у дружинников сложился единый класс бояр¹³.

М. С. Грушевский полагал, что дружинный элемент в южной Руси не был пришлым, а формировался на месте, в земле полян. «Большую» дружину составляли бояре, «младшую» — отроки и детские. В дружину могли вступать «земские бояре» — местная землевладельческая аристократия¹⁴.

По мнению Н. И. Костомарова, дружина первоначально представляла собой разбойничью шайку, несущую в себе, однако, зародыш государственности. Дружина первое время ограничивалась сбором дани, а племена продолжали жить по-прежнему. Со временем дружина начинает сливаться с местным обществом¹⁵.

И. А. Малиновский рассматривал дружину, пришедшую с варяжскими князьями, как новую светскую аристократию — боярство, внесшую «военную струю» в мирную жизнь славян. Качествами, выделявшими эту аристократию, были богатство (не связанное с землевладением) и воинская доблесть¹⁶.

В. О. Ключевский полагал, что дружина появилась на Руси с варяжскими князьями и до XI в. в ней преобладали скандинавы. Дружина, по его мнению, была близка к купечеству больших городов. В XI в. дружина — высший класс древнерусского общества. Ее верхний слой именовался княжими мужами или боярами, низший — детскими, отроками, гридями, позд-

нее — дворянами, слугами. «Докпяжеский» же высший класс населения «торговых городов» именовался огнищанами¹⁷

М. А. Дьяконов отмечал близость понятий «огнищане», «бояре», «княжьи мужи», определявших высший класс древнерусского общества, который складывался из двух элементов: 1) местные «лучшие люди» — огнищане и бояре; 2) старшая дружина — княжьи мужи и княжьи бояре. Первые вступали в ряды дружины, вторые становились землевладельцами, и таким образом эти категории населения сближались между собою. Младшая дружина обозначалась терминами «гриди», «отроки», «детские», «дворяне»¹⁸.

В. И. Сергеевич считал, что термин «дружина» мог иметь широкое значение — народное ополчение, более узкое — служилые люди князя (наиболее часто он употреблялся именно в этом смысле), и еще более узкое — отдельные разряды служилых людей. Верхушку дружины составляли представители бояр — землевладельцев, поступивших на княжескую службу, низший слой — отроки, детские, гриди¹⁹.

М. В. Довнар-Запольский также предполагал существование двух групп боярства: бояр «земских» и бояр-дружинников, постепенно сливающихся друг с другом. Дружина делилась, по его мнению, на старшую (бояре, мужи, огнищане) и младшую (молодь, пасынки, гриди, отроки, детские)²⁰.

По мнению С. Ф. Платонова, дружина делилась на три слоя — бояр, мужей и гридей или отроков. В низший слой дружины могли входить рабы. Дружина постепенно сливалась с «земским классом», члены которого именовались старцами и огнищанами²¹.

Н. П. Павлов-Сильванский, отстаивавший мнение о существовании на Руси в удельный период (с XIII в.) феодальных отношений, отводил дружине значительное место в своих построениях. По его мнению, боярская служба князю удельного периода выросла из дружинных отношений. В древнейшее время дружинники жили при князе, позднее стали селиться отдельно, став его вассалами, но сохранилась практика съезжаться время от времени к княжескому двору. Н. П. Павлов-Сильванский признавал существование и неслужилой знати, земского боярства (старцы, старейшины, бояре, нарочитые мужи). Старшие дружинники именовались мужами или боярами, младшие — вначале гридями, позже отроками и детскими. Отроки могли быть и у бояр. С XII в. дружинники начинали больше ценить свои земельные владения — села (появившиеся у них раньше), вследствие чего произошло ослабление дружинных уз и дружинники сближались, а затем и сливались с земским боярством. Н. П. Павлов-Сильванский полагал, что до XI в. дружинники в основном были варягами²².

Из дореволюционных русских исследователей наибольшее внимание дружине уделил А. Е. Пресняков. Он впервые рас-

смотрел дружину на сравнительно-историческом фоне как явление, общее для раннего средневековья славянских и германских народов. С этой целью А. Е. Пресняков привлекал источники по истории западных и южных славян и германцев, а также работы зарубежных исследователей (в первую очередь Г. Брунпера). Дружина рассматривалась им как частнопредварительная, личный союз, основанный на «единстве очага и хлеба»; древнейшие термины, обозначавшие дружинников — «огнищане» и «гриды». Из старшей дружины формировалось боярское сословие. А. Е. Пресняков выступал против теории существования «земского боярства». По его мнению, боярское сословие формировалось только из старшей дружины. Хозяйственная самостоятельность бояр — явление не изначальное; бояре-дружинники постепенно превращались в землевладельцев, оставаясь при этом людьми князя. Младшие дружинники оставались отроками, детскими, пасынками; между этими категориями и боярами стояли, однако, «мужи храборствующие». С XII в. дружина начала определяться по городам; дружинники служили теперь тому князю, который занимал стол в их городе. К концу XII столетия дружина разделилась на боярство и княжий двор. А. Е. Пресняковым было рассмотрено правовое положение дружинников (по Русской Правде)²³.

Как видно из приведенных в хронологическом порядке мнений представителей дореволюционной историографии об институте дружины, эта тема рассматривалась в обобщающих трудах по русской истории (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, И. Д. Беляев, Н. П. Хлебников, И. Е. Забелин, М. С. Грушевский, П. И. Костомаров, В. О. Ключевский, В. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов), в работах, посвященных специальным вопросам истории Руси домонгольского периода (В. Пассек, И. А. Малиновский, В. И. Сергеевич, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Пресняков), в книгах по истории служилых сословий (И. А. Порай-Кошиц, Н. Загоскин, М. Яблочков, Н. П. Павлов-Сильванский). Наибольшее внимание уделялось взаимоотношениям дружины (рассматриваемой большинством исследователей как первоначально пришлая, варяжская) с местным, «земским» обществом, в первую очередь с туземной знатью — «земским боярством», а также вопросу о составе дружины, слоях внутри нее. Рядом исследователей рассматривались проблемы землевладения дружинников (И. Д. Беляев, Н. П. Хлебников, Н. Загоскин, М. Яблочков, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков), их роли в аппарате управления (И. А. Порай-Кошиц, Н. Загоскин, М. Яблочков, А. Е. Пресняков).

Со становлением в нашей стране марксистской исторической науки начался новый этап в изучении древнерусской дру-

жины: ее история стала освещаться в связи с проблемой генезиса классового общества и государства.

Н. Л. Рубинштейн отмечал противоположность дружины родовому строю. В IX—X вв. на Руси существовала княжеско-дружинная организация, получавшая доходы от сбора дани с населения. С XI в. происходит превращение верхушки дружины — бояр — в феодалов, а младшая дружина становится городским населением, превращается в военную организацию «земли»²⁴.

Б. Д. Греков считал дружинников одним из источников формирования класса феодалов, наряду с «туземной знатью», «земскими боярами». Высшим слоем дружины являлись бояре и мужи, младшую дружину составляли отроки и детские. Часть дружины оседала на землю и переставала отличаться от местного боярства. «Начав свою жизнь в качестве членов княжеского или боярского двора на иждивении своих хозяев, дружинники постепенно превращаются в землевладельцев»²⁵.

По мнению С. В. Юшкова, дружина существовала с возникновения Киевского государства, причем племенные князья, вероятно, также имели дружины. Основной контингент дружины формировался из родовой знати, но входили в нее и люди, отличившиеся личной доблестью, и иноэтничные элементы. Дружина делилась на старшую, члены которой получали наименование «боярин» после того, как приобретали хозяйственную самостоятельность (обзаводились собственной дружиной, двором), младшую — отроков, пасынков, детских, и на дружинников, которые не могут быть причислены ни к старшей, ни к младшей дружине и обычно называются в источниках просто «мужами». Удел этих последних — только военная служба, в то время как бояре используются в системе управления, а отроки — в дворцовой службе. Постепенно дружинники становятся землевладельцами и «оседают на землю». К XII в. дружинные отношения в основном переросли в вассальные. Дружины становятся «местными», княжьи бояре постепенно сливаются с «земскими». Дружина распадается на бояр-вассалов и двор-министерялов²⁶.

По мнению В. В. Мавродина, дружина, появляющаяся в догосударственный период в «племенных княжествах» восточных славян, состояла из трех групп: 1) «старшая» дружина — бояре, выросшие из родоплеменной знати (лучших мужей, старей чад), имеющие свои дворы и челядь; 2) «младшая» дружина (детские, пасынки, отроки, уны), живущая на полном содержании князя; 3) «вои», «мужи храборствующие» — воины, набранные из народа и входящие в состав княжеских дружин в период военных действий (эта-последняя группа исчезла в XI—XII вв. — ее представители вошли в состав либо старшей дружины, либо были поглощены младшей, либо снова слились с народом). В. В. Мавродин определил оседание княжеских

дружинников на землю как один из основных путей складывания господствующего класса (наряду с перерождением в феодалов старой родоплеменной знати)²⁷.

Б. А. Романов рассмотрел быт княжеско-дружинной верхушки XI—XII вв.²⁸

Б. А. Рыбаков считает, что дружины у восточных славян существовали еще в VI—VII вв. Складывание дружин он связывает с ростом производительных сил, позволявшим содержать воинов за счет общинных запасов. Б. А. Рыбаков рассмотрел систему эксплуатации свободного населения киевским князем и его дружиной через «полюдье». Господствующий класс — боярство, по его мнению, формировался как из верхушки дружины, так и из местной родоплеменной знати²⁹.

В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин осветили проблему совета («думы») князя с дружиной³⁰.

И. Я. Фроянов отмечает существование на Руси дружин в IX в. как бесспорное, а для более раннего времени — как предположительное. В XI—XII вв. «дружинные отношения» продолжают существовать, хотя дружинники в то время испытывают уже «некоторую тягу к оседлости». Автор полагает, что существование «дружинных отношений» является свидетельством того, что классовое общество в Киевской Руси еще не сложилось. Бояре, по мнению И. Я. Фроянова, могли быть как служилыми, княжескими, так и неслужилыми, «земскими», причем между этими двумя группами не было четкой грани. И. Я. Фроянов рассмотрел содержание терминов «отроки», «детские», «милостники», обозначающих членов младшей дружины. С конца XII в. младшая дружина, по его мнению, «поглощается княжеским двором»³¹.

Значительное внимание институту дружины уделил М. Б. Свердлов. Дружины у славян существовали, как он полагает, с VI—VII вв. В Киевской Руси дружина — служилая знать — обогащалась в первую очередь за счет эксплуатации свободного населения в системе верховной феодальной собственности на землю государства, однако постепенно расширялось и частное феодальное землевладение дружинников. В процессе интеграции служилой знати с неслужилой складывается боярство: термин «боярин» обозначает как старших дружинников, так и «местную племенную», «неслужилую» знать. М. Б. Свердлов рассмотрел социальное содержание и других терминов, обозначающих членов дружины (мужи, отроки, детские, пасынки, паробки, слуги дворные, слуги, дворяне, милостники)³².

В. А. Тимонин рассмотрел вопрос о борьбе между родоплеменной и дружинной знатью в период образования государства и пришел к выводу, что следует говорить о «трансформации» или «преобразовании» первой во вторую³³.

В. Д. Котенко считает, что дружина у славян появилась в VI в. Дружинная знать играла важную роль в складывании

господствующего класса, являлась опорой княжеской власти. Из дружинников формировались кадры для государственного аппарата³⁴.

Большой вклад в изучение древнерусской дружины внесли советской археологией. Детальному исследованию подверглись так называемые «дружинные курганы» IX — нач. XI в. в Гнездове, Чернигове, Шестовицах, Киеве, Ярославском Поволжье, Приладожье. В результате было установлено, что в древнерусской дружине IX—X вв. преобладал славянский этнический компонент, и таким образом была опровергнута точка зрения многих дореволюционных исследователей, полагавших, что до XI в. дружина состояла в основном из варягов³⁵.

М. Х. Алешковский рассмотрел материалы «дружинных курганов» XI—XII вв., расценив их расщепление по всей древнерусской территории не в составе крупных могильников, а поодиночке на сельских кладбищах, как свидетельство расселения дружинников по принадлежащим им селам³⁶. И. И. Ляпушкин на основе сопоставления археологических материалов с данными письменных источников пришел к выводу, что о дружинах у восточных славян можно говорить по отношению ко времени не ранее середины IX в.³⁷ А. Н. Кирпичниковым было исследовано вооружение древнерусских дружинников³⁸. Краткий обзор археологического изучения дружины был сделан В. А. Булкиным, И. В. Дубовым и Г. С. Лебедевым. Эти авторы рассматривают период IX — первой половины X в. как начальный этап в становлении древнерусской дружины³⁹. Более подробные итоги изучению материалов «дружинных курганов» подведены В. В. Седовым. Он присоединился к положению о IX — первой половине X в. как начальном этапе в становлении древнерусской дружины, но отметил, что, возможно, уже в VI—VIII вв. «небольшое число дружинников находилось при племенном князе постоянно»⁴⁰.

Вопросы, связанные с историей института дружины, рассматривались также в работах по истории языка, фольклора, летописания. Ф. П. Сорокалетов и А. С. Львов рассмотрели дружинную терминологию — первый в связи с исследованием древнерусской военной лексики, второй — лексики «Повести временных лет»⁴¹. Р. С. Липец исследовала изображение дружины в русском былинном эпосе⁴². И. М. Троцкий рассмотрел отражение в «Повести временных лет» «дружинной идеологии». По его мнению, эта идеология была свойственна автору Начального свода 90-х гг. XI в. и проведена в текстах начиная с рассказа о княжении Игоря Старого. Автор Начального свода выражал точку зрения не старшей дружины — бояр, и не младшей — отроков, а среднего слоя дружины — мужей⁴³.

Говоря об изучении вопросов истории русской дружины в зарубежной науке, следует вначале остановиться на замечаниях К. Маркса, высказанных в работе «Тайная дипломатиче-

ская история XVIII столетия» (написана в 50-е гг. XIX в.). Маркс отмечал, что при первых Рюриковичах дружина (the Faithful Band) составляла одновременно гвардию киевских князей и их «частный совет» («formed at once their guard and their privy council»), а господствующей формой социально-политических отношений князей с дружинной знатью был «вассалитет без фьефов или фьефы, состоящие только из даней» («wassalship without fiefs or fiefs consisting only in tributes»), т. е. данническая система эксплуатации еще без осуществления земельных пожалований вотчинного типа и в пользу членов дружины. В работе отразилось господствующее в историографии середины прошлого века представление о норманнском характере древнерусских дружин IX—X вв.⁴⁴

В современной зарубежной марксистской историографии институт дружины на Руси изучался польскими историками Т. Василевским и Г. Ловмянским, а также Л. Маккаи (Венгрия). Т. Василевский в работе о вооруженных силах в ранне-средневековой Руси рассмотрел значение термина «дружина» и производных от него («старшая дружина», «младшая дружина»). По мнению автора, эти термины в источниках обозначают различные категории класса феодалов, а дружиной в научном смысле должна считаться часть «младшей дружины», находящаяся на полном содержании князя и составлявшая низший слой класса феодалов, высшей категорией которого были бояре — слой, хотя и включаемый в понятие «старшая дружина», но вышедший не из дружинной среды. Из представителей «собственно дружины» формировался государственный аппарат, особенно низшая его часть. В XII—XIII вв. дружинники «осели на землю»⁴⁵.

В более поздней работе, посвященной дружине не только на Руси, но у славян вообще, возникновение славянских дружин Т. Василевский относит к VI—VII вв. Он отмечает, что в VIII—X вв. существовали «региональные» славянские дружины, с середины X в. — «государственные»; «дружинные» связи отличны от «родовых», «территориальных», «племенных» и «этнических». Дружинников Т. Василевский подразделил на две группы: рыцарскую клиентелу, включавшую на Руси старшую дружину (бояр), составленную из потомков племенной аристократии и рыцарей (мужей), и вооруженную княжескую челядь — несвободных отроков. Источниками содержания дружины были: 1) военная добыча и дани-контрибуции; 2) дары, затем дань с собственных племенных территорий. Собственные хозяйства князей и дружинников играли в нашем средневековье вспомогательную, хотя и возрастающую со временем роль: главным источником дохода было участие в государственном финансово-податном аппарате⁴⁶. Таким образом, Т. Василевский изменил свою точку зрения на границы дружинного слоя, посчитав, что высшая знать также может быть в него

включена, поскольку в раннесредневековый период и для нее главными были источники доходов, связанные с близостью к княжеской власти.

По мнению Г. Ловмянского, дружина в классическом понимании имеет четыре основные черты: 1) функциональную (военная деятельность); 2) экономическую (кормление, снаряжение и квартирование дружины ее предводителем); 3) организационную (постоянная готовность к боевым действиям по приказу предводителя); 4) идеологическую (наличие «духовных уз» между членами дружины, верность их предводителю, с одной стороны, и опека предводителем дружинников — с другой). В древнерусских источниках дружина предстает уже в развитом виде. При этом «собственно дружиной» на Руси является лишь «малая дружина» — отроки или гриди. «Дружина в широком смысле» включает и обязанных службой княжеских вассалов. «Собственно дружина», по мнению Ловмянского, не была из-за своей малочисленности силой, достаточной для осуществления задач государственного строительства, князь не мог обходиться без поддержки вассалов. К распаду дружины привели рост ее рядов, в результате которого дружинники не могли уже сосредотачиваться в одном месте, при князе, и оседание дружинников на землю. В конце XII—XIII вв. древнерусская дружина теряет военный характер, а с ним и характер дружины, сменяясь княжеским двором⁴⁷.

Л. Маккаи посвятил свое исследование дружинам в Восточной Европе в целом, в связи с социально-экономическим развитием этого региона в раннее средневековье. По его мнению, древнерусские княжеские дружины, сложившиеся к IX в., опираясь на свое военное превосходство, вытеснили племенную аристократию. Частная собственность дружинников была незначительной, основные доходы они получали как члены аппарата управления раннефеодального государства⁴⁸.

В зарубежной буржуазной историографии институт дружины на Руси специально рассматривался А. Экком (Бельгия), Г. В. Вернадским (США), К. Р. Шмидтом (Дания) и У. Хальбахом (ФРГ).

А. Экк отмечал, что древнерусская дружина делилась на «дружину большую» или «старейшую», состоявшую из бояр или мужей, и «дружину молодшую», подразделявшуюся на гридей, отроков, детских, дворян. Дружинники исполняли административные функции, а представители «молодшей» дружины также использовались в качестве домашних слуг князей⁴⁹.

Г. В. Вернадский полагал, что первые члены дружины были норманнами, пришедшими с варяжскими князьями, но уже в X веке дружина утратила норманнский характер. Правящий класс Киевской Руси — бояре-землевладельцы — сформировался главным образом из дружинной знати, хотя был и другой источник — «местная аристократия»⁵⁰.

К. Р. Шмидт в своем исследовании русской социальной терминологии домонгольского периода подробным образом проследил по письменным источникам термины, связанные с дружинной организацией. Автор пришел к выводу, что первоначально дружиной называлась княжеская свита, а с конца XI в. дружина русских князей стала сложным и многослойным институтом⁵¹.

У. Хальбах в книге по истории княжеского двора на Руси до XVI в. рассмотрел категории внутри древнерусской дружины X—XII вв. и должности, занимаемые дружинниками в административном аппарате. По его мнению, бояре в IX—XII вв. были высшим слоем княжеской дружины: боярское землевладение появилось с конца XI в., после чего бояре стали обретать материальную независимость от князей. В XII—XIII вв. дружина постепенно прекратила свое существование, ее низшие слои образовали княжеский «двор»⁵².

Подводя итог обзору изучения древнерусской дружины, можно констатировать, что не вызывающими расхождений представляются положения о делении дружины на две основных части — старшую дружину и младшую дружину, о наименовании в источниках членов старшей дружины боярами, об «оседании дружины на землю» — превращении дружинников в частных землевладельцев, об активном участии дружины в деятельности аппарата управления. В то же время спорными остаются вопросы о времени возникновения института дружины, об отношении дружины к процессу складывания системы феодальной земельной собственности, о времени возникновения вотчин у дружинников, о соотношении роли дружинной и неслужилой знати в процессе генезиса феодализма, о распространении на последнюю термина «боярин», о соотношении категорий внутри младшей дружины.

Важность изучения института дружины увеличивается тем, что он не является спецификой какого-либо одного народа или региона, а представляет собой общенсторическое явление. У большого числа народов в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому существовал особый социальный слой военно-служилой знати, знати, отличной от родоплеменной. Наиболее раннее свидетельство о ее существовании можно видеть в сообщении Юлия Цезаря (I в. до н. э.) о наличии у вождя кельтского племени сотиатов Адриатунна отряда из 600 «солдуриев» («преданных»), связанных с вождем отношениями личной верности: «В то время как внимание римлян было направлено исключительно на эту капитуляцию (города галлов. — А. Г.) из другой части города вождь сотиатов Адриатунн попытался сделать вылазку во главе отряда из шестисот «преданных», которых галлы называют «солдурими». Их положение таково: они обыкновенно пользуются всеми благами жизни обща с тем, чьей дружбе они себя посвятили, но если этих по-

следних постигнет насильственная смерть, то солдурин разделяют их участь или же сами лишают себя жизни: и до сих пор на памяти истории не оказалось ни одного такого солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому он обрек себя в друзья. Вот с ними-то и попытался прорваться Адиатуш. Но на этой стороне наших укреплений подняли крик, солдаты сбежали к оружию, и после ожесточенного сражения Адиатуш был отброшен в город»⁵³. Из-за завоевания Галлии римлянами развитие кельтской дружины оказалось прервано и приведенное свидетельство о ней является единственным. В раннем средневековье дружинная знать существовала у германцев и славян — народов, переходивших к феодализму непосредственно от первобытнообщинного строя⁵⁴.

Обращаясь к вопросу о роли военно-дружинной знати в процессе классового образования, следует прежде всего отметить, что существование данного социального слоя относится к периоду складывания средневековых классовых обществ. Хотя термин «дружина» иногда и применяется для обозначения военных отрядов в обществах древнего мира, тем не менее очевидно, что в древности в период генезиса классового строя особого слоя военно-служилой знати не сложилось. В силу этого ни в одном из обществ древнего мира господствующий класс не был военно-служилым. В то же время военно-служилый характер свойствен господствующему классу средневековых феодальных обществ, что свидетельствует в пользу его генетической связи с военно-дружинной знатью эпохи генезиса феодализма.

Задача настоящей работы — проследить эволюцию древнерусской дружины со времени ее возникновения, ее роль и место в процессе разложения первобытнообщинных отношений, формирования и развития классового общества и государства.

Глава I

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О ДРУЖИНАХ У «ВАРВАРОВ». ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРУЖИНЫ

Для суждений о раннем — до образования средневековых государств — этапе существования института дружины у европейских народов имеются довольно подробные сведения по истории древних германцев. В I в. до н. э. Цезарь, описывая германские племена, отмечал наличие у них временных военных объединений, собираемых из числа молодежи на период ведения военных действий: «Разбой вне пределов собственной страны у них не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди (подобного набега) и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предпрятию и личности вождя, и при одобрении народной массы обещают свою помощь»¹. Полтора столетия спустя Тацитом зафиксирована уже существенно иная картина: «Любые дела, и частные, и общественные — они (германцы. — А. Г.) рассматривают не иначе как вооруженные. Но никто не осмеливается, вопреки обычаю, носить оружие, пока не будет признан общиной созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич вручают юноше щит и копье: это — их тогда, это первая доступная юноше почесть: до этого в них видят членов семьи, после же этого — племена. Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя², все прочие собираются возле отличающихся телесной силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять в чьей-нибудь дружине (comites). Впрочем, внутри дружины, по усмотрению того, кому она подчиняется, устанавливаются различия в положении; и если дружинники упорно соревнуются между собой, добиваясь преимущественного благоволения вождя, то вожди — стремясь, чтобы их дружина была

наиболее многочисленной и самую отважную. Их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большою толпою отборных юношей, в мирное время — их гордостью, на войне — опорой. Чья дружина выделяется численностью и доблестью, тому это приносит известность, и он прославляется не только у своего, но и у соседних племен; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами, и молва о нем чаще всего сама по себе предотвращает войны.

Но, если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники — за своего вождя. Если племя, в котором они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди опасностей легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насильем и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, и жаждущее крови и победоносное копье, что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалования. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать землю и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие.

Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию. И самые храбрые и воинственные из них ничего не делают, препоручая заботы о жилище, домашнем хозяйстве и поле женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домоладцев, тогда как сами погрязают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой. У их общин существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое как дань уважения, служит также для удовлетворения их потребностей. Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, ценное оружие, фалеры и ожерелья; а теперь мы научили их принимать также и деньги»³.

На основе приведенного текста можно сделать следующие выводы относительно дружинной организации у германцев в

I в. н. э.: 1. Дружинники представляли собой постоянную социальную группу, существующую и в мирное время. 2. Дружинники находились в основном на содержании вождя, а земледелием занимались мало, хотя еще не полностью с ним порвали. 3. Дружинников связывали с вождем отношения личной верности. 4. Внутри дружин наметилась определенная иерархия («gradus quim etiam ipse comitatus habet, iudicio eius, quem sectantur». — «в самой дружине, по усмотрению того, кому она подчиняется, устанавливаются различия в положении»). 5. Дружинники, по-видимому, жили при своем вожде обособленно от соплеменников, и таким образом не являлись членами отдельных общинных коллективов: об этом свидетельствует то, что вожди всегда, в том числе и в мирное время, окружены «большою толпою отборных юношей» («magno semper et electorum iuvenum globo circumdari»), и упоминание пиров, которые служили дружинникам вместо жалованья, что указывает на совместную трапезу вождя и дружины; об отрыве дружинников от общинной структуры свидетельствует и то, что представители этого слоя могли вступать в дружины других племен⁴. 6. Источниками формирования дружины были: а) юноши из знатных семей; б) люди, выделявшиеся своей воинской доблестью. 7. Средствами существования дружин являлись: а) военная добыча; б) приношения соплеменников; в) дары от других племен (видимо, в качестве откупа от войны).

Таким образом, в «Германии» Тацита зафиксирован этап, на котором дружины у германцев, по словам Ф. Энгельса, «уже приобрели... постоянный характер, составляют устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы»⁵. Об этом этапе и о дальнейшей эволюции германской дружины Ф. Энгельс писал: «Воинский вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними; для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказались, например, позже у Одоакра, в Италии, все же в их существовании таился уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Ибо, во-первых, они благоприветствовали возникновению королевской власти; во-вторых, как замечает уже Тацит, их можно было удержать как организованное целое только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью. Если предводителю дружины нечего было делать поблизости, он направлялся со своими людьми к другим народам, у которых происходила война и можно

было рассчитывать на добычу. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с придворными слугами из числа несвободных и римляни, вторую из составных частей позднейшей знати»⁶.

Итак, у германских племен формировались дружины предшествовало складыванию феодальных отношений. Выше отмечалось, что институт дружины был свойствен обществам эпохи генезиса феодализма. Формирование дружинной знати именно в период складывания раннефеодальных обществ раннего средневековья предполагает существование определенных, характерных именно для данной эпохи, социально-экономических условий, сделавших возможным ее появление. Для европейских земледельческих народов, перешедших к феодализму непосредственно от первобытнообщинного строя — германцев и славян, такими условиями были уровень развития средств производства и степень развития общинной организации. Если в древних обществах европейского региона первое изображение пахотного орудия с железной рабочей частью относится к VI в. до н.

т. е. к самому концу периода классового образования, то у германцев в первых всках новой эры и у славян в VI—VIII вв.

(то есть в период, предшествовавший генезису классового общества) пахотные орудия с железными рабочими частями получили широкое распространение⁷. Железные наконечники пахотных орудий известны уже в памятниках черняховской культуры (II—IV вв. н. э.), которую многие исследователи считают частично славянской⁸. В памятниках достоверно славянских археологических культур VI—VIII вв. находки таких наконечников также встречаются часто, распространяясь (с VIII в.) и на лесную зону (наиболее ранние находки относятся к лесостепной полосе)⁹. Применение железных рабочих частей значительно повышало производительность земледельческого труда, что вело к усилению индивидуализации производства, ослаблению хозяйственных связей внутри первобытной родовой общины, к становлению малой семьи в качестве основной хозяйственной единицы и, в конечном счете, к формированию соседской общины.

Сравнивая между собой уровень развития общинной организации в эпохи генезиса древних и средневековых классовых обществ, можно (разумеется, очень обобщенно) отметить следующее: в древности разложение родовой и складывание соседской общины не предшествовало оформлению классового и государственного строя, а совпадало с ним, причем прочность родовых связей и родовая собственность на землю сохранялись длительное время в условиях классового общества¹⁰; в раннее средневековье классовое общество формировалось в условиях, когда родовая община и родовая собственность на землю были пройденным этапом развития — процесс разложения родовой и складывания соседской общины здесь предшествовал оформ-

лению классов и государства¹¹. У восточных славян временем перехода к соседской общине, как установлено археологическими исследованиями, была третья четверть 1-го тыс. п. э.¹² Разложение в ходе этого процесса тесных родовых и хозяйственных связей членов общины делало возможным выделение военно-дружинной знати (не связанной, в отличие от родоплеменной, с отдельными общинами). Содержание дружинной знати стало возможным за счет роста прибавочного продукта в результате отмеченного развития средств производства.

Складыванию дружинного слоя способствовали и изменения, происходившие в «варварских» обществах в 1-м тыс. п. э. на уровне более крупных общностей, чем община. Германские племена во времена Тацита (I в. п. э.) представляли собой общности, основанные на кровнородственных связях. В ходе начавшегося затем переселения народов старые племена дробились, включались в различные политические образования — племенные союзы, и в результате сложились новые общности на территориальной основе, что проявилось, в частности, в почти полном исчезновении старых племенных названий¹³. В отношении истории славян состояние источниковой базы не позволяет осветить проблему племенной структуры в период до VI в., однако ряд данных говорит о том, что в славянском обществе в эпоху расселения славян на обширных территориях Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы (V—VII вв.) происходил принципиально сходный процесс. Так, Иордан (середина VI в.) указывает, что «теперь» наименования славян «меняются (*mutantur*) соответственно различным родам и местностям (*familias et loca*)»¹⁴. О смене большей части славянских племенных названий праславянского периода новыми говорят и наблюдения за «племенными» названиями, донесенными источниками VII—XII вв.

Таких названий источниками донесено свыше 100. Этимология примерно 55% из них (61) может считаться установленной. Среди славянских этнонимов есть как наименования общностей, обычно называемых племенами, так и наименования «союзов племен»¹⁵. Сведем славянские «племенные» названия, имеющие бесспорную этимологию, в таблицу, где бы отразились как типы этнонимов (происходящие от местности обитания, отражающие качества называемых общностей, патронимические и т. д.), так и их региональное распределение (табл. 1)¹⁶.

Между соотношением типов этнонимов, обозначающих «племена», и соотношением типов этнонимов, обозначающих «союзы племен», существенных различий нет. Нет серьезных расхождений и между соотношениями «племенных» названий по регионам. Во всех случаях явно преобладает тип «названия по местности обитания». Неясно время появления таких названий на территориях предполагаемого обитания славян до

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		висяне мораване			—	—		—	—
	«племена»	гопяне слензяне лучане бобряне						дубы лемузы	лютоме- ричи
	%	75						16,7	8,3
Полабье (3 + 23)	«союзы племен»	—	—	вильцы велеты люгичи (разные названия одного союза)		—		—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	«племена»	варны полабы доленчане черезленяне украи моричане гаволипе спреване дошане нишане с-лубляпе древане брежане востроги речане межиречи нижичп лужичане руяне		пререги лупиго- лова	хвжане	сусельцы			
	%	73,1		15,2	3,8	3,8			

1	2	3	4	5	6	8	9	10
Балканы (2+13)	«союзы племен»	хорутане		—	—	словене		—
	«племена»	гачане неретляне тимочане струменичи рихины залдуняне берзич езеричи конавличи дукляне	моравы дреговичи				дулебы	
	%	73,3	13,3			6,7	6,7	
Всего	«союзы племен» (16)	40 (62,5%)		3 (18,8%)		2 (12,5%)	1 (6,2%)	—
	«племена» (45)	35 (77,8%)	2 (4,4%)	2 (4,4%)	1 (2,2%)	1 (2,2%)	3 (6,7%)	1 (2,2%)
	Итого (61)	45 (73,8%)	2 (3,3%)	5 (8,2%)	1 (1,6%)	2 (3,3%)	4 (6,6%)	1 (1,6%)

VII в. (времени, когда славянские этнонимы, несомненно являющиеся самоназваниями, начинают упоминаться в источниках). Однако два из рассмотренных регионов — Полабье и Балканы — являются территориями, колонизовавшимися славянами в конце V—VII вв. К VI в. относится расселение славян в Чехии и Моравии¹⁷, в раннем средневековье появились славяне и на севере Восточной Европы. Если суммировать данные по всем этим регионам (77% всех рассматриваемых этнонимов), то окажется, что названия «по местности обитания» составляют здесь 68,1% всех этнонимов, при этом из названий «племен» — 75%. Очевидно, что названия этого типа на колонизуемой территории могли появиться только после ее заселения, т. е. не ранее VI—VII вв. В других регионах время появления названий «по местности обитания» (здесь их 92,9% от числа рассматриваемых этнонимов) не столь очевидно. Однако практическое отсутствие различия в их соотношении с названиями других типов в сравнении с регионами колонизации наводит на предположение о принципиальном единстве «этнонимической картины» во всех регионах раннесредневекового славянского расселения.

Устойчивость самоназвания — один из основных признаков этнической общности¹⁸. Признание того, что в середине — третьей четверти 1-го тыс. н. э. в славянском обществе произошла смена большей части племенных названий, наводит на предположение, что под новыми названиями скрывались новообразования, возникшие вследствие перемещения племенных групп, объединенных кровнородственными связями, в ходе расселения и являвшиеся в большей степени территориально-политическими, а не этническими общностями. Что касается славянских «союзов племен», то в советской науке закрепились их характеристика как политических объединений¹⁹. Отсутствие различия между соотношением типов названий «племенных союзов» и отдельных «племен» свидетельствует в пользу высказанного в новейшей историографии предположения, что все известные славянские этнонимы раннего средневековья обозначали образования территориально-политического характера²⁰. Для мелких территориальных общностей наиболее подходящим представляется термин «племенные княжества», а для их объединений — «союзы племенных княжеств». Названия «княжество» отражает факт существования в этих общностях княжеской власти²¹, определение «племенные» — особенности их формирования: в результате дробления и смешивания племен (в собственном смысле этого слова).

Наиболее вероятно, что славянские общности раннего средневековья складывались сразу же в форме племенных княжеств и союзов племенных княжеств: уже в VII в. упоминаются князья (*архонтес*, *рауес* византийских источников, *duces* латиноязычных германских) как небольших территориальных

общностей македонских славян, так и крупного объединения полабских сербов²² (не говоря уже о том, что имеется немало сведений о князьях в VI в. для славянских группировок Дунайского левобережья, самоназвания которых неизвестны и которые прекратили свое существование в ходе дальнейших передвижений славян). Поэтому появление этих типов общностей может быть отнесено в основном к VI—VIII вв., времени сразу же после окончания миграций славянских группировок. Таким образом, в этот период место старой племенной структуры славянского общества заняла двухступенчатая структура территориальных объединений: «племенных княжеств» и «союзов племенных княжеств». Разрушение старой племенной структуры в ходе миграционного движения, охватившего славянский этнос в V—VI вв., и вызванного в свою очередь началом процесса разложения родовых отношений, способствовало возникновению дружинного слоя, стоящего вне родовой структуры, усилению роли предводителей дружин — князей по отношению к категориям родоплеменной знати, более тесно связанным с родовым строем — родовыми и племенными старейшинами, жреческой прослойкой. Таким образом, возникновению дружин способствовали коренные изменения как на уровне общины (переход от родовой к соседской), так и синхронные им изменения на уровне более крупных общностей — т. е. ломка всей родоплеменной структуры славянского общества.

Данные Цезаря и Тацита, соотнесенные с фактами экономической и социальной истории, показывают, что в период, предшествовавший складыванию государств раннего средневековья, в «варварском» обществе появляется корпорация, резко отличающаяся от всех объединений людей, существовавших прежде. Дружина, во-первых, является отрицанием родового деления общества, поскольку набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности; во-вторых, дружина находится вне общинной структуры общества: она оторвана от нее социально (дружинники не являются членами отдельных общин, так как дружины существуют при вождях более крупных объединений) и территориально (в силу обособленного проживания дружинников).

Глава II

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНСКИХ ДРУЖИНАХ. ДРЕВНЕРУССКАЯ ДРУЖИНА В IX—X вв.

Наиболее ранние известия о наличии дружин у славян содержатся в источниках, повествующих о славянских вторже-

ниях на Балканский полуостров,— в «Войне с готами» Прокопия Кесарийского (середина VI в.) и «Чудесах св. Димитрия Солунского» (VII в.).

Анализ терминов, обозначавших военные отряды в сочинениях Прокопия, привел их исследователя С. А. Иванова к выводу, что термин *στρατηγία* обозначал у этого автора славянские княжеские дружины¹. Это наименование относится у Прокопия к славянским войскам трижды: при повествовании о славянских походах на Византию 547 и 549 гг. и при упоминании о помощи славян готскому князю Ильдигу². Из содержания рассказов о войнах 547 и 549 гг. следует, что славянские отряды были конными³. Кроме того, рассказ о вторжении 549 г. привлекает внимание тем, что характеристика в нем славянского войска как немногочисленного расходится с большинством известий византийских авторов о войнах со славянами, в которых подчеркивается несметное количество противника, его численное превосходство⁴. Незначительная численность славянских отрядов контрастирует с блестящими результатами их действий⁵. Разгром славянами численно превосходящих отборных византийских войск может быть объяснен тем, что со стороны первых действовали также отборные, хорошо вооруженные по отношению к основной массе славян силы. Это наблюдение в совокупности с выводом о конном характере славянского войска позволяет утверждать, что по крайней мере в данном рассказе Прокопия речь идет о действиях дружинных отрядов.

В «Чудесах св. Димитрия Солунского» есть два известия, свидетельствующие о существовании у славян дружинного строя. В 1-ой книге «Чудес», в рассказе о падении в конце VI в. славян на Фессалонику (Солунь)⁶, говорится, что к городу подступил отряд неприятеля (численностью, по приблизительным подсчетам осажденных, до пяти тысяч человек), который состоял из «отборных» (*επιλεκτοις*), и «опытных в военном деле» (*επιειροτολεμοις*) людей, представлявших собой «избранный цвет славянских племен» (*των Σκλαβινων ευνοις επιλεκτων ανδρος*)⁷. Подобная характеристика неприятеля может быть объяснена только тем, что воины отряда выделялись своим вооружением по отношению к славянам, составлявшим основу более многочисленных славянских войск, о нападениях которых на Солунь говорится далее в источнике. Поэтому кажется вероятным, что в данном случае речь идет о дружине, об отряде профессиональных воинов.

Вторая книга «Чудес» при описании событий, связанных с предпоследним нападением славян на Солунь⁸, упоминает в числе славян «сильных и выдающихся тяжеловооруженных воинов» (*σθεναρους και εξοχους και ολιτας*), победа над которыми обеспечила византийцам общий успех⁹.

Таковы сведения, которые можно почерпнуть из письмен-

ных памятников. Данные о численности славянских отрядов, содержащиеся в рассказе Прокопия о вторжении 549 г. и в сообщении первой книги «Чудес», позволяют думать, что для вторжений на византийскую территорию, осуществляемых профессиональными воинами, объединялись дружины нескольких (и вероятно, многих) племен (такому объединению способствовал процесс интеграции племен в ходе переселений) и, возможно, наряду с дружинниками в них принимало участие какое-то число попов, не входивших в дружинный слой¹⁰.

Что касается археологических памятников, то для периода VI—VII вв. известна серия богатых кладов, найденных на территории достоверно славянской культуры пельковского типа (Среднее Поднепровье, Поднестровье, Нижнее Подунавье) и совпадающих с ней по своему инвентарю¹¹. Мнение о том, что эти клады связаны с воинами-дружинниками¹², представляется убедительным¹³.

Таким образом, наиболее ранние сведения источников о славянских дружинах относятся к VI—VII вв. Можно говорить о существовании в это время дружин в южных областях славянского расселения — лесостепной зоне Восточной Европы и дунайском левобережье¹⁴. Относительно более северных территорий данных нет. Неясно также, имелись ли дружины у славян ранее VI в. Несомненно лишь, что до появления постоянных дружин должны были существовать временные военные объединения, собираемые на период военных действий. Датировка появления института дружины у славян временем не позднее VI в. находит подтверждение и в фактах их социально-экономического и политического развития. Как говорилось выше, советскими археологами установлено, что третья четверть 1-го тыс. н. э. была у славян временем перехода к соседской общине, а разрушение в ходе этого процесса родовых связей создавало социальные условия для выделения групп людей, стоявших вне общинной структуры, какими являлись дружинники. К VI в. относится и начало интенсивного разложения племенной структуры славянского общества и перехода к территориально-политическим объединениям, что также способствовало появлению дружинной прослойки.

Для периода IX—X веков существует немало письменных и археологических свидетельств, позволяющих говорить о восточнославянской дружине этого времени как о многочисленном и привилегированном социальном слое. Из археологических данных это в первую очередь материалы так называемых «дружинных курганов». В археологии разработаны критерии для выделения погребений дружинников. Ведущим здесь является наличие в погребальном обряде и инвентаре свидетельств

того, что погребенный при жизни был тяжеловооруженным конным воином: захоронения с конем или с предметами тяжелого вооружения и снаряжения всадника. Если первые встречаются в основном в области Среднего Поднепровья и, вероятно, связаны отчасти со спецификой погребального обряда, то находки тяжелого вооружения отмечаются по всей древнерусской территории. По подсчетам А. Н. Кирпичникова, к середине 60-х гг. было известно находок IX — начала XI вв.: мечей и сабель — около 100 (включая датированные неопределенно — X — XI вв.), боевых топоров — свыше 200, копий — свыше 300, кольчуг — 25, шлемов — 7, щитов — 18, предметов снаряжения всадника — около 90¹⁵. Находки в захоронениях вооружения этих типов определенно указывают на принадлежность погребенного к дружине. Мелкие обоснованно отнесенные к дружинным погребениям, в которых обнаружен такой тип оружия, как стрелы (если наконечники стрел не сочетаются с другими видами вооружения). Исследования курганных могильников показали, что находки тяжелого вооружения «коррелируют» с богатством погребения — курганы с захоронениями профессиональных воинов оказывались и наиболее внушительными по размерам, и наиболее богатыми по своему инвентарю.

Известны три региона наибольшей концентрации (относительно рядовых захоронений) погребений дружинников IX — начала XI в. на восточнославянской территории. Это верхнее Поднепровье — район Смоленска (наиболее крупный могильник — Гнездово), Нижнее Подесенье (наиболее крупные могильники — Черниговский, состоящий из нескольких курганных групп, и Шестовицкий) и Киев. К этим регионам относятся почти половина находок мечей, около 20% боевых топоров, около 15% — копий, 13 из 25 кольчуг, 4 из 7 шлемов, две трети щитов¹⁶. Наиболее высок процент захоронений дружинников в Шестовицах и Киеве. Д. И. Блифельд относит к дружинным 26 шестовицких захоронений: с тяжелым оружием (меч, сабля, боевой топор, копье, щит), с конем и скрамасаксом (жертвенным ножом), с конем без оружия, с женщиной-рабыней, а также богатые детское и два женских. Общее число погребений в Шестовицах (исключая пустые могилы) — 96¹⁷, таким образом, захоронения представителей дружинного слоя составляют 27%. В Киевском некрополе М. К. Каргер отнес к дружинным 20 захоронений из 125¹⁸. К этим 20 следует приплюсовать 4 богатых женских погребения (№ 122—125): дружинная знать в X в. представляла собой социальный слой, в который, естественно, входили не только взрослые мужчины, составлявшие его основу и дающие ему социальную характеристику, но представители обоих полов и всех возрастов. В этом случае погребения представителей дружинной знати составят свыше 19%.

Известны на восточнославянской территории и поселения

IX—X вв., рассматриваемые как дружинные. Два таких городища исследованы на Буковине — Ревно ІВ (X в.) и Горишние Шеровцы (X — первая половина XII в.). Городища возникли на месте бывших общинных центров и сопровождалась селениями-спутниками, в которых жило население, обслуживавшее потребности дружинников — жителей городища¹⁹. Б. А. Тимошук, исследовавший эти городища, относит Ревно ІВ к княжеству племенного союза хорватов, а Горишние Шеровцы считает крепостью, построенной в процессе «окняжения» земель Среднего Поднестровья киевскими князьями²⁰. Дружинным поселением, вероятно, было городище Хотомель на правом берегу р. Горыни, правого притока Припяти. В его культурном слое найдены предметы вооружения, в том числе остатки панциря и снаряжения конного воина, датируемые VIII—IX вв.²¹

Данные археологии позволяют говорить о наличии дружинных контигентов в IX—X вв. в различных регионах расселения восточного славянства. Наиболее сильный контингент дружинников связан с ядром Древнерусского государства — «Русью» в узком смысле (Среднее Поднестровье)²²: на этой территории расположены киевский²³, черниговский и шестовицкий некрополи.

В то же время есть основания говорить о существовании в IX—X вв. дружин у князей союзов племенных княжеств. Из письменных источников можно почерпнуть лишь одно (косвенное) указание на такую дружину. Арабский автор Ибн-Русте, описывая союз племенных княжеств вятичей IX в., говорит о том, что «свиег—малик» («светлый князь») ²⁴ славян имеет «верховых лошадей» и «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги»²⁵. Очевидно, речь идет об экипировке дружины «светлого князя». По данным договоров Руси с Византией 911 и 944 гг., еще в первой половине X в. на Руси был ряд таких князей: «Мы от рода рускаго... иже послали от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь... И не владим, елико наше изволение, быти от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ»²⁶; «Мы от рода рускаго слы и гостье... послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякой княжыя...И великий князь наш Игорь, и князи и боляре его...»²⁷ Из археологических комплексов с дружинами князей союзов племенных княжеств, очевидно, связаны городище Ревно ІВ и гиздовские дружинные курганы. Вероятно существование дружин и в более мелких территориальных общностях — племенных княжествах. С такими дружинами могут быть связаны городище Хотомель и повоселковский курганный комплекс близ Смоленска²⁸.

Ключевым вопросом истории дружины IX—X вв. является вопрос о ее месте в системе общественных отношений в связи с коренными изменениями, происшедшими в это время. В X в.

предстает уже во вполне сложившемся виде система даннической эксплуатации лично свободного населения. Способом сбора дани было «полюдье» — круговой объезд князем и его дружиной подвластных земель. Константином Багрянородным в его сочинении «Об управлении государством» (40-е гг. X в.) было рассказано о полюдье киевских князей первой половины X в.: «Зимний же и суровый образ жизни росов таков. Когда наступит полярный месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдья²⁹, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами³⁰ росов. Кормясь там в течение всей зимы, они слова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киеву»³¹. Б. А. Рыбаков провел детальное историко-географическое исследование полюдья, исходя из того, что оно было круговым объездом киевского князя и его дружины, охватывавшим территории «племенных союзов» древлян, дреговичей, кривичей и северян, в ходе которого в специальные пункты — «становища» свозится дань, собранная для Киева местными князьями³². По-иному подошел к этому вопросу М. Б. Свердлов, обративший внимание на слова Константина о «прочих славянах» — данниках росов. По мнению М. Б. Свердлова, этими «прочими славянами» были словене повгородские, радимичи, уличи и тиверцы, а полюдье первой половины X в. было не объездом киевским князем и его дружиной нескольких «племенных союзов», а разъездом князя и его приближенных с дружинами по разным «племенным союзам», внутри каждого из которых один из киевских дружинных отрядов собирал дань³³.

Действительно, в период составления Константином трактата в подчинении Киева находились не только древляне, дреговичи, кривичи и север. В том же сочинении Константин, говоря о подготовке «росов» к плаванию в Константинополь, качестве «пактиотов» упоминает «кривичей» и «лендзанинов» (также добавляя — «и прочие Славинии») ³⁴. Рассказывая о печенегских «фемах», тот же автор указывает, что «фема Иавдиертам соседит с подплатежными Росии местностями, с ульятинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» ³⁵. Таким образом, в представлении Константина данниками Руси являются древляне, дреговичи, кривичи, север, уличи и загадочные «лензанины» или «лендзанины». Возможно, какие-то союзы племенных княжеств не названы автором. Однако трудно утверждать, что это были именно радимичи и тиверцы: подчинение первых, если и произошло в конце IX в., то не было прочным (радимичи окончательно вошли в состав Руси только при Владимире ³⁶), о подчинении же тиверцев к середине X в. ничего не известно: в походах на Византию они выступают в качестве союзников киевских князей ³⁷. С земли

повгородских словен дань собиралась, очевидно, сыном Игоря Святославом, который, по свидетельству Константина Багрянородного, княжил в Новгороде³⁸. Вероятно, именно в силу непосредственной зависимости земли словен от Киева Константин называл ее «Внешней Русью»³⁹.

Что касается вопроса о том, было ли полюдье, описанное Константином, единым мероприятием или состояло из нескольких «объездов», то более вероятным кажется второе предположение. В его пользу говорит указание на то, что в полюдье отправлялись «архонты» во множественном числе, а не один великий князь (при том, что Константину было известно имя «архонта» Руси Игоря и его сына Святослава)⁴⁰, и что возвращение «росов» из полюдья не было одновременным («начиная с апреля... возвращаются в Киеву»). Летописные указания на предоставленные Игорем прав на сбор дани с древлян и уличей воеводе Свенельду⁴¹ и описание сбора самим Игорем дани в Древлянской земле в 945 г.⁴² также указывают на то, что полюдье осуществлялось во второй четверти X в. киевскими дружинными отрядами внутри каждого союза племенных княжеств.

Следующим этапом в развитии системы сбора дани была полная ликвидация «автономии» союзов племенных княжеств. Конкретных известий о такой ликвидации два: это разгром Древлянской земли Ольгой в 945—946 гг.⁴³ и полоцкого княжества Рогволода Владимиром (в летописи под 980 г.)⁴⁴. Земля словен, очевидно, управлялась непосредственно Киевом с конца IX в.⁴⁵ Окончательная же ликвидация союзов племенных княжеств относится к периоду киевского княжения Владимира (кон. X — нач. XI в.), который посадил во всех крупных центрах Руси — Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме, Древлянской земле, Владимире-Волынском — своих сыновей⁴⁶. После этого функция сбора дани перешла к князьям-наместникам и отпала надобность в объездах, исходящих из Киева. Под 1014 г. в летописи упоминают порядок распределения дани, собираемой одним из князей-наместников: «Ярославу же сущю Новгороду, и урокомъ дающею Киеву двѣ тысячь гривень от года до года, и тысячу Новгороду гридемъ раздаваху. И тако даяху вси посадници (в НПЛ — князи. — А. Г.) новгородьстии»⁴⁷. Дружины союзов племенных княжеств, на землях которых были посажены представители киевской княжеской династии, очевидно, частью влились в дружины князей-наместников.

Таким образом, система даннической эксплуатации восточнославянских земель Киевом в X в. прошла 2 этапа: 1) «малые полюдья» при которых каждый отряд киевских дружинников объезжал «свой» союз племенных княжеств и собирал дань, мицуя местных князей⁴⁸; 2) сбор дани посаженными на территории бывших союзов племенных княжеств князьями —

родственниками великого князя киевского, отсылающими часть собранной дани в Киев.

Дань с восточнославянских земель в X в. собиралась в определенных размерах: «по щеляге», «по черне куне»; указываются в летописных известиях и единицы обложения: «дым» (т. е. дом, двор), «рало», «плуг»⁴⁹. Таким образом, дань является сбором регулярным, фиксированным и связанным с основным средством производства — землей (взимается с земельной площади, определяемой возможностями одного крестьянского хозяйства), т. е. фактически поземельным палоговым обложением. При этом налицо принудительное отчуждение прибавочного продукта, производимого земледельцем, что является главным признаком феодальной земельной собственности⁵⁰, и следовательно, лицо или корпорация лиц, в пользу которой собирается дань-налог, должно быть признано собственником земли. В летописных известиях о сборе дани с территории древнерусского государства в X — начале XI в. несколько раз в качестве получателя называются территориальные единицы, без указания на социальный слой, в пользу которого собирается дань: города Киев (дважды) и Вышгород, Русь (в смысле Киевская земля)⁵¹. Но в двух летописных фрагментах указывается, что получателем и потребителем прибавочного продукта, поступающего от непосредственных производителей в виде дани, была военно-служилая знать: об этом говорит рассказ ПВЛ о древлянской дани («В се же лето рекоша дружина Игорев: «Отроки Свенельжи изоделися сугь оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы»⁵²) и цитированное выше сообщение о разделе дани, собираемой повгородскими князьями-наместниками — тысяча гривен, оставшаяся после отправления части дани в Киев великому князю, раздавалась «гридям» — дружинникам. На дружинный слой как на получателя дани указывает и рассказ Константина Багрянородного о полюдьи киевских князей: в сочинении этого автора определение «все росы» соответствует киевским дружинникам.

Таким образом, субъектом собственности на земли, обложенные в X в. фиксированной данью-налогом, следует признать военно-дружинную знать, а данную форму собственности определить термином «корпоративная собственность военно-дружинной знати». Ее невозможно трактовать как княжескую собственность, так как князь выступал в X—XI вв. как глава дружинной корпорации и не являлся свободным распорядителем поступающего от населения прибавочного продукта: его обязанностью было распределение полученных доходов среди своих дружинников. Эта социальная функция князя отчетливо видна в требовании дружинников к Игорю вести их за данью к древлянам для того, чтобы они могли себя «добыть», и в лаконичном указании на распределение кня-

зем — новгородским наместником остававшейся у него в руках тысячи гревен между своими дружинниками-гридями. На ту же особенность раннефеодального общества указывают и строки из так называемого «Предисловия к Начальному своду конца XI в.»: «Древнии князи... не збираху многая имения... но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны»⁵³. Несмотря на очевидную идеализацию «древних князей» и стремление изобразить их дружинников кормящимися исключительно за счет «внешней» военной добычи, в этом фрагменте просматривается воспоминание автора конца XI столетия о времени, когда князья и дружинники еще не обзавелись вотчинным хозяйством и представляли прочную корпорацию, глава которой имел четкие обязанности в отношении ее членов. Встречающееся в исторической литературе определение раннефеодальной формы собственности как «государственной»⁵⁴ можно считать приемлемым лишь постольку, поскольку в раннее средневековье военнотружильная знать и государственный аппарат в основном совпадали⁵⁵. Наиболее же правильным будет, на наш взгляд, признать в данном случае субъектом собственности военно-дружинную знать.

Дань, собираемая дружинной корпорацией во главе с князем в раннее средневековье, вела свое происхождение от двух видов изымания прибавочного продукта, в зародышевом виде зафиксированных Тацитом у германцев — даров и приношений соплеменников и даней-контрибуций с покоренных племен. На генетическую связь палогов, собираемых древнерусскими князьями, с этим типом податей указывает праславянское происхождение термина «дань» (danь *)⁵⁶, свидетельствующее о генезисе такого рода поборов в период существования праславянского языка (примерно до VII в.⁵⁷). Оторванность дружинной знати от общинной структуры создавала благоприятные возможности как для узурпации ею военной добычи, так и для превращения вначале добровольных «взносов» соплеменников на нужды военной верхушки в эксплуатацию земледельцев-общинников. Корпоративный характер военно-дружинной знати способствовал преимущественному развитию именно корпоративной формы эксплуатации, какой была система даней, собираемых со свободного населения и распределяемых (в непосредственном виде или в виде дохода от продажи собранного в качестве дани продукта) среди членов дружинной корпорации. Изменение характера дани, ее превращение в регулярную подать, вызвало появление термина «полюдье» (древнерусского, в отличие от термина «дань»⁵⁸), обозначающего систему сбора дани — явление новое по отношению к родоплеменному строю⁵⁹.

Зарождение такой системы, по-видимому, относится к эпохе автономного развития союзов племенных княжеств, возникших

в VI—VIII вв. после расселения славян. В рассказе Ибн-Русте о вятичах второй половины IX в. говорится о том, что «царь» ежегодно объезжает своих подданных и берет с них подати — «платья»⁶⁰. Речь здесь идет о полюды в рамках территории «своего» союза племенных княжеств с взиманием дани мехами⁶¹. Полюдые киевских князей первой половины X в. уже вынесено за рамки «своего» союза, оно охватывает территории нескольких союзов.

Время включения тех или иных восточнославянских территорий в данническую зависимость от Киева не всегда может быть определено с точностью. Наиболее поздно (во второй половине X в.) были подчинены Киеву территории вятичей, радимичей, прикарпатских хорватов и вельяг⁶². Уличи были подчинены, очевидно, в княжение Игоря⁶³. Переход в зависимость от Киева земли новгородских словен и смоленских кривичей летописью связывается с вокняжением в Киеве Олега в конце IX в.⁶⁴ Этому же князю ПВЛ приписывает покорение в 883—885 гг. древлян, северян и радимичей⁶⁵. Однако вопрос о времени подчинения этих союзов, а также дреговичей, которые, согласно Константину Багрянородному, являются данниками Киева в первой половине X в. (летопись об их покорении молчит), более сложен. Известия о походах Олега на древлян, северян и радимичей отсутствуют в НПЛ младшего звена, отражавшей летописный свод более ранний, чем ПВЛ (начало XII в.)⁶⁶. Эти известия в ПВЛ связаны со сведениями (также отсутствующими в НПЛ) о выплате до 60-х гг. IX в. полянами дани хазарам⁶⁷, а северянами и радимичами — до походов на них Олега (884—885 гг.)⁶⁸. Однако есть сведения, противоречащие как зависимости полян от хазар, так и отсутствию до 80-х гг. IX в. зависимости каких-либо союзов племенных княжеств от Киева. Константинопольский патриарх Фотий в своем «окружном послании» восточным митрополитам 867 г. рассказывая о походе Руси на Константинополь в 860 г., отмечает, что руссы «подняли руку на ромейскую империю», «поработив соседние народы и через то чрезмерно возгородившись»⁶⁹. Такая характеристика вряд ли приложима к хазарским данникам, а под «поработенными соседними народами» могут иметься в виду только соседние с «Русской землей» славянские союзы племенных княжеств. Далее, из статьи Бертинских анналов о событиях 838—839 гг. известно, что в первой трети IX в. правитель руссов (киевский князь) принял восточный титул «хакап» (каган), равный императорскому⁷⁰. Этот факт говорит о независимости Киева от Хазарии, так как хазарский правитель послал тот же титул, и о значительном могуществе киевского князя, в силу чего сомнительно, чтобы он был сувереном только земли полян⁷¹. Вхождение по крайней мере западной части Северной земли в понятие «Русской земли» явно указывает на более раннее, чем конец IX в., время ее перехода в

зависимость от Киева⁷². Наконец, прекращение в период примерно с 833 г. до конца IX в. поступления куфических монет-дирхемов в области полян, западных северян, древлян, радимичей, дреговичей и южной части кривичей с большой долей вероятности может быть объяснено вхождением этих территорий в состав крупного объединения с центром в Киеве, вступившем в конфронтацию с Хазарией (принятие правителем титула хакана), которая в результате прерывает свою посредническую роль в торговле с областями, вошедшими в состав Руси⁷³. Учитывая весь этот комплекс данных, хронологию перехода средне- и верхнеднепровских союзов племенных княжеств в зависимость от поляно-русского союза можно представить следующим образом.

Наиболее ранним было подчинение западной части Северной земли, вошедшей в понятие «Русской земли» в узком смысле (скорее всего до IX в.). В первой трети IX в. попали в зависимость от Киева древляне, дреговичи и, возможно, часть кривичей. Сообщение ПВЛ о походе Олега на древлян связано, скорее всего, с необходимостью возобновления даннических отношений с этим наиболее непокорным союзом после смены князя на киевском столе (так же, как после смерти Олега это вынужден был делать Игорь⁷⁴). Вероятно, к первой трети IX в. относится и подчинение радимичей, но оно было непрочным. Возможно, во второй половине IX в. возобновилась данническая зависимость радимичей от хазар, и в предании о походе Олега на них отражен факт вторичного подчинения радимичей власти киевских князей. Но и это подчинение не было прочным: радимичи не названы Константином Багрянородным в числе данников Руси, а летопись связывает их окончательное incorporation с именем Владимира. Восточная часть Северной земли была обложена данью в пользу Киева, по-видимому, в конце IX в., и известие ПВЛ о походе Олега на северян является отголоском этого события. Поскольку уже в IX в. данническая эксплуатация оказывается вынесенной за пределы поляно-русского союза племенных княжеств, постольку ее зарождение внутри него может быть предположительно отнесено к VIII в.

В X в. формируется доимпериальное землевладение киевских князей — глав дружинных корпораций. Появляются княжеские города — Вышгород, Белгород и села — Ольжичи, Берестово, Будутино, княжеские лесные угодья⁷⁵.

Сведения о вотчинном землевладении у дружинников в IX—X вв. отсутствуют⁷⁶. Замки-усадьбы вотчинников (исключая княжеские) в сельской местности в этот период не известны. Можно лишь предполагать наличие у верхушки дружины в Киеве городских дворов⁷⁷, в которых мог эксплуатироваться труд несвободной челяди. «Челядь» как зависимое население известна по договорам X в. с Византией⁷⁸. Среди русских, прибывав-

ших в Византию (о челяди которых и идет речь в договорах), были дружинники, занимавшиеся сбытом продукта, собранного в полюдьи⁷⁹, следовательно, наличие челяди у членов дружины в X в. можно считать несомненным. Однако городские дворы не тождественны феодальным вотчинам — крупным земельным владениям с зависимым сельским населением.

Следующий важный вопрос — о взаимоотношении дружинной знати с неслужилой, родоплеменной знатью. Некоторые исследователи относят к родоплеменной знати «старцев градских», или «людских», упоминаемых в летописных известиях о времени Владимира. Однако в последнее время обосновано мнение, что термин «старцы» во время написания ПВЛ был «литературно-повествовательным штампом исторических преданий» и не содержал реальной информации о древней знати⁸⁰. Возможно, что родоплеменная знать имеется в виду под «нарочитыми» и «лучшими» «мужами», отравленными древлянами в посольство к Ольге, древлянскими «старейшинами града»⁸¹, но легендарный характер повествования о борьбе княгини с древлянами не позволяет утверждать это с определенностью. Неслужилую знать можно усмотреть в «нарочитых мужах», участвующих в пирах, устраиваемых Владимиром: «по вся недѣля устави на дворѣ в гридищѣ пир творити и приходити болярюм, и гридем, и съцьским, и десяцьским, и нарочитым мужем, при князи и без князя»⁸². Наконец, представители родоплеменной знати могут иметься в виду под «лучшими мужами» от словен, кривичей, чуди и вятичей, которыми Владимир заселял города по границе со степью⁸³. Но эти два последних известия не раскрывают сущности называемых в них категорий населения.

Если существование родоплеменной знати еще в X в. не исключено, то о наличии у нее представителей земельных владений никаких сведений нет. Мнение Г. В. Абрамовича, согласно которому древлянская знать — «нарочитые мужи» — разделила Древлянскую землю «на сферы влияния и управления», став по отношению к населению «в положение своеобразных сеньоров», основано на недоразумении. Г. В. Абрамович исходит из текста Воскресенской летописи, где во фразе, читаемой в большинстве летописей «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», вместо «распасли» стоит «разделяли». Г. В. Абрамович принимает чтение Воскресенской летописи, поскольку оно, по его мнению, «более точно отражает их («нарочитых мужей». — А. Г.) взаимоотношения с населением»⁸⁴, не проводя источниковедческого анализа происхождения разпочтения. Между тем такой анализ убеждает в позднем происхождении чтения, которое дает Воскресенская летопись. В основе Воскресенской летописи, созданной в XVI в. великим Московским великокняжеским сводом конца XV в., близкий с текстом Софийской первой летописи. Главным источником

свода 1479 г. послужила первая редакция той же Софийской первой летописи (или ее протограф) ⁸⁵. Сопоставление рассказа о трех местах Ольги древлянам в Воскресенской летописи с аналогичным текстом в разных списках Софийской первой и в Московском своде показывает, что Воскресенская летопись в точности передает текст списка Царского Софийской первой летописи, в котором в интересующем нас месте стоит слово «разделяли» ⁸⁶. Список Царского является одним из списков второй редакции Софийской первой летописи, основанной на ее первой редакции с дополнениями по Московскому своду, близкому, по мнению А. А. Шахматова, к своду конца XV в. ⁸⁷ Списки второй редакции, имеющие общий со списком Царского протограф ⁸⁸, дают то же чтение (за исключением одного из них, Воронцовского, в котором стоит «разделила» ⁸⁹). Первая редакция Софийской первой летописи, представленная списками Оболенского и Карамзинским ⁹⁰, дает чтение «разделали» ⁹¹, а в Московском своде стоит «розделали» ⁹². Очевидно, что чтение протографа списка Царского второй редакции Софийской первой летописи и чтение Воскресенской летописи представляют собой испорченное чтение протографа первой редакции Софийской первой, отразившееся в слегка измененном виде в Московском Своде конца XV в. Значение же слова «разделали» практически совпадает со значением читаемого в большинстве летописей слова «распасли», что означает «устроили», «навели порядок» ⁹³. Это полностью соответствует смыслу всей летописной фразы, в которой «добрые» древлянские князья, справедливо управлявшие своей землей, противопоставляются кровожадному Игорю, разорявшему ее непомерными поборами: «мужа твоего убихом, бяше бо муж твои аки волк восхищя и грабя, а папци князья добри суть, иже распасли (варпант: разделали) суть Деревьску землю» ⁹⁴. Никакого раздела Древлянской земли на сферы влияния и управлений между «шарочитыми мужами» нет. Таким образом, попытку увидеть в родоплеменной знати землевладельческую на основе рассказа о событиях 945 г. следует признать необоснованной.

Не может быть принято и встречающееся в литературе положение о дружине как орудии в руках родоплеменной знати ⁹⁵. Против этого свидетельствуют в первую очередь археологические материалы: наиболее богатые погребения найдены в дружинных могильниках и являются захоронениями представителей дружинной верхушки ⁹⁶. Богатые захоронения невоенной знати не известны. Единственное для X в. свидетельство, в котором предводителем дружины назван не князь, относится к Свенельду, который был, во-первых, самым могущественным после великого князя лицом в государстве, во-вторых, княжеским воеводой, и в-третьих, являлся норманном, и его «отроки» — это, скорее всего, варяжский отряд, с которым Свенельд поступил на службу к киевским князьям. В целом роль родо-

племенной знати в зарождении на Руси IX—X вв. отношений классового господства представляется несравненно менее значительной, чем знати служилой. Существование родоплеменной знати в X в. в восточнославянских землях не исключено, но нет указаний на ее роль в складывании феодальных производственных отношений, в то время как служилая знать в этот период уже осуществляет корпоративную раппефеодальную эксплуатацию населения.

Итак, начальный этап существования дружины у восточных славян следует отнести к VI—VIII вв. Сведения о дружине за этот период фрагментарны. Лишь по той значительной роли, которую играет дружина в общественной жизни Руси IX—X вв., можно заключить, что в VI—VIII вв. происходит количественный рост дружинного слоя и усиление его влияния в обществе.

В VIII—IX вв. в восточнославянских союзах племенных княжеств складывается система корпоративной эксплуатации лично свободных земледельцев-общинников дружинной знатью через систему даней-налогов. В IX в. дружинная знать наиболее сильного союза — поляно-русского — распространяет эту форму эксплуатации на ряд других союзов и становится корпоративным собственником земель этих зависимых территорий. В первой половине X в. эксплуатация их населения осуществлялась через систему «малых полюдий», во время которых несколько отрядов киевских дружинников непосредственно собирают дань с территории каждого из зависимых союзов. Наконец, в середине — второй половине X в. (исключая землю словен, непосредственно подчиненную Киеву еще в конце IX в.) собственные «княжения» в союзах племенных княжеств ликвидируются, в бывших центрах союзов начинают княжить представители киевской княжеской династии. К князьям-наместникам переходит функция сбора дани. В их дружины, очевидно, вливается часть дружин бывших союзов племенных княжеств. Таким образом, к рубежу X—XI вв. вся дружинная знать оказывается связанной с киевской княжеской династией — непосредственно с великим князем или с кем-либо из его наместников.

СОСТАВ ДРУЖИНЫ

«СТАРШАЯ» И «МЛАДШАЯ» ДРУЖИНА

Известия, в которых термин «дружина» выступает в сопровождении эпитета, позволяющего предполагать, что речь идет о социальной группе внутри дружинного слоя, относительно немногочисленны. В ПВЛ под 1093 г. упоминаются «первая дружина» и «большая дружина». В рассказе о смерти Всеволода Ярославича летописец вспоминает, что в последние годы жизни князь «нача любити смысл уных, свѣтъ творя с ними; си же начана заводити и, негодовати дружины своея первыя...»¹. Вокняжившийся после смерти Всеволода в Киеве Святополк не захотел заключать мира с половцами и, «не здумавъ с болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ, изъймавъ слы (половецкие. — А. Г.), всажа и в истобъку»². Под терминами «первая» и «большая дружина» в этом рассказе подразумевается высший слой киевской служилой знати, переходивший от князя к князю при переменах на киевском престоле. В дальнейшем рассказе о войне с половцами представители этого слоя названы «мужами смыслаемыми» и противопоставлены «отрокам» Святополка³.

Под 1136 г. в рассказе о битве Мопомашичей с Ольговичами упоминается «лучшая дружина» первых: «побѣгоша Половци Олговѣ и погнаша по них Володимерича дружина лутшая»⁴. Эта «лучшая дружина» отделилась в ходе боя от своих князей с их полками; когда же те отступили, «лучшая дружина» попала в плен к Ольговичам. В рассказе о пленении состав этой дружины раскрывается как «тысячкы же съ бояры», «болре киевскыи»⁵. Очевидно, что это тот же привилегированный служилый слой, о котором говорится в ПВЛ под 1093 г., — киевское боярство, не привязанное к конкретному князю, а служащее тому из них, который в данный момент занимает киевский стол (в 1136 г. — Ярополк Владимирович).

Дважды в летописании XII в. называется «старейшая дружина».

1147 г. «Володимер же посла къ Святославу Олговичу и повѣда ему: «Брата ти Игоря убили». Онъ же съзва дружина свою старѣишую и яви имъ и тако плакася горко по братѣ своемъ»⁶. Здесь «старейшая дружина» — ближайшее окружение князя, которое он созывает на совет.

1177 г. (рассказ о междоусобной войне в Ростово-Суздальской земле): «Всеволодъ... посла къ Метиславу, глаголя: «Брате, оже ты привели старѣишая дружина, а поѣди Ростову, а оттолѣ миръ възметь. Тобѣ ростовци привели и бояре а мене

быль с братом Богъ привель и володимерци»⁷ Под «старейшей дружиной» имеются в виду в данном случае ростовские бояре.

В повествовании о походе на волжских болгар 1171 г. упоминается «передняя дружина»: «и ждаша дружины 2 недели и не дождавши ѣхаша с переднею дружиною»⁸. В ИПЛ под 1191 г. говорится: «Ходи князь Ярослав на Лукы... и поя съ собою повъгородѣць переднюю дружину»⁹ В этих случаях вряд ли следует предполагать социальное содержание термина. Скорее всего «передняя дружина» здесь — «передовой отряд»¹⁰.

В изложении рассказа ослепленного князя Василька Ростиславича (под 1097 г.) о его военных планах встречается термин «молодая дружина»: «Реку брату своему Володарви и Давыдови: даита ми дружину свою молотшюу, а сама пиита и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму»¹¹ Другое летописное упоминание этого термина — под 1150 г. в повествовании о войне Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким: «И рече Изяславъ брату своему Володимеру: поѣди ты на Бѣлгородъ передомъ а мы вси пуцаемъ с тобою дружину свою молотшюу»¹².

Следует также обратить внимание на название «дружина отня». В приведенной выше цитате из летописной статьи 1093 г. оно выступает синонимом термина «большая дружина». Другое упоминание «отней дружины» — в рассказе об убийстве Бориса в 1015 г.: «Рѣша же ему (Борису. — А. Г.) дружина отня: «Се дружина у тебе отня и воп. Понди, сяди Киевѣ на столѣ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣшаго: аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше воп, разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своины»¹³. Здесь также «отня дружина» — это верхушка киевской служилой знати, в то время как непосредственно находящаяся при князе воинская сила именуется «отроками».

Рассмотрение терминов, построенных по формуле «эпитет+дружина», приводит к выводу, что дружинная знать в XI—XII вв. разделялась на две основные части. Высший ее слой назывался «первой», «большней», «лучней», «старейшей» дружиной. Члены этого слоя именовались боярами. Низший слой дружины назывался «молодшей дружиной», его члены в известиях, относящихся к событиям XI в. и приведенных в ПВЛ (нач. XII в.), именуется отроками.

К какому времени может быть отнесено возникновение внутридружинной иерархии? В начальном летописании внутридружинные категории, такие, как бояре, отроки, гриди, упоминаются и при описании событий X века¹⁴. Но дошедшая до нас запись этих рассказов осуществлена позже, в конце XI (Начальный Свод, отразившийся в ИПЛ) — начале XII

(ПВЛ) вв. Не модернизирована ли здесь социальная структура дружинного слоя? Археологические данные склоняют к отрицательному ответу на этот вопрос. Среди дружинных курганов X в. существует значительная дифференциация — богатые захоронения соседствуют с более скромными¹⁵. Поэтому можно утверждать, что по крайней мере в X в. иерархия внутри дружины уже существовала.

БОЯРЕ

В настоящее время можно констатировать наличие двух основных точек зрения в отношении этимологии термина «боярин» («болярин»). Некоторые лингвисты склоняются к тому, что это общеславянское суффиксальное производное от праславянского «бои» — «битва» «сражение» — «тот, чьим занятием является битва»¹⁶. Если это верно, то боярами первоначально назывались профессиональные воины, т. е. дружинники. Большинство современных исследователей не принимают данную точку зрения и склоняются к тюркской этимологии со значением «богатый, знатный»; слово «боярин» признается в этом случае древнерусским заимствованием из болгарского или хазарского языка¹⁷. Если принять данную этимологию, можно констатировать, что первоначально боярами называлась наиболее знатная и богатая прослойка общества и что появление этого термина следует связывать с южными областями восточнославянского расселения, где происходили контакты с тюрками.

В случае признания древнерусского происхождения термина «боярин» встает вопрос о времени его появления у восточных славян. Наиболее раннее употребление термина встречается в договорах с Византией 911, 944 и 971 гг. Таким образом, следует признать, что появился он в древнерусском языке не позднее рубежа IX—X вв.¹⁸

В историографическом введении отмечалось, что вопрос о рамках значения слова «боярин» в Киевской Руси является одним из спорных. Из источников следуют два вывода, никогда не вызывавшие ни у кого сомнений: 1) боярами именуется высшая категория знати Древнерусского государства; 2) термин «бояре» служит обозначением верхушки дружины. Кроме того, существует ряд известий, в которых бояре обозначаются по территории (бояре повгородские, галицкие, черниговские, полоцкие) или из контекста является очевидной их «привязанность» к территории, а не к конкретному князю. Отсюда — появление в дореволюционной историографии концепции о существовании параллель с княжескими боярами так называемых «земских бояр». Эта концепция подкреплялась часто представлением о приходе характере первых княжеских дружин, которому противопоставлялась «исконность» земского боярства¹⁹.

Против этой концепции в дореволюционной науке активно выступал А. Е. Пресняков²⁰. Точка зрения о распространении термина «боярин» на неслужилую знать существует и в советской историографии²¹.

Рассмотрим упоминания бояр в договорах с Византией — наиболее ранних памятниках, в которых встречается данный термин.

Договор 911 г.: «Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояр...»²²

Договор 944 г.: «И великий князь наш Игорь, и князи и бояре его, и людье вси русии послаша ны...»; «А великий князь руский и бояре его да посылають в Греки к великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять...»; «А некрещеная Русь... да кленутся о всемь, яже суть написано на харатыи сел, хранити от Игоря и от всѣх бояръ и от всѣх людни от страны Руския въ прочая лѣта и воину»²³.

Договор 971 г.: «Аз Святославъ, князь руский... хочю имѣти мир и свершену любовь со всяким великим царемъ гречьским... и со всеми людymi вашими и иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца века... Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, а со мною бояре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщапя»²⁴.

В договорах 912 и 944 гг. бояре выступают как верхушка древнерусского общества (выше только князя). Характерно употребление по отношению к боярам притяжательного местоимения «его», т. е. великого князя. Причем из текста следует, что договоры заключаются только от имени бояр великого князя: о боярах других князей не говорится. Все это скорее всего свидетельствует в пользу того, что под боярами в договорах имеются в виду служилые люди киевского князя. В договоре 971 г. бояре сначала выступают как обозначение верхушки древнерусского общества, а затем боярами назван привилегированный слой войска Святослава. С мнением, что в договоре имеется в виду лишь, что он заключается от имени бояр и всей Руси²⁵, нельзя согласиться. «Русью» в древнерусском языке называлась не только целиком древнерусская народность, но и отдельные группы людей, представляющих Русь — государство, в том числе русские войска²⁶. За то, что речь в данном случае идет о дружине и воих Святослава, говорит упоминание о клятве: из рассказа о заключении договоров 911 и 944 гг. видно, что клятва («рота») — вполне конкретное действие: клянутся русский князь и его «людн»²⁷. Клясться вместе со Святославом могли только его воины — дружина и «вся Русь», т. е. все русское войско («вся Русь» в смысле все население Киевской Руси клясться в Доростоле не могла).

Таким образом, сведения договоров Руси с Византией позволяют говорить о боярах как о старших дружинниках, но не дают оснований видеть в них неслужилую знать.

Другие летописные упоминания бояр в связи с событиями X в. дают возможность рассматривать их как высший слой общества (пять случаев²⁸), либо указывают на связь их с великим князем — «его бояре» (четыре упоминания²⁹). В рассказе о пирах Владимира бояре названы перед гридями — младшими дружинниками³⁰; вероятнее всего, бояре здесь — члены старшей дружины. Известий, из которых можно было бы предполагать под боярами неслужилую знать, нет. В главе II указывалось, что родоплеменная знать в X в. если и существовала, то обозначена другими терминами: «старейшины», «лучшие мужи», «нарочитые мужи». Характерно, что неоднократно упоминаемая древлянская знать ни разу не названа «боярами». Вообще, исходя из известий о событиях X в., с уверенностью можно говорить о боярах только по отношению к Киеву³¹.

В пользу принадлежности бояр этой эпохи к дружине говорит и то, что боярами называется высший слой общества³², а судя по материалам погребений X в. самыми богатыми и знатыми людьми были дружинники.

Наиболее ранние известия, в которых бояре связаны не с конкретным князем, а с определенной территорией, относятся к событиям начала XI в. Под 1015 г. упоминаются «вышгородские боярьце», осуществившие в сговоре с князем Святополком убийство Бориса³³. Они иногда рассматриваются как «местная знать»³⁴, но с этим трудно согласиться: Вышгород был основан как княжеский доменальный город и оставался таковым в начале XI в.³⁵; следовательно, высший слой его населения должны были составлять княжеские дружинники, часть киевской дружины, поселенная в доменальном владении великого князя³⁶; по отношению к членам старшей дружины столярного Киева они названы уменьшительно — «боярьци». Очевидно, в пользу этих вышгородских дружинников шла по «уставлению» княгини Ольги треть дани, собираемой с Древлянской земли³⁷.

Под 1018 г. в ПВЛ упоминаются новгородские бояре, от которых идет наибольшая сумма сбора на найм варяжской дружины для борьбы Ярослава со Святополком. Эти бояре — не бояре Ярослава, который после поражения от Болеслава Храброго прибежал в Новгород с четырьмя «мужами» («бояре Ярославль») были захвачены Болеславом³⁸). Этот фрагмент не использовался для доказательства существования «земских бояр»³⁹. Лишь А. Е. Пресняков высказывался в пользу происхождения новгородского боярства из числа бывших княжеских мужей⁴⁰. Между тем учет особенностей политической истории Северной Руси и специфики положения Новгорода в Древнерусском государстве X в. подкрепляет эту точку зрения (не аргументированную исследователем).

В середине IX в. в Новгородской земле сложилось объединение, в которое, вероятно, помимо словен, входила часть кри-

вичей и угро-финского населения⁴¹. В таком объединении должна была существовать достаточно сильная дружинная группировка. В конце IX в. Северная Русь оказалась в непосредственном подчинении Киева⁴². Для удержания контроля над этим регионом и для сбора дани там должен был быть организован военный гарнизон. В середине X в. в Новгороде, который в это время уже несомненно являлся центром Северной Руси⁴³, сидит сын великого киевского князя — Святослав⁴⁴. С таким князем-наместником в Новгороде должен был появиться новый дружинный контингент. Затем в Новгороде появляется Владимир, позднее — его сын Вышеслав, позже Ярослав (перешедший из Ростова)⁴⁵. С каждым из наместников появлялись новые отряды дружинников. Часть дружинников могла оседать в городе, обзаводиться городскими усадьбами. Например, Добрыня, «уй» Владимира, сын Малка Любечанина, стал новгородским посадником, посадниками были затем его сын Константин и внук Остромир⁴⁶.

Все эти соображения не дают достаточных оснований для утверждения о решающей роли дружинной знати в генезисе новгородского боярства, но в пользу такой роли свидетельствует сохранение в новгородских летописных известиях XII—XIII вв. архаичной формулы состава верхушки новгородского населения: «огнищане, гридь, купце вятшее» (1166 г.), «огнищане и гридьба и купци» (1195 г.)⁴⁷. В «Уставе князя Ярослава о мостех» (60-е гг. XIII в.) огнищанами названы бояре Славенского конца Новгорода⁴⁸. Термин «огнищанин» происходит от «огнище» — дом, очаг; огнищанин — член дома князя⁴⁹; в Русской Правде огнищанином назван управитель княжеским хозяйством (см. 19—21 Краткой редакции)⁵⁰. Термин «гридь» происходит от скандинавского *grīdi* — товарищ, телохранитель⁵¹ и обозначает дружинника. Таким образом, оба названия происходят от дружинной терминологии, причем «огнищане» соответствуют в приведенных известиях новгородским боярам — наименованию высшего слоя новгородского общества, которое в новгородском летописании появилось в XII в.⁵²

Приведенные наблюдения склоняют к тому, что новгородское боярство происходит от верхушки дружинной знати Северной Руси и южнорусских дружинников, оседавших в Новгороде в течение X в. Непрочное и временное положение в Новгороде X в. князей, рассматривавших пребывание там как ступеньку к киевскому столу, и вместе с тем важное политическое значение Новгорода — центра Северной Руси привели к ранней консолидации новгородской знати. Как показывают исследования В. Л. Янина, в конце X в. новгородская знать (лица, имеющие собственные усадьбы на территории города) участвует в сборе дани с Новгородской земли, получая свою долю доходов⁵³. В то же время летописная статья 1014 г. говорит о сборе дани князем Ярославом, причем две трети дани идут в Киев, а одна

раздается «гридям». Противоречие здесь, однако, скорее всего кажущееся: поскольку термин «гридь» прилагался и к повгородскому населению, «гридьми» в данном случае могли быть названы как дружинники Ярослава, так и повгородская верьхушка. В то же время в этот период дружина Ярослава отделена от повгородской знати. Последняя стоит во главе городской военной организации — «тысячи»: Ярослав, мстя за истребление варяжского отряда, перебил «воп славы тысяцю», т. е. очевидно, руководителей повгородской «тысячи»⁵⁴ — военной организации, уходящей корнями в доклассовое общество. Функцию сбора дани, по-видимому, выполняла в начале XI в. уже повгородская знать, что не было нововведением, поскольку эта функция с конца IX в. возлагалась на дружину, находящуюся в Повгороде, с которой часть повгородского боярства была генетически связана.

В XI в. повгородское боярство представляет собой уже сложившуюся корпорацию, являющуюся корпоративным собственником земли⁵⁵. Повгородские бояре служат теперь в первую очередь не князю, а «самим себе», своей корпорации, и выходят таким образом из дружинной организации. Однако в течение XI — первой половины XII в. еще известно немало случаев передвижений повгородских бояр вместе с князьями, уходившими из Повгорода в Южную Русь⁵⁶. По-видимому, иногда выгоды, связанные со службой князю, оказывались более привлекательными, чем выгоды, связанные с корпоративной эксплуатацией населения Повгородской земли. Лишь с появлением на рубеже XI—XII вв. вотчинной собственности у бояр Повгорода⁵⁷ их «привязанность» к Повгородской земле настолько усилилась, что повгородское боярство окончательно оформилось в корпорацию. В политическом отношении это выразилось в усилении с 30-х гг. XII в. независимости повгородской знати от князей⁵⁸. С этого времени можно говорить о полном разрыве повгородских бояр с дружинной организацией.

В других землях Руси наименования бояр по территории употребляются с XII (бояре «киевские»⁵⁹) или XIII в. (бояре «черниговские»⁶⁰, «полоцкие»⁶¹, «галицкие» и «владимирские»⁶²); в 70-е гг. XII в. упоминаются бояре в Ростово-Суздальской земле, являющие собой силу, в определенной степени независимую от князей⁶³. Появление этих наименований объясняется не слиянием служилой и «местной» знати, превращением первой в землевладельцев, второй — в служилых людей князя⁶⁴, а развитием феодальных отношений, феодального землевладения. С XI в. появляются бесспорные свидетельства о боярском вотчинном землевладении. К настоящему времени выявлено несколько десятков древнерусских поселений, интерпретируемых как феодальные замки-усадебь. Они обнаружены в различных регионах: Среднем Поднепровье, Галицкой земле, Смоленщине, Белоруссии, Рязанской и Ростово-Суздальской

землях. Возникновение укрепленных поселений такого типа исследователи относят к XI в., большинство же изученных замков появились в XII в.⁶⁵ В «Житии Феодосия Печерского» говорится, что родители будущего игумена, переселившиеся по велению князя из Василева в Курск, под Курском имели «село» (вторая четверть XI в.)⁶⁶. В летописных известиях XII в. дважды говорится о принадлежности боярам сел.

Под 1177 г.: «И бог поможе Всеволоду Юрьевичу (Суздальскому.— А. Г.)... и побеже Мстислав и дружина его, и Добрыню Долгаю ту убиша и Иванка Степанковича и ипѣх, а ростовци и бояр всѣ повязаша... а села боярская взяша, и кони, и скот»⁶⁷; «Глѣб шел Володимерю ипѣм путем п воюеть около Володимеря... и села пожже боярская...»⁶⁸

Два раза в известиях XII в. упоминаются села, принадлежащие дружине вообще, в том числе, очевидно, и боярам⁶⁹. Несколько раз при описании военных действий говорится о селах без указания на их принадлежность в Никоновской летописи⁷⁰. В историографии эти известия трактуются иногда как сведения о боярских селах⁷¹. Но источник сведений слишком поздний (XVI в.), чтобы такое предположение было убедительным.

В известиях конца XII — первой половины XIII в. упоминаются села поименно названных новгородских бояр — Варлаама, Мирошкиничей, Семена Борисовича, Водовика и других⁷².

В силу «привязанности» бояр с XI в. к своим вотчинным владениям, они, оставаясь служилым слоем, служили теперь тому из князей, который в данное время княжил в «их» городе. В Киеве уже в конце XI в. видим «большую дружину», члены которой, «смысленые мужи»⁷³ (среди них — Янь и Путята Вышатичи, потомки Добрыни), остаются киевскими боярами вне зависимости от смены князей на киевском столе. В XII—XIII вв. такие бояре существуют и в других крупных центрах — Галиче, Чернигове, Ростове, Суздале, Смоленске, Полоцке. Однако переходы бояр при смене князем стола сохраняются как частое явление и в этот период⁷⁴, что вызвано сохранением массы лично свободного населения, эксплуатируемого в системе корпоративной собственности через дань-палоги⁷⁵. Доля в получении доходов от этой эксплуатации зависела от близости к князю, являвшемуся в данной системе «титულным собственником», и в силу еще не очень значительного развития вотчинного землевладения такой путь получения доходов оставался притягательным для бояр.

С развитием боярского землевладения повышается социальное значение боярства. Многократно упоминаются в летописях богатые боярские дворы в городах⁷⁶. Показателем усиления боярства является и появление у бояр собственных военных отрядов. Первое упоминание боярской дружины связано со Свенельдом, но, как говорилось выше, его «отрок» — скорее всего ва-

ряжский отряд, с которым Свенельд поступил на службу к киевским князьям. Под 1071 г. упоминаются отроки, собирающие дань в Ростовской земле во главе с Янем Вышатичем⁷⁷. Правда, не ясно, являются ли эти отроки дружиной Яня или отрядом из княжеской дружины, отправленным во главе с Янем на сбор дани князем Святославом Ярославичем. Под 1095 г. упоминается «дружина Ратибора», с которой Владимир Мономах «думал» о «погублении» хана Итларя⁷⁸. А. А. Шахматов показал, что в первоначальном тексте стояло «Ратиборова чадь»⁷⁹. Можно отметить примечательное явление: боярские военные отряды X—XI вв. не называются термином «дружина»: видимо, в представлении ранних летописцев главой дружины мог быть только князь. В XII в. это условие не соблюдено однажды: под 1167 г. упоминается «дружина» киевского боярина Шварна⁸⁰. Часты в XII—XIII вв. упоминания боярских отрядов⁸¹; обозначают они небольшие отряды военных слуг⁸².

Есть известие, из которого можно было бы заключить, что наиболее могущественные бояре могли иметь даже своих бояр. Патерик Киево-Печерского монастыря, рассказывая о том, как боярин Георгий Симонович послал «на окование» раки Феодосия Печерского 500 гривен серебром и 50 гривен золотом, указывает, что для этой миссии Георгий выбрал «от бояр своих, сущих под ним, именем Василия»⁸³. Однако поскольку Георгий был тысяцким Юрия Долгорукого в Ростовской земле⁸⁴, слова «от бояр своих, сущих под ним» вернее всего следует понимать в том смысле, что Василий был подчинен Георгию, как княжескому наместнику (Юрий в это время находился в Киеве).

Бояре обладали правом свободного выбора князя-сюзерена. Такая свобода, очевидно, существовала у дружинников со времени генезиса дружинного строя: можно вспомнить, что германские дружинники эпохи Тацига могли вступать при желании в дружины вождей других племен⁸⁵. В древнерусских источниках приводятся многочисленные примеры службы бояр в течение своей жизни разным князьям⁸⁶. Чаще всего их переходы были связаны со смертью сюзерена, но при этом осуществлялись далеко не обязательно к его наследнику, что показывает свободу выбора бояр в таких случаях. Несколько известных говорят о переходах бояр при живом сюзерене. В 1146 г. киевские бояре тысяцкий Улеб и Иван Войтишич, служившие Всеволоду Ольговичу и присягнувшие после смерти князя на верность его брату Игорю, приняли сторону Изяслава Мстиславича и перешли к нему на службу⁸⁷. Боярин Жирослав, упоминаемый в 1146 г. как посадник князя Вячеслава Владимировича в Турове, позднее служил Юрию Долгорукому⁸⁸. Бояре Петр и Нестор Бориславичи были «отпущены от себя» князем Мстиславом Изяславичем после того, как их холопы поставили свои «пятна» на княжеских коней⁸⁹. Никоповская летопись сообща-

ет о том, что Петр Бориславич был в числе «советников», указавших в 1169 г. князю Мстиславу Андреевичу слабое место в крепостной стене Киева, в котором был осажден Мстислав Изяславич⁹⁰. Борис Жидиславич, воевода Андрея Боголюбского, в 1177 г. оказался в дружине Глеба Ростиславича Рязанского, по-видимому, перейдя к последнему после поражения Ярополка и Мстислава Ростиславичей, преемников Андрея на суздальском княжении, от Михалка и Всеволода Юрьевичей⁹¹.

В целом эволюция боярства в Киевской Руси представляет в следующем виде. Исходное значение понятия «боярин» — член наиболее привилегированного слоя дружины (может быть, первоначально только киевской). В IX—X вв. бояре, составляя верхушку дружины, получали значительную долю доходов, извлекавшихся через систему корпоративной собственности на землю военно-дружинной знати. В это время они могли иметь дворы на городской территории, зависимую челядь (см. гл. II). С XI в. возникает боярское вотчинное землевладение, в результате чего ослабевает связь бояр с князем, и бояре, оставаясь служилым слоем, все более «привязываются» к территориям, на которых расположены их вотчинные владения. Вместе с тем и в XI, и в XII в. остаются переходы бояр вслед за князьями, объясняемые сохранением большого значения корпоративных форм эксплуатации, участие в доходе от которых обеспечивалось близостью к князю. К концу X — началу XI в. относится консолидация новгородского боярства в особый, относительно независимый от князей слой, происшедшая в силу специфики политического развития этого города в X столетии. К середине XII в. новгородское боярство окончательно отрывается от дружинной организации. К «неслужилой» знати термин «боярин» никогда не прилагался. Если представители родоплеменной знати и могли входить в состав боярства, то только через вступление на княжескую службу, т. е. через переход в ряды служилой знати.

МУЖИ

Термин «муж» в Киевской Руси носил полнсемантический характер. Он мог обозначать: 1) свободного взрослого мужчину⁹²; 2) воина⁹³; 3) дружинников, кроме бояр⁹⁴; 4) дружинников в целом⁹⁵; 5) только представителей высшего слоя дружины⁹⁶. К термину «муж» иногда прилагались определения: «лучшие», «парочные», «добрые», «лонские», «витские», «передние», «старейшие». Эти определения были призваны подчеркнуть либо принадлежность человека к «старейшей» дружине, к боярству⁹⁷, либо к новгородской знати⁹⁸, либо к знати племенных княжеств X в.⁹⁹ Предположение о существовании в дружине особого слоя «мужей», занимающих промежуточное

положение между старшей и младшей дружиной¹⁰⁰, нельзя признать основательным¹⁰¹: нет известий, в которых «мужи» выступали бы как категория, отличная и от бояр, и от членов «младшей» дружины — гридей, отроков, детских.

ОГНИЦАНИЕ И ГРИДИ

Вопрос об «огнищанах» и «гридях» уже частично затрагивался в параграфе, посвященном боярам. Оба термина имеют дружинное происхождение, причем второй заимствован из Скандинавии. Помимо четырех новгородских известий 1164, 1195, 1234 гг. и середины XIII в. («Устав о мостех»), где «огнищанами» и «гридями» названы верхние слои новгородского (в одном случае — старорусского) общества¹⁰², «огнищанин» упоминается только в Русской Правде; так назван управитель княжеского доменального хозяйства (ст. 19, 20, 33 КП). В ст. 12 ПП «огнищанину» соответствует «тиуп огнищный», ст. 78 (о «мúке») сохранила термин «огнищанин». Термин «гридь» упомянут в ст. 1 КМ и ПП в перечне лиц, за убийство которых полагается 40-гривенная вира. Дважды «гриди» встречаются в ПВЛ: под 996 г. они упомянуты вслед за боярами среди пирующих у князя Владимира¹⁰³, под 1014 г. так названы лица, которым Ярослав раздает из собранной дани 1000 гривен после отправки двух тысяч в Киев¹⁰⁴ (т. е. дружинники Ярослава, а может быть, и новгородская верхушка). Последний раз гриди (гридба) упомянуты под 1177 г. в Лаврентьевской летописи: «Он же (Мстислав Ростиславич.— А. Г.) приѣха Ростову, совокунив Ростовци: и бояре, гридбу, и пасынки и всю дружину, поѣха к Володимерю»¹⁰⁵ Здесь «гридба» — младшая дружина (исключая пасынков — о последних см. ниже)¹⁰⁶

Таким образом, термины «огнищанин» и «гридь» следует признать первоначально скорее всего северными, новгородскими обозначениями старшей и младшей дружины. На юге Русь «огнищанину» соответствовал «бояриц» (ср. известия 996 и 1177 гг., где гриди названы следом за боярами, с новгородскими известиями 1166, 1195 и 1234 гг., где перед гридями названы огнищане), термин, распространившийся в Новгородской земле, по-видимому, в XII в. В первой половине XI в. термин «огнищанин» употребляется на Юге в качестве названия управителя княжеским доменальным хозяйством, но вскоре вытесняется наименованием «тиуп» (с определеннеем «огнищный»). Термин «гридь» проникает в южную Русь (как и «огнищанин»), очевидно, с дружинами князей, переходивших с новгородского княжения на киевский стол — Святослава, Владимира, Ярослава) как обозначение младшего дружинника, но не получает широкого распространения¹⁰⁷. Единичное его употреб-

ление в Северо-Восточной Руси, видимо, связано с новгородским влиянием. Упоминание «гридина» в ст. 1 Русской Правды связано с новгородским происхождением так называемой Древнейшей Правды, к которой восходит эта статья¹⁰⁸

Мнения о том, что гридями назывался особый слой, занимающий промежуточное положение между старшей и младшей дружиной¹⁰⁹, или один из компонентов внутри младшей дружины (отличный от отроков и детских)¹¹⁰, вызывают сомнения в связи с редкостью употребления термина «гридь». В случаях же, когда он употребляется, рядом не упоминаются ни отроки, ни детские, что позволяет предполагать, что название «гриди» покрывало собой эти категории младших дружинников. Вызывает возражение и отстаиваемое Р. С. Липец определение гридей как «городской общинной дружины»¹¹¹. Автор заблуждается, приводя в качестве аргумента «факт найма гридей у Новгорода» Ярославом в 1015 г.: во-первых, в летописи говорится о найме (в ПВЛ — о двукратном) варягов, а не новгородцев¹¹² (одаривание новгородцев после победы над Святополком — не найм); во-вторых, термин «гриди» употреблен только под 1014 г. — в рассказе о разделе дани, собираемой Ярославом, так называемой дружины (и, согласно нашему предположению, новгородская верхушка в силу ее дружинного происхождения): новгородские воины, сражавшиеся в войске Ярослава, гридями не называются.

ОТРОКИ И ДЕТСКИЕ

Вопрос о соотношении и социальном содержании понятий «отрок» и «детский» многократно был предметом внимания исследователей. Ряд дореволюционных русских историков отождествлял категории «отроки» и «детские». По мнению В. И. Сергеевича, эти два термина обозначали «домашнюю прислугу, состоящую у стола и гардероба, и сопровождающую своего господина во время его выездов»; отроками назывались и «дворовые волпы» князя¹¹³. А. Е. Пресняков считал, что функция отроков-детских была тройкой: «они — личные слуги князя, они — его вооруженная свита, из них младшие агенты княжеского управления»¹¹⁴. Другие исследователи полагали, что отроки и детские были разными категориями дружинников; первые являлись домашними слугами князя, вторые — военной силой, и по своему общественному положению стояли выше¹¹⁵.

В советской науке вопрос о соотношении понятий «отроки» и «детские» начал ставиться сравнительно недавно. А. С. Львов, анализируя терминологию «Повести временных лет», пришел к выводу, что основное значение слов «отрок» и «детский» — слуга; второй из этих терминов появился позже первого, возникнув как синоним слова «отрок» вначале на севере

Руси¹¹⁶. И. Я. Фроялов характеризует отроков как домашних и военных слуг князя; по его мнению, значительная часть отроков происходила из пленников-рабов. Детские, в отличие от отроков, были свободными людьми, не несли службы по княжескому дому¹¹⁷. По мнению М. Б. Свердловца, отроки являлись людьми свободными, входили в состав ближайшего княжеского окружения как слуги, члены двора, личная дружина; они занимали должности в системе административно-судебного аппарата. Детские были «членами судебных исполнительных органов и младшими дружинниками». И те и другие входили в сферу обслуживания князя, но в системе государственных должностей возможности отроков были шире, чем детских¹¹⁸.

По мнению Т. Васильевского, детские занимали более высокое положение, чем отроки, были опорой князей¹¹⁹.

У Хальбах считает, что разница между детскими и отроками заключалась в том, что первые были всегда свободными людьми, тогда как вторые занимали промежуточное положение между дружинниками и несвободными слугами княжеского двора¹²⁰.

Спорность вопроса о соотношении категорий «отроки» и «детские» требует учета всех известных ранних летописных, актовых и эпиграфических источников и памятников права, в которых упоминаются эти термины.

«ОТРОК»

Сведения об отроках в социальном смысле¹²¹ можно подразделять на 5 групп:

1. Упоминания отрядов отроков, из которых видно, что под этим термином имеются в виду представители низшего слоя княжеской дружины. Такие свидетельства встречаются в начальном летописании (кон. XI — нач. XII в.)¹²²;

2. Известия, в которых упоминаются отдельные княжеские отроки и речь идет о представителях младшей дружины или домашних слугах князя (начальное летописание, граффити XI в.)¹²³;

3. Известия, в которых под отроками подразумеваются княжеские слуги (летописание кон. XI — нач. XIII в., Пространная редакция Русской Правды)¹²⁴;

4. Упоминания о не княжеских, боярских отроках (летописание кон. XI — XIII в., берестяная грамота XII в., данная грамота кон. XII или нач. XIII вв.)¹²⁵;

5. Известия, в которых отрок выступает в качестве должностного лица государственного аппарата с судебно-административными функциями (Пространная правда, берестяные грамоты XII в.)¹²⁶

Относительно употребления в источниках термина «отрок» можно сделать следующие выводы: 1. Наиболее ранние упоминания

нения об отроках относятся к событиям середины X в. Летописные записи известий об этих событиях были сделаны гораздо позже. Но отмеченное выше несомненное наличие внутрдружинной иерархии уже в X в. и праславянское (не древнерусское!) происхождение термина «отрок» позволяет предполагать, что он бытовал как обозначение социальной группы в X столетии. 2. Термин «отрок» иногда тождествен понятию «младшая дружина». Последнее упоминание такого рода относится к 1093 г. (800 отроков Святополка Изяславича). 3. Наряду с этим «отроками» называются личные слуги, ближайшее окружение господина, сопровождающее его на войне, охоте, в хозяйственной деятельности. В таком значении термин «отрок» начинает упоминаться в источниках с XI в. (граффити). 4. «Отроки» в значении «личные слуги» могут быть как княжеские, так и боярские. 5. Со времени не ранее второй половины XI в. (эпоха, нашедшая отражение в Русской Правде Пространной редакции¹²⁷ — Краткая редакция середины XI в. «отрока» не упоминает) термин «отрок» в смысле «младший дружинник» начинает употребляться для обозначения мелких должностных лиц государственного аппарата, выполнявших судебно-административные функции.

«ДЕТСКИЕ»

Известия о детских можно подразделить на 3 группы: 1. Упоминания отдельных детских как представителей младшей дружины¹²⁸. Из содержания двух таких известий следует, что упоминаемые в них детские не входят в непосредственное окружение князя, в число дружинников, находящихся при нем в данный момент¹²⁹; 2. Единственное известие об отряде детских, судя по контексту, немногочисленном¹³⁰; 3. Известия, в которых детские выступают в роли должностных лиц государственного управления: а) княжеских чиновников вообще (без раскрытия сути их административной деятельности¹³¹; б) судебных исполнителей¹³²; в) городских посадников¹³³.

Можно отметить следующие обстоятельства: 1. Термин «детский» появляется не ранее второй половины XI в. (упоминание его в ПВЛ под 1097 г., в Пространной редакции Русской Правды). 2. Термин «детские» не покрывает собой всю младшую дружину, нет сведений о многочисленных отрядах детских. 3. Детские бывают только княжеские, а не княжеских детских сведений нет. 4. Детские — близкая к князю социальная группа, но они не всегда находятся при князе. 5. Выше детских в социальной иерархии стоят только бояре. 6. Нет сведений о выполнении детскими функций домашних слуг князя. 7. Детские используются в судебно-административном аппарате; они могут быть мелкими чиновниками — судебными исполнителями, а могут занимать и высокие посты, такие, как пост

посадника. 8. Детские могут иметь собственные дома (известие 1174 г.). 9. Внутри категории «детских», возможно, существует некоторая дифференциация (упоминание «мельших детских», 1149 г.).

Таким образом, следует согласиться с мнением о различии между отроками и детскими, с той лишь оговоркой, что это касается отроков в узком значении как ближайших слуг князя. Что же касается младшей дружины в целом («отроков» в широком смысле), то детские в нее, безусловно, входили, но самое позднее летописное упоминание термина «отрок» в широком значении относится к 1093 г. а первое упоминание детского — к 1097 г. Следует отметить, что в Пространной Правде отрок (в смысле младший дружинник) и детский выполняют сходные функции. Поскольку в Пространной Правде (или части ее) отразились общественные отношения второй половины XI столетия, можно полагать, что в этот период термин «отрок» в широком значении покрывал собой детских. Но в XII в. он уже не употребляется в широком смысле.

В целом рассмотрение всех известий об отроках и детских позволяет наметить картину эволюции этих терминов и скрывающихся за ними социальных категорий.

Отроками в X—XI вв. назывались члены «младшей» дружины. Вначале термин имел, вероятно, возрастное значение и обозначал действительно молодых членов дружины. С дифференциацией дружины на «старшую» — бояр и «младшую» (это явление отчетливо прослеживается с X в.) термин «отрок» стал обозначением членов этой последней. Так же стали называться военные слуги князей, а затем и бояр, поскольку рекрутировались они, очевидно, из младшей дружины. С развитием княжеского доменального землевладения происходит дифференциация в среде младшей дружины: за частью ее, наиболее близкой к князю и связанной с его доменальным хозяйством, сохраняется наименование «отроки». Представляется справедливым мнение, что многие отроки-слуги могли происходить из военнопленных и быть несвободными людьми: об этом говорит обилие у них иноязычных имен¹³⁴, упоминание отрока в грамоте Варлаама¹³⁵. С развитием боярского вотчинного землевладения отроками стали называться и боярские слуги.

Другая часть младшей дружины получила со второй половины XI века наименование «детские». Эти дружинники не являлись, как правило, ближайшим окружением князя и, вероятно, часто не жили с ним под одной крышей (как это свойственно младшей дружине предшествующего периода). Возможно, в XII в. детские были наиболее надежной социальной и военной опорой князей. Бояре, выполнявшие эту функцию раньше, становились в XI—XII вв. землевладельцами-вотчинниками, и хотя боярство оставалось служилым слоем, его члены, будучи связаны с определенными территориями, на кото-

рых были расположены их вотчины, нередко переставали передвигаться вслед за князьями, часто менявшими (в порядке наследования или по праву силы) свои «столы». В этих условиях повышается значимость для князей той части младшей дружины, которая получает наименование «детские»: они могут иметь свои дворы, занимать высокие посты в системе государственного аппарата.

Нельзя согласиться с мнением о том, что возможности отроков в системе государственных должностей были шире, чем у детских¹³⁶. В Пространной Правде названо большее количество функций, выполняемых отроками, чем детскими, потому что «отрок» здесь — обозначение вообще младшего дружинника. Что касается отроков-слуг, то об их деятельности в системе государственного аппарата ничего не известно — функции этой категории вероятнее всего были ограничены территорией вотчины. Между тем детских назначали даже на высокие посты городских посадников. В связи с более высоким общественным положением детских вызывает сомнение и предложенная М. Б. Свердловым схема возрастной терминологии внутри дружины: муж — самостоятельный взрослый человек, отрок — подросток, детский — ребенок¹³⁷. Если термин «отрок», как говорилось выше, возник в дружине, скорее всего во времена ее генезиса, то термин «детский» — более позднего происхождения и возник он, по-видимому, для обозначения части младшей дружины, отличной от отроков-слуг, причем для этого был использован также возрастной термин. Вряд ли правомерно (по крайней мере для периода XI—XII вв.) и отделять термин «муж» от названий «отрок» и «детский»: выше говорилось, что «мужами» часто назывались дружинники в целом, либо вообще воины. В этом плане показательны списки погибших новгородцев (под 1200 и 1234 гг.)¹³⁸, где все павшие именуются «мужами», хотя в первом случае среди них — «отрок», во втором — «детский».

Для предположения о северном происхождении термина «детский»¹³⁹ нет весомых оснований. Он пять раз употребляется в летописи по отношению к категории южнорусских дружинников (чаще, чем по отношению к дружинникам других регионов), из них четыре раза — в киевском летописании¹⁴⁰.

В X — первой половине XI в. младшие дружинники («отроки» в широком значении этого термина), по-видимому, находились в основном на княжеском содержании, получая свою долю доходов от корпоративной эксплуатации населения через систему дапей. Со второй половины XI столетия члены младшей дружины начинают выполнять административные функции (что отразилось в упоминании отроков и детских в Пространной Правде) и получать доходы также и от этой деятельности. В XII—XIII вв., когда термин «отрок» стал применяться только к ближайшим княжеским и боярским слугам, эта статья

доходов остается свойственной детским (упоминание о посадничестве детских, известия берестяных грамот и договоров Смоленска с Готским берегом).

МИЛОСТНИКИ

В отношении значения термина «милостники» можно выделить три основных точки зрения: 1. Милостники — особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве¹⁴¹; 2. Милостники — младшие дружинники, т. е. прежде всего слуги военные (отличные от отроков и детских)¹⁴²; 3. Милостники — «любимцы» князя, близкие к нему члены дружины, том числе и слуги, а не социальная категория¹⁴³; 4. Милостники — категория княжеских людей, близкая к дворянам¹⁴⁴.

Милостники упоминаются трижды в летописных сообщениях XII в., в ИПЛ под 1136 г. говорится, что «милостьници» князя Всеволода Мстиславича, изгнанного из Новгородца, пытались застрелить его преемника на новгородском столе Святослава Ольговича¹⁴⁵. Ипатьевская летопись под 1180 г. рассказывает о том, как князь Святослав Всеволодович задумал захватить во время охоты князя Давыда Ростиславича, «сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремъ, милостьником своимъ, и не поведѣ сего мужемъ своимъ лепшимъ думы своея»¹⁴⁶. Из этих известий следует лишь, что «милостники» — княжеские приближенные; милостник Кочкаръ к тому же явно отделяется от «лепшихъ мужей» — бояр. Под 1174 г. в ИПЛ сказано: «Убиша в Володимери князя Андрѣя свои милостьници»¹⁴⁷. Рассказ об этом событии в Ипатьевской летописи называет имена главных убийц: Яким Кучкович, Петр, Кучков зять и ключник Андрея ясни Анбал¹⁴⁸. «Милостником» же в этом рассказе назван слуга Андрея Прокопий, павший от рук убийц князя¹⁴⁹. Если Анбал относится к числу дворцовых слуг иноземного происхождения¹⁵⁰, то Яким и Петр, вероятнее всего, были боярами¹⁵¹. Представляется, что новгородский автор употребил термин «милостьници» не потому, что «заблуждался» (как считает И. Я. Фроянов)¹⁵², а потому, что знал, что убийство совершено людьми из ближайшего окружения Андрея: «милостьници» здесь обобщающее наименование для этого круга лиц, в который могли входить люди различного социального происхождения.

Таким образом, представляется верной точка зрения М. Б. Свердлова — «милостники» не составляли собой социальной категории. Этим термином обозначались в XII в. особо приближенные к князю люди, княжеские «любимцы», в числе которых могли быть как бояре, так и члены младшей дружины (вероятно, вторые чаще).

Термин «пасынки» как обозначение младших дружинников упоминается однажды под 1177 г. в Лаврентьевской летописи: «Он же (Мстислав Ростиславич.— А. Г.) приѣха Ростову, совокупив Ростовци: и бояре, гридьбу и пасынки и всю дружину, поѣха к Володимерю»¹⁵³ Предположительно можно сказать, что он соответствует здесь понятию «детские». Распространенный термин «пасынки», очевидно, не получил.

«Паровки» — термин, в ряде случаев обозначавший княжеских и боярских слуг, иногда военных, ближайшее окружение князя и боярина¹⁵⁴. Он соответствует, таким образом, термину «отрок» (в узком смысле).

ОБ ИНОЭТНИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДРУЖИНЫ

Подвижный характер военно-дружинной знати, ее «противоположность» родоплеменному строю и оторванность от общинной структуры общества способствовали включению в дружинную среду разноэтничных элементов. Распространенное в дореволюционной историографии мнение о первоначальной норманнской основе древнерусских дружин в свете современных данных выглядит несостоятельным: оно опровергается как письменными данными, свидетельствующими о появлении дружин у славян не позднее VI в., так и древнерусскими археологическими материалами IX—X вв., показывающими преобладание славянских погребений в дружинных могильниках¹⁵⁵. Однако и письменные известия, и данные археологии бесспорно указывают на наличие в древнерусской дружине неславянских компонентов.

Для начального этапа существования дружины у восточных славян (до IX в.) таких данных недостаточно. В богатыхкладах типа Матрыновского и Пастырского, связываемых с дружинниками, наряду с инвентарем славянской пеньковской культуры встречаются вещи, широко распространенные в Северном Причерноморье и Подунавье (поясные наборы и др.), но они не являются отражением одного определенного этноса¹⁵⁶.

Курганные комплексы IX—X вв. свидетельствуют о наличии в древнерусской дружине заметного скандинавского компонента. В Гнездове, по данным на конец 60-х гг., погребения скандинавов составляли 4% от всех захоронений или 13% от числа этнически определимых. Таким образом, норманские погребения в Гнездове относятся к славянским примерно как 1 : 7¹⁵⁷. Встречаются захоронения дружинников скандинавского происхождения и в Приладожье, и в Ярославском Поволжье¹⁵⁸.

Сложнее вопрос об этническом компоненте в дружинах «Русской земли» в узком смысле. Среди дружинных погребений Киева и Черниговщины встречаются захоронения, по обряду трупоположения в срубах которые иногда тракуются как скандинавские: в Киевском некрополе они составляют около трети от числа погребений дружинников¹⁵⁹. Однако конструкция этих погребальных сооружений не характерна для норманнских погребений в «камерах»¹⁶⁰. Между тем комплексное исследование курганов Среднего Поднепровья показало, что трупоположения в подкурганных ямах с деревянными конструкциями свойственны для всего ареала земли летописных полян¹⁶¹. Не исключено, что обряд восходит к дославянскому населению этого региона — неславянской части носителей черняховской культуры и, возможно, далее к населению скифской эпохи¹⁶². Поскольку в раннем средневековье этот дославянский субстрат уже ассимилирован, и ассимиляция произошла несомненно ранее, чем укрепился дружинный слой у славян, постольку сохранение обряда захоронения в срубах в части дружинных погребений «Русской земли» не может интерпретироваться как свидетельство наличия в южнорусских дружинах этнического компонента. Бесспорно скандинавским захоронением в Киевском некрополе можно считать лишь могилу № 114 — захоронение, имеющее явные скандинавские аналогии в погребальном обряде¹⁶³.

В Шестовицах скандинавские вещи обнаружены в 12 из 26 захоронений, отнесенных исследователем могильника Д. И. Блительдом к дружинным¹⁶⁴. Г. С. Лебедев склонен отнести к норманнским как раз примерно такое количество шестовицких погребений¹⁶⁵. Но при этом признаются скандинавскими захоронения в срубах. Д. И. Блительд, подчеркивая, что скандинавские вещи в захоронениях почти всегда сочетаются с местными, которые преобладают, полагал, что дружинники скандинавского происхождения в Шестовицах имелись, однако их процент был меньшим, чем процент захоронений со скандинавскими вещами¹⁶⁶. В погребениях Черниговского некрополя варяжское присутствие не прослеживается¹⁶⁷.

Варяги участвовали в походах Олега и Игоря на Византию¹⁶⁸, Владимир в борьбе с Ярополком привлекал варяжский наемный отряд¹⁶⁹, дважды напирал варягов Ярослав для борьбы за Киев со Святополком¹⁷⁰, и еще один раз — для войны с другим братом, Мстиславом¹⁷¹. Последний факт участия варяжских наемников в русской войске относится к походу Владимира Ярославича на Византию в 1043 г.¹⁷² Однако отряды варягов-наемников не могут считаться древнерусскими дружинами. О вхождении скандинавов в ряды древнерусской военно-дружинной знати можно говорить лишь в случае их оседания на Руси. Исследование Г. С. Лебедева, сопоставившего археологические данные о присутствии скандинавов в Восточной Евро-

по со шведским археологическим материалом, показало, — что многие викинги, пребывавшие длительное время на Руси на службе у русских князей, возвращались затем на родину, обогащаясь восточными драгоценностями (захваченными в походах или приобретенными в результате торговых операций)¹⁷³. Следовательно, часть попадавших на Русь варяжских дружинников лишь временно включалась в процессы общественного развития на Руси, и реальный процент викингов, вошедших в господствующий класс (военно-дружинную знать) Киевской Руси, должен быть ниже, чем процент захороненный дружинников скандинавского происхождения на восточнославянской территории: часть захоронений принадлежала тем умершим на Руси дружинникам, для которых пребывание здесь было лишь временной службой.

Оседание варяжских дружинников на Руси было особенно частым до конца X в. — времени, с которого варяги стали нередко после пребывания на Руси уходить на службу в Византию¹⁷⁴. Источники сохранили три известия, показывающих, как происходило конкретно оседание скандинавов на Руси: ПВЛ сообщает, что Владимир после захвата Киева избрал из варягов «мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады»¹⁷⁵ (т. е. сделал их своими посадниками в русских городах); по «Саге об Эймунде» на Руси остался Эймунд, предводитель дружины, панятой Ярославом¹⁷⁶; Патерик Киево-печерского монастыря сообщает о приходе на Русь в середине XI в. варяга Шимона со своим «домом» в 3000 человек¹⁷⁷. О заметном количестве варягов в дружинах древнерусских князей говорит значительное количество скандинавских имен в летописных сообщениях о событиях X — начала XI вв. Особенно много таких имен упомянуто в текстах договоров с Византией 911 и 944 гг. Но преобладание норманских имен среди послов объясняется использованием подвижного варяжского элемента в дипломатической сфере¹⁷⁸. Имена же лиц, которые посылают послов (перечень этих лиц есть в договоре 944 г.; преобладают скандинавские имена, имеются и славянские) — это имена членов киевской княжеской династии, скандинавское происхождение которой вероятно. Имена бояр великого князя, представителей дружины знати, в договоре не названы¹⁷⁹.

Что касается известных нарративного характера, то в летописных рассказах о событиях X — начала XI вв. упомянуто 15 имен, носители которых могут быть отнесены к дружинной знати. Согласно выводам новейшего исследования по антропологии ПВЛ, среди них 11 славянских (Претич, Малко Любечанин, Лют¹⁸⁰, Добрыня, Блуд, Варяжко, Волчий Хвост, Константин Добрынич, Путша, Талец, Ляшко), 2 скандинавских (Асмуд, Свенельд) и 2 тюркских (Горясер, Еловиц)¹⁸¹.

Археологические материалы дают возможность увидеть процесс ассимиляции варягов, осевших на Руси: на материалах

Гнездовского могильника было прослежено постепенное стирание скандинавских этнических признаков¹⁸²; в Тимеревском могильнике (Ярославское Поволжье, доля погребений с норманнскими чертами падает с 13% в X в. до 3,5% в начале XI в.¹⁸³

Таким образом, несомненным является наличие в древнерусских дружинах скандинавского этнического компонента, постепенно растворявшегося в славянской среде. Время его появления определяется данными археологии как конец IX в. для Верхнего Поднепровья (Гнездово) и начало X в. для Среднего Поднепровья (Киев)¹⁸⁴. Включение выходцев из Скандинавии в дружинный слой Киевской Руси прекращается к середине XI в. с завершением практики найма варяжских дружин.

С XI в. можно с определенностью говорить о включении в древнерусский дружинный слой тюркских и кавказских элементов. Это было обусловлено как соседством основной русской территории со степными кочевниками (печенегами, торками, затем половцами), так и существованием на Таманском полуострове с конца X по конец XI в. русского Тмутараканского княжества. Под 1015 г. в ПВЛ упоминаются Еловит и Горасер — дружинники Святополка, участвовавшие в убийстве Бориса и Глеба¹⁸⁵. Под 1023 г. говорится, что князь тмутараканский Мстислав «пойде... на Ярослава с козары и съ касогы»¹⁸⁶; часть их могла остаться в дружине Мстислава после его вокняжения в Чернигове.

Для конца XI—XII вв. известно немало тюркских имен у дружинников: отрок Владимира Мономаха Бяндюк¹⁸⁷, отроки Давыда Игоревича Улан и Колчко¹⁸⁸, некто Кульмей, близкий к Василию Ростиславичу¹⁸⁹, Торчин, боярин Олега и Давыда Святославичей¹⁹⁰, дружинник Мстислава Изяславича Олбырь Шерошевич¹⁹¹, «милостник» Святослава Всеволодовича Кочкарь¹⁹².

В целом можно заключить, что из иноэтничных элементов в древнерусской дружине с конца IX до середины XI в. преобладал скандинавский, а с середины XI в. — тюркский¹⁹³.

Глава IV

ДРУЖИНА И АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДРУЖИНИКОВ

Участие дружинников в системе государственного и вотчинного управления отмечалось многими исследователями¹. Но остается невыясненным вопрос, насколько значительным оно было, в какой мере дружинная знать обеспечивала кадры административного аппарата.

Должности и институты аппарата управления в Киевской Руси могут быть подразделены на три группы: 1) появившиеся в доклассовом обществе и приспособленные к нуждам нового строя; 2) появившиеся с возникновением и развитием антагонистических классов и государства; 3) появившиеся с возникновением вотчинного землевладения и связанные с ним.

Из должностей и институтов, относящихся к первой группе, под наиболее ранней датой (945 г.) в летописи упомянут «воевода»: «Вольга же бяше в Кieve с сыном своим с дѣтьскомъ Святославом, и кормилец его Асмуд, и воевода бѣ Свѣнелдъ»². Воеводы упоминаются далее многократно как предводители различных по численности военных отрядов³. Они могут действовать как самостоятельно⁴, так и при князе⁵. Слово «воевода» — общеславянское⁶, что свидетельствует в пользу первичного значения этого термина — предводитель племенного ополчения. В то же время характерно, что «воевода» никогда не отождествлялся в древнерусских источниках домонгольского периода с «князем»⁷. Вероятно, в доклассовом обществе различие между этими понятиями заключалось в том, что должность князя — племенного вождя — была постоянной, а во время как воевода выбирался на время военных действий как помощник князя в осуществлении руководства войском (может быть, его недружинной частью). На Руси в X—XI вв. воевода — должность уже постоянная, существующая и в мирное время⁸.

Известия о древнерусских воеводах со всей очевидностью показывают, что в Киевской Руси X—XIII вв. воеводы были лицами, назначаемыми князьями из числа членов старшей дружины⁹. Мнение И. Я. Фроянова о наличии на Руси «земских» воевод¹⁰ нельзя признать основательным. Один из таких предполагаемых Фрояновым воевод — Претич — называет себя «мужем» князя¹¹. Другой — Костячко (отнесенный к «земским» только потому, что он отсутствовал среди окружения Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей киевских» на «княжом дворе» (1068 г.))¹², упомянут в числе лиц, «уставивших» вместе с князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Правду Ярославичей, а эти лица не «земские лидеры», как считает И. Я. Фроянов¹³: ст. 2 ПП называет их «мужами» трех упомянутых князей («По Ярославѣ же паки совкупишася сынове его: Изяславѣ, Святославѣ, Всеволодѣ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣг, Никифоръ...»). Упоминание в летописях воевод «русских»¹⁴, галицких¹⁵, воевод «холмян»¹⁶ и «берестыян»¹⁷ вызвано не их «земским» характером, а тем, что воеводы назначались князьями во главе городских ополчений. Лишь воевод Новгорода и его пригорода Пскова¹⁸ можно считать не связанными с князем, но эта их особенность — не исконная, а приобретенная в результате выхода новгородской знати из дружинной организации.

Одним из спорных вопросов, связанных с историей государственного аппарата Киевской Руси, является вопрос о наличии и характере такого института, как совет («дума») при князе. Некоторые дореволюционные исследователи полагали, что такого рода специальное совещательное учреждение существовало¹⁹. Эта точка зрения была подвергнута критике С. В. Юшковым. По его мнению, постоянно действующим советом князя была дружина, совет с которой с середины XI века стал «медленно заменяться советом с наиболее близкими и влиятельными вассалами и министрами, и опять без создания какого-либо особого учреждения»²⁰. В. Т. Пашуто считал, что «феодальный совет при князе — однопалатный сословный орган, давний устойчивый институт политического строя Древней Руси. В состав совета входили вассалы князя и бояре, в мирное время — духовная знать, в военное время — руководители союзников»²¹. Совет при князе, по мнению В. Т. Пашуто, «возник как верховный орган раннефеодального государства; он поглотил союзы знати объединенных земель»²². В ведении совета были вопросы законодательства, управления, внешней политики, суда²³. Л. В. Черепнин полагал, что «боярская дума» была учреждением с достаточно устойчивой организацией: в ее деятельности принимали участие члены княжеской семьи, дружинники, иногда епископы²⁴.

Обращаясь к рассмотрению проблемы княжеского совета в Киевской Руси, следует учитывать, что в догосударственный период существовали три типа совещаний, которым княжеский совет мог (в той или иной мере) наследовать: народное собрание, совет старейшин (атрибуты политического строя, называемого «военной демократией») и совещание князя со своими дружинниками (последнее может появиться, естественно, только с возникновением института дружины). Вопрос о том, в какой степени княжеский совет наследовал (и наследовал ли) каждому из этих типов совещаний, не менее важен, чем вопросы, обычно ставившиеся в связи с проблемой совета: 1) состав совета; 2) наличие или отсутствие устойчивой организационной структуры совета; 3) круг вопросов, обсуждавшихся на совете.

Всего существует 67 известий о совещаниях князей с лицами иного социального положения в X—XII вв. Из них 62 сообщают о конкретных фактах таких совещаний. Наибольшее количество известий говорит о совете по вопросам войны и мира, внешней политики — 41 (X в. — 4²⁶, XI — 4²⁷, XII — 33²⁸). На втором месте вопросы престолонаследия, распределения княжеских столов — 10 (XI в. — 1²⁹, XII — 9³⁰). Пять известий упоминают на совещания по религиозным вопросам (X в. — 3³¹, XII — 2³²), четыре (X в. — 2³³, XI — 1³⁴, XII — 1³⁵) — на факты совета по вопросам права. Два упоминания о совете связаны с обвинениями, выдвинутыми против князей (XI в. — 1³⁶, XII — 1³⁷). Кроме того, четыре упоминания (X в. — 1³⁸, XI —

2³⁹, XII — 1⁴⁰) говорят вообще об обычае князя «думать» с дружиной, одно (XI в.)⁴¹ — о частых совещаниях князя с епископами по вопросам религии. Наконец, в трех известиях (XII в.) упомянуты «думцы»⁴².

Чаще всего советники князя названы дружиной — 24 раза (X в. — 3, XI — 4, XII — 17), 18 раз — мужами (XI в. — 1, XII — 17), 4 раза — боярами (X в. — 1, XII — 3). Трижды в качестве советников выступают бояре и старцы (X в.) дважды — епископы и старцы (X в.), мужи, дружина и Черные Клобуки (XII в.). В двух случаях (конец XI в.) речь идет о совете с младшими дружинниками (в обход старших). По одному разу в роли советников выступают: древляне (X в.); епископы (XI в.); бояре и кияне (XI в.); новгородцы (XI в.); «люди» князя (XII в.); бояре, дружина и кияне (XII в.); бояре и дружина (XII в.); угорские мужи (XII в.); дружина, кияне и Черные Клобуки (XII в.); мужи и епископ (XII в.); передние мужи, они же дружина, и епископ (XII в.); милостник (XII в.).

Очевидно преобладание дружинных элементов в княжеском совете, причем названиями «дружина», «мужи», «бояре» может обозначаться совет князя как по военным делам, так и по иным вопросам (законодательство, престолонаследие и др.).

Четыре раза, в рассказах о событиях конца X в., в качестве советников называются «старцы». Выше указывалось, что этот термин вряд ли отражал реальную сущность общественной категории времени Владимира. Можно лишь допустить, что сохранение в летописных преданиях (записанных, скорее всего, примерно столетием позже описываемых в них событий) указаний на совет князя со старцами отражает факт существования в догосударственный период в восточнославянских племенных княжествах и союзах племенных княжеств совета старейшин, с мнением которого должен был считаться князь. Легендарный характер рассказа об убийстве Игоря в 945 г., на которое древляне решились, «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ», не дает возможности судить с уверенностью, какое содействие имеется в виду.

Редко (пять раз) в числе княжеских советников названы епископы: в двух случаях (996 г.) речь идет о вопросах судопроизводства, в одном (1164 г.) — о престолонаследии, в одном (1159 г.) — о погребении митрополита, одно упоминание (XI в.) говорит об обычае князя совещаться с епископами по религиозным вопросам.

В пяти известиях назван широкий круг советников: бояре и кияне (1097 г.); бояре, дружина и кияне (1147 г.); мужи, дружина и Черные клобуки (1147 г.); бояре и «вся дружина» (1149 г.); дружина, кияне и Черные клобуки (1151 г.). В одном случае в совете участвуют иностранцы — «угорские мужи» (1150 г.). Пять последних упоминаний относятся к советам по поводу военных действий, связаны с князем Изяславом Мсти-

славичь. и сконцентрированы в пределах 4 лет (1147—1151 г.). По-видимому, в условиях междоусобных войн середины XII в. Изяслав прибегал к расширенным совещаниям, в которых вместе с его приближенными участвовали младшие дружинники и представители союзных Изяславу сил — киевского ополчения, Черных клобуков и (однажды) венгерского войска.

В остальных известиях о совете, когда есть прямые или косвенные указания на численность советников, она оказывается очень небольшой. Четыре прямых известия такого рода (заголовок Правды Ярославичей, ст. 53 КII, известия 1167 и 1180 гг.) дают численность от 1 (эту «думу» Святослава Всеволодовича с княгиней и милостником Кочкарем в 1180 г. можно считать советом лишь условно) до 6 человек. На небольшую численность совета указывают и известия 1103 и 1111 гг. — князя и их «дружинны» совещаются, сидя в «едином шатре».

В целом обзор известий о княжеском совете в Киевской Руси позволяет заключить, что этот институт был генетически связан с совещанием князя со своей дружиной. С веча — институтом, в раннефеодальном обществе последующим народному собранию догосударственной эпохи, княжеский совет никогда не пересекается. Нет данных и для предположения о его связи с советом старейшин. Совет при князе в Киевской Руси X—XII вв. не является учреждением с какой-либо четкой организационной структурой — он представляет собой, как правило, совещание князя со своими ближайшими приближенными, верхушкой дружины. Очевидно, исходным пунктом эволюции совета было совещание князя со всеми своими дружинниками. Возможно, в X в. состав совета был достаточно широким. Но в раннефеодальном обществе, с количественным ростом служилого слоя и с усилением княжеской власти совет стал совещанием узкого состава, включавшим в себя лишь верхушку дружины. Такой совет перобладает в XI и XII вв. Увеличение известий о совете для XII в. (46 против 7 для XI в. и 8 для X в.) вызвано как большим количеством источникового материала по этому столетию, так и увеличением числа самостоятельных князей, связанным с переходом к феодальной раздробленности. На совете обсуждались главным образом вопросы войны и мира, порядка занимания князьями «столов» и вопросы, связанные с законодательством. На судебные функции совета указаний нет. Известия «Поучения» Владимира Мономаха, ПВЛ под 1093 г. (о совете Всеволода) и упоминания «думцев» указывают на то, что деятельность совета была достаточно постоянной⁴³. Из ряда известий (1093 г., о совете Всеволода и Святополка; 1168 г., об обвинении против Мстислава; 1180 г., о совете Святослава с Кочкарем; 1188 г., о Владимире Галице) ⁴⁴ видно, что в глазах современников (по крайней мере летописцев) «дума» с дружиной, причем не со всей, а с представителями ее верхушки — «первой», «большей» дружиной

(1093 г.), «лучшими мужами» (1190) — считалась обязанностью князя. Можно полагать, что в летописных упоминаниях о совете зафиксирована лишь небольшая часть фактов его деятельности. К совещанию князя с приближенными в источниках применяются термины «совет» и «дума» (соответственно три и два раза)⁴⁵, поэтому их правомерно употреблять и в научной литературе по отношению к этому институту.

Весьма важен вопрос об отношении дружинников к должностям, отражающим так называемый «десятичный принцип деления общества» — тысяцкими, сотскими, десятскими. Проблема эта издавна порождала споры. М. Ф. Владимирский-Буданов и М. С. Грушевский считали десятичную систему «докняжеской» по происхождению военной организацией, а древнерусских тысяцких и сотских — представителями «земства»⁴⁶. По мнению А. Е. Преспякова, эта система и связанные с ней должности возникли как древнейшая государственная организация, вместе с княжеской властью. Тысяцкие назначались из княжих мужей, сотские и сотни были исключительно городской организацией⁴⁷. С. В. Юшков полагал, что десятичная система возникла из деления войска в племенной период на тысячи, сотни и десятки во главе с тысяцкими, сотскими и десятскими. В «дофеодальный», по терминологии автора, период (IX—X вв.) с усилением княжеской власти тысячами и сотнями стали называться княжеские гарнизоны в городах, возглавляемые назначенными князем командирами — тысяцкими и сотскими. Постепенно военная функция этих лиц превратилась в административно-территориальную⁴⁸. По мнению Б. Д. Грекова, «деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединялись для общих целей в большие организации военного характера, т. е. в период «военной демократии», когда вооруженный народ выступал в военных предпринятиях. Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, вносила порядок в движение людских масс, превращала толпу в войско»⁴⁹. По мнению М. Н. Тихомирова, тысяцкие и сотские были древнерусскими городскими властями и появление этих должностей было связано с возникновением городов⁵⁰. И. Я. Фроянов считает, что «тысяча» и «сотня» — «земские» организации, уходящие корнями в первобытнообщинную эпоху: первая — военная (ополчение, центром которого являлся город), вторая — также и территориально-административная; деление на сотни распространялось не только на города, но и на сельскую округу; тысяцкие могли назначаться и из числа княжих мужей⁵¹. Б. А. Рыбаков предполагает, что десятичный принцип (в основе своей — первобытнообщинный) первоначально был военно-учетным. Исследователь обратил внимание на упоминание в источниках еще одного термина, связанного с десятичной системой — «тьма». По мнению Б. А. Рыбакова, «тысяча» соответствовала племени, а

«тыма» — союзу племен⁵². М. Б. Свердлов считает, что десятичная система восходит к доклассовому обществу; но в раннефеодальный период «институт тысяцких стал органом княжеского административного управления, куда назначались княжие мужи и местная знать». Происхождение власти сотских неясно — были они выборными или назначались князем, но в XI—XIII вв. сотенная организация входила в систему государственного управления⁵³.

То, что зарождение десятичной системы относится к доклассовому обществу, не вызывает сомнений. В главе I отмечалось, что для германцев и славян была характерна ломка племенной структуры накануне складывания раннесредневековых государств. Представляется, что именно с этой ломкой, в ходе которой «старые» племена (с кровнородственными связями в основе) сменились территориальными образованиями — племенными княжествами и союзами племенных княжеств, связало появление десятичного деления общества⁵⁴. По-видимому, «тысячей» именовалась военная организация племенного княжества⁵⁵. О связи «тысяч» именно с военной организацией говорит тесная соотнесенность этого понятия с понятием «воевода»: «воеводство держащу Киевския тысяща Яневи»⁵⁶; «воеводство тогда держащу тысящия Киевския Ивану Славновичю»⁵⁷.

В период, когда термин «тысяцкий» появился в древнерусских источниках (наиболее раннее упоминание относится к 1080 г.), должность, соответствующую ему, занимали представители княжеской дружины. Первые упомянутые в летописи тысяцкие — Янь и Путята Вышатичи, сыновья воеводы Вышаты, праправнуки Добрыни, дяди Владимира Святославича⁵⁸. В Пространной Правде названы киевский тысяцкий Ратибор, белгородский — Прокопий и переяславский — Станислав, все вместе определяемые как «дружина» Владимира Мономаха (ст. 52); Ратибор служил еще отцу Владимира, имел двор в Переяславле⁵⁹. Много раз тысяцкие названы только по князю, которому они служат, без указания на территорию их «тысячи»⁶⁰. Факт наименования тысяцких только по территории, без указания на князя-сюзерена⁶¹, вовсе не свидетельствует об их «земском» характере: поскольку тысяцкие назначались на военно-административную должность, связанную с территориальным делением, такое именование было естественно: так, Георгий Симонович, в Киево-Печерском патерике названный тысяцким Юрия Долгорукого, именуется в летописи ростовским тысяцким⁶². И. Я. Фроянов называет в качестве примера «земских» тысяцких Улеба, Лазаря и Давыда (киевских тысяцких)⁶³. О Давыде Яруновиче сказано (под 1136 г.), что он киевский тысяцкий, один из членов «лучшей дружины» князей Владимировичей, попавшей в плен к Ольговичам⁶⁴. Улеб «держал тысящу» у великого князя Всеволода Ольговича; брат по-

следнего Игорь решил оставить Улеба в должности: «держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ» (1146 г.); Улеб, однако, взял сторону Изяслава Мстиславича, рассчитывая, видимо, получить большую выгоду⁶⁵. В описании событий следующего года Улеб упоминается как приближенный Изяслава — князь отправляет его послом к черниговским князьям в начале своего похода против Юрия Долгорукого, но тысяцким здесь Улеб не назван, а в рассказе об убийстве Игоря Ольговича (происшедшем немного позже) киевским тысяцким назван Лазарь. Он отделен в летописи не вообще от «княжеского тысяцкого», как пишет Фроянов⁶⁶, а от Рагуила, тысяцкого Владимира Мстиславича, брата Изяслава⁶⁷. Скорее всего, Лазарь был поставлен вместо Улеба на должность киевского тысяцкого Изяславом. Тожествен ли этот Лазарь киевскому боярину Лазарю Саковскому (одному из участников заговора против Игоря в пользу Изяслава⁶⁸) или не названному по имени тысяцкому Изяслава, который в 1146 г. был им послан «со стягом» в авангарде и соединился с киянами, принявшими сторону Изяслава⁶⁹, — неясно. Таким образом, нет оснований полагать, что кто-либо из трех упомянутых И. Я. Фрояновым тысяцких был должностным лицом «земским», а не назначенным князем (при этом очевидна принадлежность Давыда Яруновича к киевской старшей дружине). Различия в определении тысяцких (по городу или по князю) позволяют лишь предполагать, что должность тысяцкого могла иногда утрачивать связь с определенной территорией: тысяцкий мог занимать свою должность в том городе, где оказывался его князь. Тысяцкие возглавляли ополчение своей «тысячи», превращаясь таким образом с началом военных действий в воевод, а в мирное время осуществляли административные функции⁷⁰.

В Новгороде институт тысяцких имел специфику. Эта должность не упоминается здесь до конца XII в., лишь с этого времени в Новгороде появляется тысяцкий в качестве второго по значению после посадника лица в системе новгородского боярского управления. Этот новгородский тысяцкий не имеет отношения к дружинной организации⁷¹.

Что касается сотен и сотских, то, хотя упоминания о них в древнерусских источниках ограничены территорией городов, нельзя отрицать, что сотни могли существовать и в сельской местности, во всяком случае в догосударственный период. Из известных упоминаний неясно, назначались сотские в Киевской Руси князем или были выборными лицами. Однако в этом плане представляет интерес исследование Б. А. Рыбаковым былинны о Ставре Годиновиче. Б. А. Рыбаков отождествил героя былинного сюжета, с одной стороны, с новгородским сотским боярином Ставром, упоминаемым под 1118 г., а с другой — со Ставром Гордятиничем, лицом, известным по надписи-граффито на стене Софийского собора в Киеве и по «Поучению» Вла-

димира Мономаха, где он выступает в качестве приближенного молодого Владимира⁷². Если верно отождествление сотского Ставра со Ставром Гордятиничем, то оказывается, что даже в Новгороде на рубеже XI—XII вв. сотские могли назначаться из числа княжеских мужей.

«Тысяцкие» упоминаются лишь однажды рядом с сотскими (в рассказе о пирах Владимира)⁷³, поэтому об их отношении к дружинной организации судить трудно.

В целом можно констатировать, что начиная со времени не позднее XI в. княжеская власть использует десятичную систему деления общества для укрепления своих позиций, назначая на должности предводителей крупного ее подразделения — «тысячи» (а может быть, и более мелкого — «сотни», по крайней мере, в городах) своих приближенных из числа старших дружинников. Занятие представителями дружинной корпорации должности тысяцкого, равно как и воеводы, иллюстрирует положение Энгельса о дружинниках как готовом офицерском корпусе в крупных войнах⁷⁴.

Со становлением системы управления раннефеодального государства появляются новые должности, не связанные происхождением с доклассовым обществом и также занимаемые представителями дружинной знати. Должность посадника начинает упоминаться в летописи при описании событий второй половины X в.: «А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ» (977 г.); «Приде Володимиръ съ варяги Новугороду и рече посадникомъ Ярополчимъ...» (980 г.)⁷⁵. «И съзываше бояры своя, и посадницы...» (996 г.)⁷⁶. Посадник — княжеский наместник в городе, где нет князя⁷⁷. Подобно тысяцкому, он несет функции воеводы (так, в ПВЛ новгородский посадник Остромир, зятек Добрыни, назван «воеводой новгородским»⁷⁸). В Новгороде в XI в. посадник функционирует только в отсутствие князя⁷⁹. Лишь с конца XI столетия, в связи с усилением новгородского боярства, должность посадника становится постоянной и не зависит от пребывания в городе князя⁸⁰.

Посадники обычно назначались из числа бояр; однако известие 1176 г. показывает, что посадниками могли быть и детские⁸¹. Это явление, вероятно, зародилось в XII в. с усилением значения данной категории дружинников.

К институту посадничества относятся летописные упоминания о раздаче князем городов «мужам», о «держании» городов боярами⁸². Посадники выполняли по отношению к городу и прилежавшей к нему волости функции верховного управления, податные и судебные⁸³, т. е. те же, которые осуществляли князья (правившие в наиболее крупных городских центрах); в руках посадников, следовательно, находилось распоряжение доходом, поступающим от корпоративной эксплуатации населения.

Должности и институты аппарата управления в Киевской Руси могут быть подразделены на три группы: 1) появившиеся в доклассовом обществе и приспособленные к нуждам нового строя; 2) появившиеся с возникновением и развитием антагонистических классов и государства; 3) появившиеся с возникновением вотчинного землевладения и связанные с ним.

Из должностей и институтов, относящихся к первой группе, под наиболее ранней датой (945 г.) в летописи упоминают «воевода»: «Вольга же бяше в Киеве с сыном своим с дѣтскомъ Святославом, и кормилец его Асмуд, и восвода бѣ Спѣльскъ»². Воеводы упоминаются далее многократно как предводители различных по численности военных отрядов³. Они могут действовать как самостоятельно⁴, так и при князе⁵. Слово «воевода» — общеславянское⁶, что свидетельствует в пользу первичного значения этого термина — предводитель племенного ополчения. В то же время характерно, что «воевода» никогда не отождествлялся в древнерусских источниках домогольского периода с «князем»⁷. Вероятно, в доклассовом обществе различие между этими понятиями заключалось в том, что должность князя — племенного вождя — была постоянной, в то время как воевода выбирался на время военных действий как помощник князя в осуществлении руководства войском (может быть, его недружинной частью). На Руси в X—XI вв. воевода — должность уже постоянная, существующая и в мирное время⁸.

Известия о древнерусских воеводах со всей очевидностью показывают, что в Киевской Руси X—XIII вв. воеводы были лицами, назначаемыми князьями из числа членов старшей дружины⁹. Мнение И. Я. Фроянова о наличии на Руси «земских» воевод¹⁰ нельзя признать основательным. Один из таких предполагаемых Фрояновым воевод — Претич — называет себя «мужем» князя¹¹. Другой — Костячко (отнесенный к «земским» только потому, что он отсутствовал среди окружения Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей киевских» на «княжом дворе» (1068 г.))¹², упоминают в числе лиц, «уставивших» вместе с князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Правду Ярославичей, а эти лица не «земские лидеры», как считает И. Я. Фроянов¹³: ст. 2 ПП называет их «мужами» трех упомянутых князей («По Ярославѣ же пакы совкупившася сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коспячко, Перенѣг, Никифоръ...»). Упоминание в летописях воевод «русских»¹⁴, галицких¹⁵, воевод «холмян»¹⁶ и «берестыян»¹⁷ вызвано не их «земским» характером, а тем, что воеводы назначались князьями во главе городских ополчений. Лишь воевод Новгород и его «пригорода» Пскова¹⁸ можно считать не связанными с князем, но эта их особенность — не исконная, а приобретенная в результате выхода новгородской знати из дружинной организации.

Одним из спорных вопросов, связанных с историей государственного аппарата Киевской Руси, является вопрос о наличии и характере такого института, как совет («дума») при князе. Некоторые дореволюционные исследователи полагали, что такого рода специальное совещательное учреждение существовало¹⁹. Эта точка зрения была подвергнута критике С. В. Юшковым. По его мнению, постоянно действующим советом князя была дружина, совет с которой с середины XI века стал «медленно заменяться советом с наиболее близкими и влиятельными вассалами и мистериалами, и опять без создания какого-либо особого учреждения»²⁰. В. Т. Пашуто считал, что «феодальный совет при князе — однопалатный сословный орган, давший устойчивый институт политического строя Древней Руси. В состав совета входили вассалы князя и бояре, в мирное время — духовная знать, в военное время — руководители союзников»²¹. Совет при князе, по мнению В. Т. Пашуто, «возник как верховный орган раннефеодального государства; он поглотил советы знати объединенных земель»²². В ведении совета были вопросы законодательства, управления, внешней политики, суда²³. Л. В. Черепнин полагал, что «боярская дума» была учреждением с достаточно устойчивой организацией: в ее деятельности принимали участие члены княжеской семьи, дружинники, иногда епископы²⁴.

Обращаясь к рассмотрению проблемы княжеского совета в Киевской Руси, следует учитывать, что в догосударственный период существовали три типа совещаний, которым княжеский совет мог (в той или иной мере) наследовать: народное собрание, совет старейшин (атрибуты политического строя, называемого «военной демократией») ²⁵ и совещание князя со своими дружинниками (последнее может появиться, естественно, только с возникновением института дружины). Вопрос о том, в какой степени княжеский совет наследовал (и наследовал ли) каждому из этих типов совещаний, не менее важен, чем вопросы, обычно ставившиеся в связи с проблемой совета: 1) состав совета; 2) наличие или отсутствие устойчивой организационной структуры совета; 3) круг вопросов, обсуждавшихся на совете.

Всего существует 67 известий о совещаниях князей с лицами иного социального положения в X—XII вв. Из них 62 сообщают о конкретных фактах таких совещаний. Наибольшее количество известий говорит о совете по вопросам войны и мира, внешней политики — 41 (X в. — 4²⁶, XI — 4²⁷, XII — 33²⁸). На втором месте вопросы престолонаследия, распределения княжеских столов — 10 (XI в. — 1²⁹, XII — 9³⁰). Пять известий указывают на совещания по религиозным вопросам (X в. — 3³¹, XII — 2³²), четыре (X в. — 2³³, XI — 1³⁴, XII — 1³⁵) — на факты совета по вопросам права. Два упоминания о совете связаны с обвинениями, выдвинутыми против князей (XI в. — 1³⁶, XII — 1³⁷). Кроме того, четыре упоминания (X в. — 1³⁸, XI —

2³⁹, XII — 1⁴⁰) говорят вообще об обычае князя «думать» дружиной, одно (XI в.)⁴¹ — о частых совещаниях князя епископами по вопросам религии. Наконец, в трех известиях (XII в.) упомянуты «думцы»⁴².

Чаще всего советники князя названы дружиной — 24 раза (X в. — 3, XI — 4, XII — 17), 18 раз — мужами (XI в. — 1, XII — 17), 4 раза — боярами (X в. — 1, XII — 3). Трижды в качестве советников выступают бояре и старцы (X в.) дважды — епископы и старцы (X в.), мужи, дружина и Черные Клобуки (XII в.). В двух случаях (конец XI в.) речь идет о совете с младшими дружинниками (в обход старших). По одному разу в роли советников выступают: древляне (X в.); епископы (XI в.); бояре и князе (XI в.); новгородцы (XI в.); «люди» князя (XII в.); бояре, дружина и князе (XII в.); бояре и дружина (XII в.); угорские мужи (XII в.); дружина, князе и Черные Клобуки (XII в.); мужи и епископ (XII в.); передние мужи, они же дружина, и епископ (XII в.); милостник (XII в.).

Очевидно преобладание дружинных элементов в княжеском совете, причем названиями «дружина», «мужи», «бояре» может обозначаться совет князя как по военным делам, так и по иным вопросам (законодательство, престолонаследие и др.).

Четыре раза, в рассказах о событиях конца X в., в качестве советников называются «старцы». Выше указывалось, что этот термин вряд ли отражал реальную сущность общественной категории времени Владимира. Можно лишь допустить, что сохранение в летописных преданиях (записанных, скорее всего, примерно столетием позже описываемых в них событий) указаний на совет князя со старцами отражает факт существования в догосударственный период в восточнославянских племенных княжествах и союзах племенных княжеств совета старейшин, с мнением которого должен был считаться князь. Легендарный характер рассказа об убийстве Игоря в 945 г., на которое древляне решились, «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ», не дает возможности судить с уверенностью, какое совещание имеется в виду.

Редко (пять раз) в числе княжеских советников названы епископы: в двух случаях (996 г.) речь идет о вопросах судопроизводства, в одном (1164 г.) — о престолонаследии, в одном (1159 г.) — о погребении митрополита, одно упоминание (XI в.) говорит об обычае князя совещаться с епископами по религиозным вопросам.

В пяти известиях назван широкий круг советников: бояре и князе (1097 г.); бояре, дружина и князе (1147 г.); мужи, дружина и Черные клобуки (1147 г.); бояре и «вся дружина» (1149 г.); дружина, князе и Черные клобуки (1151 г.). В одном случае в совете участвуют иностранцы — «угорские мужи» (1150 г.). Пять последних упоминаний относятся к советам по поводу военных действий, связаны с князем Изяславом Мсти-

славичем и сконцентрированы в пределах 4 лет (1147—1151 г.). По-видимому, в условиях междоусобных войн середины XII в. Изяслав прибегал к расширенным совещаниям, в которых вместе с его приближенными участвовали младшие дружинники и представители союзных Изяславу сил — киевского ополчения, Черных клобуков и (однажды) венгерского войска.

В остальных известиях о совете, когда есть прямые или косвенные указания на численность советников, она оказывается очень небольшой. Четыре прямых известия такого рода (заголовок Правды Ярославичей, ст. 53 КП, известия 1167 и 1180 гг.) дают численность от 1 (эту «думу» Святослава Всеволодовича с княгиней и милостником Кочкарем в 1180 г. можно считать советом лишь условно) до 6 человек. На небольшую численность совета указывают и известия 1103 и 1111 гг. — князя и их «дружинны» совещаются, сидя в «едином шатре».

В целом обзор известий о княжеском совете в Киевской Руси позволяет заключить, что этот институт был генетически связан с совещанием князя со своей дружиной. С вехом — институтом, в раннефеодальном обществе последующим народному собранию догосударственной эпохи, княжеский совет никогда не пересекается. Нет данных и для предположения о его связи с советом старейшин. Совет при князе в Киевской Руси X—XII вв. не является учреждением с какой-либо четкой организационной структурой — он представляет собой, как правило, совещание князя со своими ближайшими приближенными, верхушкой дружины. Очевидно, исходным пунктом эволюции совета было совещание князя со всеми своими дружинниками. Возможно, в X в. состав совета был достаточно широким. Но в раннефеодальном обществе, с количественным ростом служилого слоя и с усилением княжеской власти совет стал совещанием узкого состава, включавшим в себя лишь верхушку дружины. Такой совет перобладает в XI и XII вв. Увеличение известий о совете для XII в. (46 против 7 для XI в. и 8 для X в.) вызвано как большим количеством источникового материала по этому столетию, так и увеличением числа самостоятельных князей, связанным с переходом к феодальной раздробленности. На совете обсуждались главным образом вопросы войны и мира, порядка заимания князьями «столов» и вопросы, связанные с законодательством. На судебные функции совета указаний нет. Известия «Пouchения» Владимира Мономаха, ПВЛ под 1093 г. (о совете Всеволода) и упоминания «думцев» указывают на то, что деятельность совета была достаточно постоянной⁴³. Из ряда известий (1093 г., о совете Всеволода и Святослава; 1168 г., об обвинении против Мстислава; 1180 г., о совете Святослава с Кочкарем; 1188 г., о Владимире Галицком)⁴⁴ видно, что в глазах современников (по крайней мере летописцев) «дума» с дружиной, причем не со всей, а с представителями ее верхушки — «первой», «большой» дружиной

(1093 г.), «лепшими мужами» (1180 г.), считалась обязанностью князя. Можно полагать, что в летописных упоминаниях о совете зафиксирована лишь небольшая часть фактов его деятельности. К советам князя с приближенными в источниках применяются термины «совет» и «дума» (соответствие три и два раза)⁴⁵, поэтому их правомерно употреблять и в научной литературе по отношению к этому институту.

Весьма важен вопрос об отношении дружинников к должностям, отражающим так называемый «десятичный принцип деления общества» — тысяцкими, сотскими, десятскими. Проблема эта издавна порождала споры. М. Ф. Владимирский-Буданов и М. С. Грушевский считали десятичную систему «докняжеской» по происхождению военной организацией, а древнерусских тысяцких и сотских — представителями «земства»⁴⁶. По мнению А. Е. Преснякова, эта система и связанные с ней должности возникли как древнейшая государственная организация, вместе с княжеской властью. Тысяцкие назначались из княжих мужей, сотские и сотни были исключительно городской организацией⁴⁷. С. В. Юшков полагал, что десятичная система возникла из деления войска в племенной период на тысячи, сотни и десятки во главе с тысяцкими, сотскими и десятскими. В «дофеодальный», по терминологии автора, период (IX—X вв.) с усилением княжеской власти тысячами и сотнями стали называться княжеские гарнизоны в городах, возглавляемые назначенными князем командирами — тысяцкими и сотскими. Постепенно военная функция этих лиц переросла в административно-территориальную⁴⁸. По мнению Б. Д. Грекова, «деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединялись для общих целей в большие организации военного характера, т. е. в период «военной демократии», когда вооруженный народ выступал в военных предпринятиях. Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, вносила порядок в движение людских масс, превращала толпу в войско»⁴⁹. По мнению М. П. Тихомирова, тысяцкие и сотские были древнерусскими городскими властями и появление этих должностей было связано с возникновением городов⁵⁰. И. Я. Фроянов считает, что «тысяча» «сотня» — «земские» организации, уходящие корнями в первобытнообщинную эпоху: первая — военная (ополчение, центром которого являлся город), вторая — также и территориально-административная; деление на сотни распространялось не только на города, но и на сельскую округу; тысяцкие могли назначаться и из числа княжих мужей⁵¹. Б. А. Рыбаков предполагает, что десятичный принцип (в основе своей — первобытнообщинный) первоначально был военно-учетным. Исследователь обратил внимание на упоминание в источниках еще одного термина, связанного с десятичной системой — «тьма». По мнению Б. А. Рыбакова, «тысяча» соответствовала племени, а

«тьма» — союзу племен⁵². М. Б. Свердлов считает, что десятичная система восходит к доклассовому обществу; но в раннефеодальный период институт тысяцких стал органом княжеского административного управления, куда назначались княжие мужи и местная знать». Происхождение власти сотских неясно — были они выборными или назначались князем, но в XI—XIII вв. сотенная организация входила в систему государственного управления⁵³.

То, что зарождение десятичной системы относится к доклассовому обществу, не вызывает сомнений. В главе I отмечалось, что для германцев и славян была характерна ломка племенной структуры накануне складывания раннесредневековых государств. Представляется, что именно с этой ломкой, в ходе которой «старые» племена (с кровнородственными связями в основе) сменились территориальными образованиями — племенными княжествами и союзами племенных княжеств, связано появление десятичного деления общества⁵⁴. По-видимому, «тысячей» именовалась военная организация племенного княжества⁵⁵. О связи «тысяч» именно с военной организацией говорит тесная соотнесенность этого понятия с понятием «воевода»: «воеводство держащую Киевския тысяща Яневи»⁵⁶; «воеводство тогда держащую тысящя Киевския Ивану Славновичю»⁵⁷.

В период, когда термин «тысяцкий» появился в древнерусских источниках (наиболее раннее упоминание относится к 1089 г.), должность, соответствующую ему, занимали представители княжеской дружины. Первые упомянутые в летописи тысяцкие — Янь и Путята Вышатичи, сыновья воеводы Вышаты, праправнуки Добрыни, дяди Владимира Святославича⁵⁸. В Пространной Правде названы киевский тысяцкий Ратибор, белгородский — Проконий и переяславский — Станислав, все вместе определяемые как «дружина» Владимира Мономаха (ст. 52); Ратибор служил еще отцу Владимира, имел двор в Переяславле⁵⁹. Много раз тысяцкие названы только по князю, которому они служат, без указания на территорию их «тысячи»⁶⁰. Факт наименования тысяцких только по территории, без указания на князя-сюзерена⁶¹, вовсе не свидетельствует об их «земском» характере: поскольку тысяцкие назначались на военно-административную должность, связанную с территориальным делением, такое именование было естественно: так, Георгий Симонович, в Киево-Печерском патерике названный тысяцким Юрия Долгорукого, именуется в летописи ростовским тысяцким⁶². И. Я. Фроянов называет в качестве примера «земских» тысяцких Улеба, Лазаря и Давыда (киевских тысяцких)⁶³. О Давыде Яруновиче сказано (под 1136 г.), что он киевский тысяцкий, один из членов «лучшей дружины» князей Владимировичей, попавшей в плен к Ольговичам⁶⁴. Улеб «держал тысячию» у великого князя Всеволода Ольговича; брат по-

следнего Игорь решил оставить Улеба в должности: «держи ты тысячу, как еси у брата моего держалъ» (1146 г.); Улеб, однако, взял сторону Изяслава Мстиславича, рассчитывая, видимо, получить большую выгоду⁶⁵. В описании событий следующего года Улеб упоминается как приближенный Изяслава — князь отправляет его послом к черниговским князьям начале своего похода против Юрия Долгорукого, по тысяцким здесь Улеб не назван, а в рассказе об убийстве Игоря Ольговича (происшедшем немного позже) киевским тысяцким назван Лазарь. Он отделен в летописи не вообще от «княжеского тысяцкого», как пишет Фроянов⁶⁶, а от Рагуила, тысяцкого Владимира Мстиславича, брата Изяслава⁶⁷. Скорее всего, Лазарь был поставлен вместо Улеба на должность киевского тысяцкого Изяславом. Тождествен ли этот Лазарь киевскому боярину Лазарю Саковскому (одному из участников заговора против Игоря в пользу Изяслава⁶⁸) или не названному по имени тысяцкому Изяслава, который в 1146 г. был им послан «со стягом» авангарде и соединился с киянами, принявшими сторону Изяслава⁶⁹, — неясно. Таким образом, нет оснований полагать, что кто-либо из трех упомянутых И. Я. Фрояновым тысяцких был должностным лицом «земским», а не названным князем (при этом очевидна принадлежность Давыда Яруповича к киевской старшей дружине). Различия в определении тысяцких (по городу или по князю) позволяют лишь предполагать, что должность тысяцкого могла иногда утрачивать связь с определенной территорией: тысяцкий мог занимать свою должность в том городе, где оказывался его князь. Тысяцкие возглавляли ополчение своей «тысячи», превращаясь таким образом с началом военных действий в воевод, а в мирное время осуществляли административные функции⁷⁰.

В Новгороде институт тысяцких имел специфику. Эта должность не упоминается здесь до конца XII в.: лишь с этого времени в Новгороде появляется тысяцкий в качестве второго по значению после посадника лица в системе новгородского боярского управления. Этот новгородский тысяцкий не имеет отношения к дружинной организации⁷¹.

Что касается сотен и сотских, то, хотя упоминания о них в древнерусских источниках ограничены территорией городов, нельзя отрицать, что сотни могли существовать и в сельской местности, во всяком случае в догосударственный период. Из известных упоминаний известно, что назначались сотские в Киевской Руси князем или были выборными лицами. Однако в этом плане представляет интерес исследование Б. А. Рыбаковым былины о Ставре Годиновиче. Б. А. Рыбаков отождествил героя былинного сюжета, с одной стороны, с новгородским сотским боярином Ставром, упоминаемым под 1118 г., а с другой — со Ставром Гордятиничем, лицом, известным по подписи-граффито на стене Софийского собора в Киеве и по «Поучению» Вла-

димира Мономаха, где он выступает в качестве приближенного молодого Владимира⁷². Если верно отождествление сотского Ставра со Ставром Гордятиичем, то оказывается, что даже в Новгородѣ на рубежѣ XI—XII вв. сотские могли назначаться из числа княжих мужей.

«Десятские» упоминаются лишь однажды рядом с сотскими (под 996 г. в рассказе о пирах Владимира)⁷³, поэтому об их отношении к дружинной организации судить трудно.

В целом можно констатировать, что начиная со времени не позднее XI в. княжеская власть использует десятичную систему деления общества для укрепления своих позиций, назначая на должности предводителей крупного ее подразделения — «тысячи» (а может быть, и более мелкого — «сотни», по крайней мере, в городах) своих приближенных из числа старших дружинников. Занятие представителями дружинной корпорации должности тысяцкого, равно как и воеводы, иллюстрирует положение Энгельса о дружинниках как готовом офицерском корпусе в крупных войнах⁷⁴.

Со становлением системы управления раннефеодального государства появляются новые должности, не связанные происхождением с доклассовым обществом и также занимаемые представителями дружинной знати. Должность посадника начинает упоминаться в летописи при описании событий второй половины X в.: «А Ярополкъ посадники своя посади в Новгородѣ» (977 г.); «Приде Володимиръ съ варяги Новгороду и рече посадникомъ Ярополчимъ...» (980 г.)⁷⁵. «И съзываше бояры своя, и посадницы...» (996 г.)⁷⁶. Посадник — княжеский наместник в городе, где нет князя⁷⁷. Подобно тысяцкому, он несет функцию воеводы (так, в ПВЛ новгородский посадник Остромир, вѣук Добрыни, назван «воеводой новгородским»⁷⁸). В Новгородѣ в XI в. посадник функционирует только в отсутствие князя⁷⁹. Лишь с конца XI столетия, в связи с усилением новгородского боярства, должность посадника становится постоянной и не зависит от пребывания в городе князя⁸⁰.

Посадники обычно назначались из числа бояр; однако известие 1176 г. показывает, что посадниками могли быть и детские⁸¹. Это явление, вероятно, зародилось в XII в. с усилением значения данной категории дружинников.

К институту посадничества относятся летописные упоминания о раздаче князем городов «мужам», о «держании» городов боярами⁸². Посадники выполняли по отношению к городу и прилегавшей к нему волости функции верховного управления, податные и судебные⁸³, т. е. те же, которые осуществляли князья (правившие в наиболее крупных городских центрах); в руках посадников, следовательно, находилось распоряжение доходом, поступающим от корпоративной эксплуатации населения.

Совпадение по времени первых упоминаний о посадниках с ликвидацией самоуправления союзов племенных княжеств показывает, что возникновение института посадничества было связано с этим процессом⁸⁴. Очевидно, посадники сажались в мелкие раннегородские центры на территориях, на которые распространялась централизованная система управления, в то время как в крупные центры назначались князья, представители киевской династии.

Особой категорией должностных лиц выступают в источниках мечники. Мечник упоминают в ст. 1 Русской Правды в числе лиц, защищаемых 40-гривенной вирой. В ст. 33 КП устанавливается 12-гривенный штраф «за муку» мечника. В ст. 41 мечник выступает как судебный чиновник; в его пользу идет часть дохода от судебных пошлин — «продаж» («А от гривне мечнику куна»). В ст. 86 мечник упоминают в качестве одного из судебных исполнителей при испытании железом; в его пользу идет часть судебной пошлины.

Трижды упоминаются мечники в летописных известиях. Под 1146 г. рассказывается о том, что восставшие киевляне, обратив свой гнев на приближенных умершего князя Всеволода Ольговича, «устремилася на Ратьшин двор грабить и на мѣчьники»⁸⁵. Под 1174 г. упоминается мечник князя Андрея Боголюбского Миши, отправленный послом к Ростиславичам⁸⁶. Мечники называются рядом с детскими в качестве княжеских людей — жертв восстания в Боголюбове после убийства Андрея⁸⁷.

Большой интерес представляет находка в Новгороде деревянного цилиндра, датируемого концом X — началом XI в., с надписью: «Мецьницъ мѣхъ въ тихъ мѣтъ (хъ) Полѣтвьчъ»⁸⁸. Как показал В. Л. Янин, цилиндр предназначался для маркировки мешка с долей доходов от «продаж», положенной мечнику⁸⁹.

Таким образом, мечники — особая группа княжеских людей, выполнявших судебные функции и получавших за это часть дохода от судебных пошлин. Появление мечников следует, очевидно, отнести ко второй половине X в. (первые известия о них — надпись на деревянном цилиндре, ст. 1 Русской Правды — датируются концом X — началом XI в.), из чего следует, что в этот период вместе с ликвидацией «автономии» союзов племенных княжеств сложился не только институт посадников — управителей городов с прилегающими к ним территориями, но и особая категория княжеских судебных чиновников.

Лица, осуществлявшие сбор судебных пошлин, именовались также «вириками» и «смцами» (ст. 41, 42 КП и ст. 9, 10 ГП)⁹⁰.

В ст. 19 КП упоминается княжеский «подъездшей». Этот термин трактуется как «сборщик податей». В. Л. Янин высказался за тождество подъездного и мечника. Эта точка зрения представляется убедительной, но вызывает сомнения отнесение

мечника ст. 1 Русской Правды к другой категории — рядовых дружинников⁹¹. Ст. 1 восходит к так называемой Древнейшей Правде или Правде Ярослава (начало XI в.): в это время за убийство мечника могла полагаться 40-гривенная вира. В последующем упоминание мечника в ст. 1 сохранилось, хотя в реальной жизни эту должность исполняли «княжские мужи», охраняемые согласно ст. 1 ПП двойной вирой. В пользу такого предположения говорит тот факт, что ст. 33 КП (относящаяся к так называемой Правде Ярославичей, середина XI в.) устанавливает «за муку» мечника штраф 12 гривен, так же как «за муку» огнищанина и тиуна, жизнь которых охранялась, согласно ст. 19—22 КП, 80-гривенной, двойной вирой. Вероятнее всего поэтому, что и в ст. 1 под мечником имеется в виду княжеский судебный чиновник, а рядовые дружинники обозначены в ней термином «гридин».

Несколько раз встречается в летописях термин «данщик» в смысле «сборщик дани». Трижды он упомянут в повгородском летописании как название лица, возглавляющего отряд, собирающий дань на повгородской периферии, либо всех участников этого мероприятия⁹². В ПВЛ под 1096 г. упоминаются «данники» князей Олега и Ярослава Святославичей, захваченные Мстиславом Владимировичем⁹³. «Данники» здесь — сборщики дани в захваченной Олегом Ростовской земле: выше говорится, что Олег «перевя всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дащи почя брати»⁹⁴. Очевидно, данниками именовались княжеские сборщики поземельной подати с лично свободного населения.

Ст. 37 и 38 ПП упоминают «мытника» — сборщика торговых пошлин. В 1150 г. некий «мытник» спас князя Бориса Юрьевича от плена, «переметав» мост. Из летописного рассказа ясно, что этот мытник нес службу у моста через р. Ирпень у Белгорода, т. е. выполнял функцию таможенника⁹⁵.

Как обозначение мелкого должностного лица иногда употребляется в конце X—XIII вв. термин «бирич» (известный в этом значении и в более позднее время)⁹⁶. Вероятно, эту должность исполняли княжеские люди (исключая повгородских биричей) — в ПВЛ биричи выступают (под 992 г. и в «Поучении» Владимира Мономаха) именно в таком качестве («Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ...»; «На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобъ, весте нарядъ»).

В качестве судебных чиновников выступают в источниках ябетники. Называются они (исключая известия XV—XVI вв.) в ст. 1 КП (в ПП нет), в НПЛ под 1218 г.⁹⁷ и в берестяных грамотах № 235 и 421⁹⁸. В этих последних ябетники выступают в качестве судебных исполнителей, причем в грамоте № 235 — в деле об уплате долга. Учитывая повгородское происхождение ст. 1 Русской Правды, следует признать, что «ябет-

ник» — новгородский термин; функции этой категории лиц сходны с функциями детских, упоминаемых в договорах Смоленска с немцами (судебные исполнители). Детские, упоминаемые в новгородских источниках, всегда сопровождаются определением «княжие»; ябетники же относятся к среде повгородцев.

В Русской Правде упоминаются должности «городника» (ПП. Ст. 96) и «мостника» (КП. Ст. 43; ПП. Ст. 97) — княжеских чиновников, ведающих строительством городов мостов и взимающих за это в свою пользу пошлины.

В ПП дважды упомянут термин «метельник» как обозначение помощника сборщика судебных пошлин (ст. 9, 107). Наиболее вероятно происхождение этого названия от понятия «метить» — метельник метил доли судебных доходов и изготон для них «меты»⁹⁹. В ст. 9 термин «метельник» употреблен альтернативный названию «отрок» — очевидно, первый служил в данном случае наименованием отрока — члена младшей дружины, выполнявшего обязанности помощника вирника — по функциональному признаку.

В летописях дважды упоминается должность «меченоши». Под 1210 г. рассказывается о том, что Всеволод Большое Гнездо «посла с полком Кузму Ратшича, меченошу своего, и взя Тепру, и възвратися со многым полопом в Володимерь»¹⁰⁰. Под 1225 г. говорится о гибели Василя, меченоши князя Ярослава Всеволодовича¹⁰¹. По-видимому, меченошами именовались особо приближенные к князю лица — оруженосцы-телохранители, причем они могли иногда назначаться (благодаря своей близости к князю) на командные должности в войске.

Должность, связанная с развитием княжеского домопального хозяйства — «тиун» — начинает упоминаться с середины XI в. В Правде Ярославичей тиун назван рядом с огнищанином, княжим подъездным и «конюхом старым» в числе высших должностных лиц княжеской вотчины, за убийство которых полагается двойная вира — 80 гривен (ст. 21, 22), и вместе с огнищанином и мечником — в числе лиц, «за муку» которых полагается 12 гривен (ст. 33). В Пространной Правде в ст. 1 «тиун княж» назван как лицо, охраняемое 80-гривенным штрафом, а также как управитель княжеским домоном с определением «огнищанин» и «конюшин» и с указанием того же штрафа (ст. 12). В XII—XIII вв. термин «тиун» начинает все чаще выступать в качестве обозначения княжеского управителя волости или города¹⁰². Таким образом, административно-хозяйственная деятельность княжеских тиунов перерастает в административно-судебную¹⁰³.

Тиуны появляются и у бояр с развитием боярского землевладения: ст. 1 Пространной Правды упоминает боярского тиуна, который, в отличие от княжеского, охраняется обычной ви-

рой — 40 гривен; есть упоминание о боярских тиунах и в летописи¹⁰⁴

Итак, в середине — второй половине X в. с ликвидацией автономии союзов племенных княжеств начинает складываться централизованный и разветвленный аппарат управления. В качестве должностных лиц государственной, а с формированием княжеского домена — и вотчинной администрации выступают представители дружинной знати. К рассмотренным в главе должностям следует добавить огнищан, отроков (в широком смысле), детских — эти термины, служили для обозначения не только социальных групп, но и должностных лиц, выделяемых из их среды — управителей княжеским домом хозяйством в XI в. («огнищане», со второй половины XI столетия этот термин заменяется названием «тиун огнищный»), помощников сборщиков податей («отроки» в XI в.), судебных исполнителей («отроки» в XI в. «детские» во второй половине XI—XIII вв.)¹⁰⁵.

При князьях действует совет (дума), генетически связанный с совещанием князя со своей дружиной. В XI—XII вв. совет представляет собой совещание князя со своими ближайшими приближенными.

Князья назначают из числа дружинников воевод — предводителей различных по численности и назначению военных отрядов, тысяцких — высших должностных лиц в десятичной системе деления общества, восходящей к последнему этапу развития родоплеменного строя. Дружинники являются средой, из которой назначаются лица на должности, появившиеся с развитием системы государственного и вотчинного управления: наместники в городах — посадники; сборщики поземельных податей — данники; судебные чиновники — мечники, вирники, емцы, подъездные; сборщики торговых пошлин — мытники; мелкие должностные лица — бирчи, метельники; управители домнального хозяйства, с XII в. занятые и в государственном управлении тиуны. Участие в системе управления обеспечивает доходы представителей дружинной знати, выполняющих административные функции.

В Новгороде должностные лица выходят из дружинной организации по мере того, как выходит из нее новгородская знать: посадники — с рубежа XI—XII вв., ябетники — возможно, и раньше. Тысяцкие в Новгороде появляются в конце XII в., когда новгородское боярство уже стоит вне дружины. В целом можно констатировать, что для раннефеодального периода на Руси характерно совпадение аппарата управления (во всяком случае, его высшего слоя) с дружинной знатью.

* * *

Упоминания представителей дружинной знати в памятниках права уже рассматривались в главах, посвященных катего-

рям дружинников и их участию в системе управления. Тем не менее представляется полезным осветить в целом положение членов дружины в древнерусском праве.

Наиболее ранние памятники, сохранившие записи древнерусских правовых норм, — договора Руси с Византией 911 и 944 гг. — не содержат упоминаний о дружинниках: согласно нормам, «русин» может быть «имовит» или «цеимовит»¹⁰⁶. Можно полагать, что дружинники входили в число «имовитых», но не исключено, что такое деление отражает тот факт, что в первой половине X в. дружинная знать еще не превратилась окончательно в привилегированный слой.

Напротив, в Русской Правде представители дружинного слоя упомянуты многократно.

В ст. 1 КП, относящейся к так называемой Древнейшей Правде, возникновение которой относят к новгородским событиям 1015—1016 гг., в числе лиц, охраняемых 40-гривенной вирой, названы гридин, ябетник и мечник: «Убьеть мужь мужа, то мстить брату брата... аще не будеть кто мстыа, то 40 гривен за голову, аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь». Принимая мнение о том, что упоминание изгоя в статье появилось позже 1016 г.¹⁰⁷, учитывая политическую ситуацию в Новгороде в начале XI в. и данную выше трактовку терминов «гридин», «ябетник» и «мечник», представляется возможным следующим образом раскрыть содержание данного перечня: русин и словенин обозначают свободных жителей Киевской и Новгородской земель безотносительно к социальному положению; между ними названы группы населения, присутствовавшие в Новгороде в период составления Древнейшей Правды: гриди — княжеские дружинники (а может быть, и новгородская верхушка), купцы, ябетники — новгородские судебные чиновники и мечники — княжеские судебные чиновники. Очевидно, перечислены категории, наиболее подверженные опасности в случае волнений в Новгороде.

Ст. 19—23, относящиеся к так называемой Правде Ярославичей (наиболее вероятное время составления — вторая четверть XI в.)¹⁰⁸, устанавливают 80-гривенные штрафы за убийство княжеских дружинников, занимающих высшие должности управления княжеской вотчиной: огнищанина, тиуна, подъездного, старшего конюха. Ст. 33 говорит о 12-гривенном штрафе «за муку» огнищанина, тиуна и мечника.

В ст. 41 упомянут мечник в качестве сборщика «продаж».

В ст. 42 («Покоя вирный») назван вирник — сборщик княжеских пошлин.

Ст. 1 Пространной Правды повторяет перечень ст. 1 КП лиц, охраняемых 40-гривенной вирой: «русин, гридин, купец, мечник, изгой, словенин». Однако «ябетник» отсутствует — вместо него назван «тивун бояреск»; чисто новгородский тер-

мин исключен и внесен термин, появившийся в связи с развитием боярского вотчинного землевладения. В статье названы и два лица, охраняемые двойпой, 80-гривенпой вирой — «княж муж» и «княж тиун» — т. е. боярин — член старшей дружины и боярин — управитель домениального хозяйства. Таким образом, двойная вира, по Краткой Правде действующая только по отношению к управителям домениального хозяйства, в начале XII в. распространяется на всю служилую верхушку. Об убийстве «княжского мужа» «в разбой» говорится в ст. 3.

Ст. 9 и 10 упоминают вирника.

Ст. 11 и 12 относятся к домениальному уставу. Здесь названы тиуны огнищный и копящий, сменившие огнищанина и старшего конюха Краткой Правды. За их убийство платится вира в 80 гривен. Обычной вирой (40 гривен) защищены отрок — слуга в княжеской вотчине, конюх и повар.

Ст. 9, 74 и 97 упоминают отрока в качестве помощника должностных лиц — вирника и мостника. В ст. 20 отрок — судебный исполнитель. Во всех этих случаях «отрок» — обобщенное наименование младшего дружинника.

В ст. 86 в качестве судебных исполнителей упомянуты детский и мечник.

В ст. 78 подтверждается 12-гривенный штраф «за муку» огнищанина (сохранен архаичный термин).

Ст. 91 «о заднице боярстей и о дружинси» устанавливает право наследования дружинников: «Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идетъ, но оже не будетъ сынов, а дщери возмутъ». Представляется справедливым мнение, что здесь речь идет об отмене архаичного права князя на выморочное имущество дружинника¹⁰⁹. Связано появление этой нормы, несомненно, с распространением вотчинного землевладения у дружинников: земельные владения (равно как и другое имущество) наследовались даже в случае отсутствия сыновей, то есть при прекращении военной службы с вотчины. То, что в статье 91 говорится как о боярской «заднице», так и о наследстве дружинников других категорий, позволяет предполагать, что и эти последние начинали обзаводиться вотчинами уже во второй половине XI — начале XII в. (эпоха, отраженная в Пространшей Правде).

Статьи Русской Правды, упоминающие дружинников, можно разделить на три группы. Первая — статьи, охраняющие жизнь и безопасность представителей служилой знати (ст. 1, 19—23, КП; 1, 3, 11, 12, 178 ПП). Дружинники здесь названы в основном по должностям в системе государственного и вотчинного управления: исключения — «гридин» и «княж муж». Второй из этих терминов обозначает в ПП всех членов старшей дружины (исключая княжеских тиунов). Термин «гридин» в КП употреблен из-за новгородского происхождения ст. 1 Прав-

ды Ярослава; в ст. 1 ПП он сохранен, и, по-видимому, обозначает членов младшей дружины (исключая отроков — княжеских слуг, названных в ст. 11), т. е. ту категорию, которая со второй половины XI в. стала чаще всего обозначаться термином «детские». Во вторую группу входят статьи, регулирующие сбор судебных пошлин и порядок судопроизводства здесь названы мечник, емец, вирник, отрок (младший дружинник), детский (ст. 41, 42 КП; 9, 10, 74, 86, 97 ПП). К третьей группе следует отнести статью о наследственном праве (ст. 91 ПП), где речь идет о боярах и младших дружинниках.

В других статьях обеих редакций Русской Правды дружинники не выделены из остального населения. Однако представляется справедливым мнение, что статьи о штрафах за оскорбление появились в Русской Правде под влиянием взаимоотношений в дружинной среде¹¹⁰.

Таким образом, превращение дружинной знати в господствующий слой раннефеодального общества, в социально-экономической сфере очевидное уже в X в. (корпоративная эксплуатация военно-дружинной знатью лично свободного населения), в сфере права было закреплено в XI — начале XII в. К середине XI столетия устанавливаются повышенные штрафы за убийство и «мuku» высших чиновников княжеской домениальной администрации. В начале XII в. защита двойной вирой за убийство распространяется на всех старших дружинников — «княжих мужей» (бояр). Представители «младшей дружины» повышенной виры в Русской Правде не получили.

Глава V

ВОТЧИНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ДРУЖИНИКОВ. ВОПРОС О «РАЗЛОЖЕНИИ» ДРУЖИНЫ

Вопрос о появлении у дружинников частновотчинного землевладения затрагивался в параграфах данной работы, посвященных категориям дружинной знати. Из рассмотренного материала видно, что XI—XII вв. были временем широкого распространения землевладения служилой верхушки — бояр. Рассмотренные сведения о землевладении членов младшей дружины ограничивались ст. 91 ПП, устанавливающей одинаковый порядок наследования для бояр и младших дружинников, что, вероятно, косвенно указывает на то, что последние также могли владеть вотчинами¹. Есть еще ряд свидетельств в пользу того, что вотчинниками могли становиться не только бояре.

В 1146 г. «розъграбиша кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже и села, и скоты, взяша имения много в домах и в монастырех»². В 1150 г.: «Изяслав же рече дружины свои: «вы есте по мне из Рускы земли вышли, своих сел и своих жизни лишився»³. В этих известиях владельцем сел названа «дружина» вообще, в том числе, возможно, и младшие дружинники. Под 1150 г. говорится о том, что «многое множество» «дружинны» Изяслава Мстиславича «сѣдыхуть по Тетереви»⁴. На существование у младших дружинников вотчинных владений указывает наличие в различных частях Руси XI—XII вв. скормных по своему инвентарю дружинных курганов, не составляющих, в отличие от дружинных курганов IX—X вв. крупных могильников, а расположенных на деревенских кладбищах⁵. Правда, М. Х. Алешковский, исследовавший это явление, не всегда четко отделял дружинные погребения от рядовых⁶. Тем не менее часть этих погребений — несомненно дружинные: к ним можно отнести погребения с находками шейных гривен (5), мечей и сабель (17), боевых топоров типов «А», «Б» и «В», по классификации М. Х. Алешковского (более 10). Поскольку в среде господствующего класса в XI—XII вв. все больше распространялся христианский обряд захоронения, следует думать, что рассредоточение дружинных курганов лишь частично отражает процесс складывания вотчинного землевладения младших дружинников.

Таким образом, можно утверждать, что в XI—XII вв. зарождалось землевладение у членов младшей дружины; скудость известий свидетельствует о том, что распространено оно было в меньшей степени, чем боярское.

Данные письменных источников позволяют предположить три пути складывания вотчинного землевладения дружинников (как старших, так и младших). Один из таких путей — через передачу князьями права на сбор дани с определенных областей представителям дружиной верхушки. Единичные известия о таком явлении относятся к событиям X в. — это передача Свенельду права на сбор дани с земель древлян и уличей⁷. Гораздо чаще такая передача территорий в «кормление» зафиксирована в источниках по отношению к представителям княжеского рода⁸. Необходимо подчеркнуть, что корпоративный характер собственности при этом сохранялся, т. к. полученный доход распределялся среди дружинников управителя области⁹. Однако такой управитель, безусловно, имел возможности завести на подвластной территории вотчинное хозяйство. Что касается князей, то для них такой путь складывания вотчинного землевладения — от управления с правом сбора дани в свою пользу к заведению домашнего хозяйства — представляется доказанным. Наиболее полно он прослежен на материалах Новгородской земли В. Л. Яниным и Смоленской — Л. В. Алексе-

евым¹⁰. Возникали ли у бояр таким путем вотчины, но источникам проследить не удается.

Другой путь возникновения частновотчинного землевладения у дружинников — пожалование из государственных земель (т. е. земель, находившихся в корпоративной собственности военно-дружинной знати). Такое пожалование, возможно, имеется в виду в рассказе «Жития Феодосия Печерского» о появлении у родителей Феодосия «села» под Курском¹¹. Вероятно, преимущественно таким путем возникали боярские «села». Третий возможный путь складывания земельной собственности отдельных представителей господствующего класса — пожалование из княжеской доменальной земли. В летописном источнике есть шесть известий о таких пожалованиях в конце XI—XII вв. духовным корпорациям: 1) передача князем Ярополком Изяславичем в Печерский монастырь псковских волостей (1086 г.)¹²; 2) дар князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Мстиславича Новгородскому Юрьеву монастырю волости Буйце (1130 г.)¹³; 3) дар Всеволода Мстиславича тому же монастырю Терпужского погоста Ляховичи (между 1125 и 1137 гг.)¹⁴; 4) пожалование князем Ростиславом Мстиславичем Смоленской епископии сел и угодий в разных районах Смоленского княжества (1136 г.)¹⁵; 5) вклад дочери князя Ярополка Изяславича в Печерский монастырь пяти сел с челядью (1158 г.)¹⁶; 6) пожалование Андреем Боголюбским церкви святой Богородицы во Владимире «много имения, и свободы куплены, и з даньми, и села лепшая» (1158 г.)¹⁷. Можно предполагать, что доменальные княжеские земли могли быть пожалованы и представителям светской части господствующего класса — дружинникам, особенно их части, связанной с княжеским доменальным хозяйством.

Вопрос о форме частновотчинного землевладения бояр и младших дружинников в Киевской Руси был впервые поставлен в советской историографии и рассматривался, в основном, с точки зрения ее соответствия формам, выявленным на западноевропейском материале: аллоду, феодеу и бенефицию. С. В. Юшков полагал, что первоначально боярство получало землю в полное (аллодиальное) владение, в XI—XII вв. с развитием института вассалитета получили преобладание бенефиции (автор относит к ним доходы с должностей) и феодеи; служба с последних стала наиболее типичной формой поземельных отношений¹⁸. По мнению Б. Д. Грекова, дружинники поначалу пользовались княжеской землей на правах бенефиции, а Пространная Правда закрепила превращение бенефиции в феодею¹⁹. Л. В. Черепнин отметил отсутствие сведений об условных земельных держаниях²⁰.

Представляется, что С. В. Юшков верно подметил феодальный и поземельный характер пожалования доходов с должностей. Действительно, когда источники сообщают о «держании»

боярами городов, о получении дружинниками доходов от исполнения иных функций в системе управления (см. главу IV), перед нами форма раздачи во временное пользование части доходов от корпоративной раннефеодальной эксплуатации лично свободного населения. Однако такое пожалование не может быть приравнено к пожалованию частного земельного владения. К примеру, при исполнении боярином функции городского посадника доход с прилегающей к городу волости находится в его распоряжении. Однако обязанностью посадника было (также как и у князя в аналогичном случае) распределение дохода среди дружинников, находящихся в его подчинении. Таким образом, здесь палицо децентрализация управления, в ходе которой отдельные бояре исполняют «княжескую функцию» — главы корпорации служилой знати на определенной территории. Будучи формой феодальных отношений, доходы с должностей (в более поздний период получившие название «кормлений») не могут быть приравнены к пожалованию вотчин.

Что касается последних, то наиболее раннее известие о наличии у боярина «села» («село» родителей Феодосия Печерского, первая половина XI в.), возможно, говорит о временном пожаловании. Однако, если такие пожалования и были реально, то в течение очень короткого времени, так как уже в нач. XII в. Пространная Правда в ст. 91 утверждает наследственность прав бояр и членов младшей дружины на выморочное имущество. Поскольку в случае отсутствия сыновей наследниками объявлялись дочери, то есть земельные владения переходили по наследству даже при прекращении военной службы с вотчины, постольку в сфере наследственного права вотчины членов дружинной корпорации объявлялись безусловными (аллодиальными) владениями. Ст. 91 фиксировала порядок наследования имущества по закону²¹ в случае отсутствия сыновей; следующая статья (92) говорит (без «сословного» выделения) о свободе распоряжения имуществом при наличии сыновей: «Аже кто умирая разделить дом свои детям, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детям, а на самого часть дати души». «Дети» в данном случае — сыновья²², «дом» — имущество вообще²³, в том числе, следовательно, и вотчина, если речь идет о частном крупном землевладельце. Таким образом, при наличии завещания землевладелец мог разделить вотчину между сыновьями по своему усмотрению; если завещания не было, земля (равно как и другое имущество) делилась между всеми сыновьями. Духовная Климента (не позднее 1270 г.) свидетельствует, что и при отсутствии сыновей бояре обладали правом завещать земельные владения по своему усмотрению²⁴.

Менее ясен вопрос о правах вотчинника по отчуждению земельного владения. Рядичих XI—XII вв., в которых в качестве

участника сделки назван боярин, не сохранилось²⁵. Материалы XIV—XV вв. говорят о том, что права бояр на продажу вотчин могли быть ограничены со стороны родственников землевладельца, но не сюзерена (в случае, если сделка совершалась между боярами одного княжества)²⁶, то есть и в этой сфере права вотчинника были близки к аллодиальным, но не являлись фефными. Можно предполагать, что и в более ранний период светские землевладельцы могли продавать вотчины без санкции князя. Более уверенно можно утверждать о праве вотчинников на дарение своих владений. По данной грамоте новгородского боярина Варлаама Спасо-Хутынского монастырю (конец XI или начало XII в.)²⁷ дарение сел и угодий осуществляется без какой-либо санкции со стороны «Великого Новгорода» (новгородского веча, бывшего органом новгородской боярской корпорации²⁸).

Таким образом, в сфере распоряжения землей вотчины бояр и членов младшей дружины являлись безусловными земельными владениями. Сложнее вопрос о полноте прав вотчинников в судебно-административной сфере. По домонгольскому периоду данные на этот счет отсутствуют, однако сведения XIV—XV вв. говорят о том, что князья сохраняли права суда и сбора податей на территории боярских вотчин²⁹. Предполагать для XI—XIII вв. более широкий иммунитет светских вотчин оснований нет³⁰. Таким образом, индивидуальная земельная собственность не может быть признана полной. Кроме того, известно, что в XIV—XV вв. князья в пределах подвластных им государственных территорий могли отнимать у бояр вотчины «за вину»³¹. Если такое явление было распространено и ранее, то вотчины бояр и младших дружинников не могут быть признаны полностью безусловными земельными владениями.

Таким образом, представляется, что в Киевской Руси земли жаловались дружинникам в наследственное владение с правом неограниченного распоряжения. При этом князь сохранял судебные и податные права на территорию пожалованной вотчины и право лишить владения. В силу этого, а также сохранения в XI—XIII вв. большого значения корпоративной формы эксплуатации населения³², участие в которой зависело от участия в системе государственного управления, возглавляемой князем, дружинники, превращаясь в вотчинников, оставались служилыми людьми князя, становились его вассалами. Древнерусскую вотчину нельзя приравнивать ни к одной из двух западноевропейских форм индивидуальной феодальной земельной собственности — аллоду или феоду, так как она сочетала в себе черты их обеих³³.

Вопрос о возникновении вотчинного землевладения у дружинников связан с вопросом о так называемом «разложении дружины». Появление у члена дружины частного земельного владения является, безусловно, решающим шагом к его выходу

из дружинной организации. Дружинник-вотчинник превращается в обязанного военной службой поземельного вассала князя. Он остается представителем военно-служилой знати, но уже не является представителем дружинной знати, поскольку отсутствует такой признак принадлежности к раннефеодальной дружине, как зависимость получения дохода от близости к князю — главе дружинной корпорации. Однако процесс такого превращения был весьма длительным и сложным. Его сложность хорошо иллюстрируется фразой, вложенной летописцем Изяслава Мстиславича в уста своего князя: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своих сел и своих жизнии лишився»³⁴. Дружинники Изяслава, владевшие селами в «Русской земле» — на Киевщине, лишились своих владений после того, как Юрий Долгорукий выгнал их князя из Киева, и превратились в «безвотчинных» членов дружины. В XII в. близость дружинников, в том числе бояр, к князю сохраняется, как сохраняется и наименование «дружина» для обозначения совокупности бояр и младших дружинников. Вызвано это явление постепенностью развития боярского вотчинного землевладения.

В первой половине XI в. оно, по-видимому, совсем незначительно (о боярской собственности молчит Правда Ярославичей, отражающая общественные отношения этого периода). Со второй половины столетия боярское землевладение распространяется шире, следствием чего являются упоминания боярской собственности в Пространной Правде; в XII в. этот процесс еще более усиливается. Однако по-прежнему большое значение сохраняет государственно-корпоративная форма эксплуатации лично свободного населения, участие в доходах с которой зависит от деятельности в системе государственного управления, и члены старшей дружины поэтому сохраняют близость к князю и могут дорожить ею больше, чем своими селами (как в приведенном случае с Изяславом). Таким образом частично сохраняется признак принадлежности к дружине — извлечение доходов благодаря близости к главе дружинной корпорации. Неверно поэтому проводить резкую грань между дружиной (как отрядом, постоянно находящимся при князе) и вассалами. Дружинники могут быть охарактеризованы как вассалы князя уже с того времени, когда сложилась система раннефеодальной эксплуатации населения через систему даней: поскольку от их службы князю зависит участие в получении доходов от этой эксплуатации, постольку они княжеские вассалы. К. Маркс, касаясь общественных отношений в Киевской Руси, назвал это явление «вассалитетом без фьефов» (*wassalship without fiefs*)³⁵. С появлением у дружинника вотчинной собственности он превращался в вассала-вотчинника, но между «чистым дружинником» и «чистым вотчинником-вассалом» существовал переходный тип — «вотчинник-вассал», извлекающий еще основную часть доходов из участия в системе государственного уп-

равления, возглавляемой князем, и в силу этого в экономическом отношении близкий «чистому дружиннику». Лишь со времени после переноса центра тяжести с доходов от корпоративной эксплуатации на доходы от собственного вотчинного хозяйства можно говорить о полном выходе бояр из дружинной организации. Установить время такого выхода помогает наблюдение за эволюцией термина «дружина».

В конце XI и в XII в. термин «дружина» используется часто. Обозначает он в большинстве случаев совокупность людей, близких к князю, включая бояр (а иногда, когда речь идет о совете князя с дружиной, и только бояр)³⁶; реже — ту же совокупность исключая бояр³⁷, небольшие отряды дружинников («малая дружина») ³⁸ или все войско³⁹. Однако в летописных известиях XIII столетия⁴⁰ термин «дружина» употребляется значительно реже. Так, в Лаврентьевской летописи «дружина» упоминается при рассказе о событиях XII в. 91 раз, а XIII в. — 10, в Ипатьевской — соответственно 200 и 15. В XIV столетии термин «дружина» перестает употребляться в значении «княжеское окружение»⁴¹.

Выход из употребления термина «дружина» сопровождается распространением термина «княжеский двор». Наиболее часто используется он в новгородском летописании, поскольку для новгородского общества двор был внешней силой, появляющейся в городе вместе с князем⁴². «Двор» состоял из лиц, составлявших ближайшее окружение князя и получивших наименование «дворян» или «слуг»⁴³. Термин «дворянин» поначалу, вероятно, не имел определенного значения, указывая на человека, имеющего отношение к господскому двору: в старорусской берестяной грамоте XII в. дворянином назван управитель боярского хозяйства⁴⁴. Со второй половины XII в. дворянами именуются княжеские приближенные, составлявшие административный аппарат княжеской власти, члены княжеского двора. Помимо узкого значения у термина «двор» было, как показал В. Д. Назаров, и более широкое — наименование сословной организации феодалов⁴⁵. В двор в широком смысле входили все княжеские вассалы, в том числе и бояре. В этом смысле термин «двор» замещает термин «дружина», которым ранее именовалась совокупность людей, принадлежащих к господствующему военно-служилому слою. Но собственно «двор» состоял из дворян — лиц, находившихся преимущественно при князе. В XII в. дворяне уже могут владеть селами⁴⁶, однако главный источник их доходов связан с деятельностью княжеского аппарата управления.

«Двор» как ближайшее окружение князя наследовал «младшей дружине» предшествующего периода. Смена термина была вызвана отходом от дружинной организации ее верхнего звена — боярства; это подчеркивает неправомерность отождествления дружины в раннефеодальном обществе лишь с лицами, по-

стоянно находящимися при князе. Дружинной именовалась совокупность лиц, принадлежавших к господствующему классу и тесно связанных с князем; когда у части этой совокупности связь с князем ослабла настолько, что к ним стало семантически неприложимо понятие «дружина», это в глазах современников означало исчезновение всего данного института, и для обозначения группы лиц, наследующей в своих функциях нижней части дружины раннефеодального периода, был введен новый термин.

Таким образом, процесс «разложения» института дружины, начавшийся с возникновением у представителей боярской верхушки вотчинных владений в XI в., получил свое завершение во второй половине XII—XIII в.⁴⁷ Решающим в этом процессе было превращение членов старшей дружины — бояр в вотчинников с последующим переносом центра тяжести с доходов от системы корпоративной эксплуатации на доходы от эксплуатации населения своих частных земельных владений. Превращалась в XI—XII вв. в вотчинников и часть членов младшей дружины. Возможно, «меньшие бояре» церковного устава Ярославла⁴⁸ — потомки именно этой категории дружинников (как показывает исследование Б. Н. Флори, данный термин отражает общественные отношения XIII столетия⁴⁹). С оседанием дружинников в вотчинах они превращались в обязанных службой поземельных вассалов князя. Место дружины занял «княжеский двор» — организация лиц, составляющих ближайшее окружение князя. Термины «дворянин» и «слуга» вытеснили названия младших дружинников — «отрок» и «детский». Отроки и часть детских, по-видимому, вошли в состав двора, а какая-то часть детских (менее зависимой от князя категории в составе младшей дружины) превратилась в вотчинников-бояр. Соотнесение процесса «разложения» дружины с изменениями политического устройства Руси — переходом от раннефеодального государства к феодальной раздробленности — показывает, что «разложение» дружины шло следом за формированием отдельных княжеств: распад единого древнерусского государства на отдельные княжества определился к середине XII в., а исчезновение дружинной организации относится ко второй половине XII—XIII в. Это заставляет думать, что кристаллизация княжеств имела социально-экономической предпосылкой в первую очередь развитие княжеских доменов. С формированием во второй четверти XII в. отдельных княжеств господствующий класс терял свою «общерусскую» корпоративность, но сохранял некоторое время «внутрикняжескую»; эта последняя была утрачена примерно в течение столетия, по мере развития боярской вотчиной собственности, приведшего к исчезновению института дружины.

В XI—XIII вв. эволюция дружинной знати неразрывно связана с развитием феодальных отношений, «Военно-дружинная знать» и «господствующий класс» в этот период — понятия идентичные (за исключением Новгорода, где знать рано обособилась от дружинной организации). О существовании неслужилой знати в XI в. можно говорить лишь по отношению к окраинным территориям с этнически смешанным населением; к ней, вероятно, относятся «старая чадь» и «лучшие жены» восстаний 1024 и 1071 гг. в Суздальской земле⁵⁰. По видимому, остатки неслужилой знати в этот период вливаются в состав служилого слоя. В XI в. появляется, а в последующее время растет вотчинное землевладение представителей старшей и, меньшей степени, — младшей дружины. При этом сохраняется система корпоративной эксплуатации лично свободного населения; по мере переноса центра тяжести с доходов, связанных с участием в ней, на доходы со своих вотчин⁵¹ бояре окончательно выходят из дружинной организации. Дружина распадается на бояр-вотчинников, являющихся поземельными вассалами князя, и княжий двор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение истории древнерусской дружины показывает неразрывную связь эволюции этого института с процессом возникновения и развития феодального общества. Начальный этап развития древнерусской (для этого периода вернее будет сказать — восточнославянской) дружины приходится на VI—VIII вв., на последнюю стадию родоплеменного строя. Появление этого института стало возможным в результате процесса разложения родовой общины, обусловленного ростом производительных сил (выразившимся в первую очередь в распространении пахотных орудий труда с железными рабочими частями), и разрушения старой племенной структуры в условиях передвижения славянских племен, приведшего (в результате смешивания племенных групп) к возникновению двух типов славянских предгосударственных территориальных общностей — племенных княжеств и союзов племенных княжеств. Содержание дружинной знати было возможным благодаря увеличению в результате совершенствования средств производства прибавочного продукта. Формировались контингенты дружинников из представителей родоплеменной знати и незнатных людей, выделявшихся воинской доблестью. Дружина на па-

чальном этапе своего развития проживает обособленно на землях предводителя — князя племенного княжества или союза племенных княжеств. Средствами содержания дружинников были военная добыча и добровольные вначале приношения соплеменников. Военно-служилая знать, сильная своей корпоративной сплоченностью, более подвижная, быстро выдвигается на ведущие позиции в обществе, оттесняя старую родоплеменную знать. Последняя постепенно входит в дружинную организацию — этот процесс завершается на Руси примерно в X в. В IX—X веках (и позднее) включаются в состав дружины и лица из других слоев общества, а также иноэтнические элементы.

В VIII—IX вв. у восточных славян формируется система эксплуатации лично свободного земледельческого населения дружинной знатью через взимание фиксированных данией-налогов, ведущих свое происхождение от способов содержания дружины в доклассовом обществе — данией-контрибуций с покоренных племен и вначале добровольных приношений соплеменников. Корпоративный характер дружинной знати способствовал складыванию именно корпоративной системы эксплуатации, при которой полученный доход распределялся среди членов дружинной корпорации. Ведущая роль в формировании этой системы принадлежала дружинной знати наиболее развитого региона — «Русской земли», которая распространила систему данией в IX в. на территории ряда других союзов племенных княжеств. В X в. данная система эксплуатации предстает уже во вполне сформировавшемся виде. Роль доходов от эксплуатации населения Древнерусского государства становится ведущей для дружинной знати, роль прямой военной добычи падает. Дружина превращается в корпоративного эксплуататора населения. Из дружинников начинает формироваться новый, государственный аппарат власти. С ликвидацией в середине — второй половине X в. «внутренней автономии» союзов племенных княжеств, сопровождавшейся посадением на их бывших территориях представителей киевской княжеской династии, образуется разветвленная система управления. Появляются должности посадников — княжеских управителей городами и мечицков — княжеских судебных чиновников. С оформлением системы корпоративной эксплуатации населения можно говорить о появлении корпоративной собственности военно-дружинной знати на землю, охваченную этой системой.

В X в. отчетливо прослеживается деление дружины на две основные части. Верхушка дружины именовалась на юге Руси — «боярами», на севере — «огнищанами», а ее низший слой на юге — «отроками», на севере — «гридями». В X в. начинает складываться доменальное землевладение глав дружинных корпораций — князей.

В XI в. возникает, а в последующее время растет боярское вотчинное землевладение. Усиление бояр сопровождается по-

явлением у многих из них собственных военных отрядов (боярских отроков). Дифференцируется со второй половины XI столетия и младшая дружина: часть ее превращается в ских военных слуг, обозначаемых старым термином «отроки» (применяемым и для названия членов боярских отрядов), часть — в «детских», более привилегированный слой. Эти последние могут переходить в ряды боярства, становиться частными землевладельцами. Землевладение дружинников могло складываться тремя путями: через княжеское пожалование дружиннику права на «кормление» с определенной территории с последующим превращением этой территории (или ее части) в наследственное владение, через пожалования из земель, находившихся в государственно-корпоративной собственности, через пожалования из княжеской доменальной земли. В силу связи владения вотчиной с пожалованием, оставлением за князем некоторых судебных и податных прав на ее территорию и сохранением большого значения корпоративной формы эксплуатации, участие в которой было связано с участием в системе государственного управления, дружинники, превращаясь в частных землевладельцев, оставались служилыми людьми князя.

В XI—XII вв. усложняется структура государственного аппарата управления, формируемого из дружинников. Помимо известных с X в. должностей посадника, мечника и половец (предводителя военного отряда) появляются сведения о ряде других — тысяцкого, главы возникшей в докласовом обществе военной организации свободного населения, назначаемого из числа «княжих мужей», данника — сборщика поземельных податей, вирника, емца — сборщиков пошлин и судебных чиновников, мытника — сборщика торговых пошлин. Для обозначения должностных лиц, занимавшихся сбором пошлин, употреблялся и термин «отрок» (в значении младший дружинник вообще), для обозначения судебных исполнителей — «отрок» и «детский». С развитием княжеского вотчинного землевладения появляются должностные лица из числа дружинников, осуществляющие управление доменальным хозяйством — «огнищанин» (термин, на севере Руси первоначально обозначавший вообще старшего дружинника), «тиун». Второй термин вскоре вытесняет первый. Тиуны могли быть и у бояр. Княжеские тиуны в XII в. приобретали и функции государственного управления. Дружинники, связанные с княжеским доменальным хозяйством, получали свою долю доходов от эксплуатации населения княжеских вотчин¹.

При князе действовал совет (дума), состоявший, как правило, из небольшого числа представителей верхушки дружины. Этот орган не имел четкой структуры, но деятельность его была достаточно постоянной.

В XI — начале XII в. привилегированное положение пред-

ставителей служилой знати было закреплено в правовом отношении введением повышенных штрафов сначала за убийство и «муку» высших должностных лиц администрации княжеского дома (середина XI в.), затем за убийство всех членов «старшей» дружины (начало XII в.).

С появлением у дружинников вотчинных владений совершается решающий шаг к их выходу из дружинной организации. По вотчинное землевладение складывалось постепенно и первоначально вотчинное хозяйство не служило для землевладельца главным источником дохода — такое значение для служилой знати сохраняла система корпоративной эксплуатации, участие в которой обуславливалось близостью к князю. Таким образом, появление у дружинника вотчины не означало автоматического выхода его из княжеской дружины. Лишь со времени, когда намечилось выдвижение на первый план доходов от эксплуатации зависимого населения вотчины, можно говорить о завершении выхода вотчинников-землевладельцев из дружинной организации. Этот процесс отразился в постепенном исчезновении во второй половине XII—XIII вв. термина «дружина». На место дружины становится княжеский «двор» — организация лиц, находящихся более или менее постоянно при князе и получивших название «дворяне» или «слуги».

Появление новой организации лиц при князе было вызвано коренными изменениями в социально-экономических отношениях: большая часть членов прежней такой организации — дружины — стала частными землевладельцами-вотчинниками, в силу чего их связь с князем ослабла. Если для раннефеодального периода можно поставить знак равенства между дружиной и господствующим классом, то в новой ситуации княжеский двор (в узком значении этого термина) составлял лишь часть разросшегося господствующего класса, в то время как другую (и основную) часть последнего составляли землевладельцы-вотчинники. Относительная узость двора по сравнению с дружиной отразилась, в частности, в появлении унифицированного термина для обозначения его члена — «дворянин», в то время как подобного обозначения для отдельного члена дружины («дружинник») в древнерусском языке не было: члены дружины обозначались различными терминами, что отражало ее неоднородный состав и далеко зашедшую дифференциацию (во времени, когда «дружина» начинает упоминаться в отечественных источниках).

Двор включил в себя часть бывшей «младшей» дружины — отроков и частично детских. Бояре и другая часть детских, ставших вотчинниками, превратились в поземельных вассалов князя: они остались военно-служилой знатью, но перестали быть знатью дружинной.

Особый путь развития отличал знать Новгорода. В силу специфики положения этого города на Руси X в. новгородская

знать, происходившая в основном из словенской дружинной знати и «княжских мужей», осевших в Новгороде в конце IX—X в., и первоначально носившая названия огнищан и гридей, в XI — начале XII в. отделилась от дружинной организации и обрела определенную независимость от княжеской власти (впоследствии усилившуюся). В XI в. повгородская знать была корпоративным собственником земли; с конца XI — начала XII в. у нее появились вотчинные владения. С XII в. повгородская знать стала называть себя южным по происхождению терминном «бояре».

Таким образом, дружина представляла собой организацию военно-служилой знати на последнем этапе родоплеменного строя и в раннефеодальном обществе. Главными отличительными чертами принадлежности к дружинной организации были: 1) ведущая (для каждого данного индивидуума) роль дохода, получаемого корпоративным путем (в родоплеменном обществе — от распределения военной добычи и приношений соплеменников, в раннефеодальном — от системы корпоративной эксплуатации населения); 2) обязанность военной службы предводителю — князю; 3) наличие отношений личной верности, носящих взаимный характер: члены дружины служат князю и сражаются за него, князь обеспечивает их содержание и распределяет в среде дружинников получаемые благодаря их деятельности доходы.

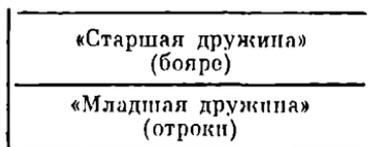
Военно-дружинная знать играла ведущую роль в формировании на Руси господствующего класса феодального общества. Институт дружины не может быть определен как только политическая организация, представители которой могли превращаться в феодалов, или как служилая часть господствующего класса: он представлял собой корпорацию, в которую была организована вся светская часть господствующего класса раннефеодального общества. Включение в ее ряды в раннефеодальный период было возможно только через вхождение в дружинную организацию. Такая черта, как корпоративность, была свойственна для господствующего класса всей феодальной эпохи: принадлежность к господствующему классу обуславливалась принадлежностью к определенной корпорации. В раннефеодальном обществе такой корпорацией являлась дружинная организация. Корпоративный характер военно-дружинной знати, сформировавшейся благодаря достижению славянским обществом определенного уровня социально-экономического развития, оказал решающее влияние на складывание системы феодальной земельной собственности: от корпоративной собственности, реализуемой через систему эксплуатации лично свободного земледельческого населения путем взимания фиксированных дани-налогов, и являвшейся главной отличительной чертой раннефеодального периода, к появлению вотчинных владений через пожалования главой дружинной корпорации зе-

мель ее членам в виде вознаграждения за службу, что создавало иерархическую систему собственности, звенья которой связаны отношениями сюзеренитета-вассалитета, вырастающими из дружинных связей. Иерархическая система собственности свойственна развитому феодализму; переход к ней начался с появлением боярских вотчин в XI в., а завершился с исчезновением института дружины в XIII столетии. Таким образом, переход к развитому феодализму совпадает с процессом «разложения» дружины, института, возникшего на последнем этапе родоплеменного строя и служившего в раннефеодальный период организацией господствующего класса.

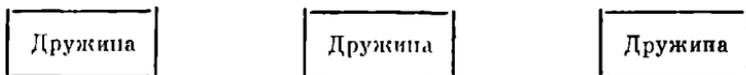
Этапы развития организации дружинной знати на Руси схематично представлены на рисунках 1—3. Для периода IX — середины X в. характерно существование дружин у киевского князя, становившегося главой раннефеодального государства, у князей союзов племенных княжеств, зависимых от Киева, и у князей племенных княжеств, входивших в союзы. В конце X — первой трети XII в. после ликвидации «автономии» союзов племенных княжеств и до наступления феодальной раздробленности (образования самостоятельных феодальных княжеств) древнерусская служилая знать составляла единую корпорацию, возглавляемую великим князем киевским. Дружинники его заместители входили в эту иерархию постольку, поскольку князья-заместители являлись вассалами киевского князя. С началом феодальной раздробленности дружинная знать каждого княжества стала составлять отдельную корпорацию, также иерархического характера: помимо дружин самостоятельных князей, глав крупных княжеств, в нее входили дружины их вассалов — князей более мелких.

Схема 3. Середина XII—XIII в.

Великий князь киевский

Князья союзов племенных княжеств

Князья племенных княжеств

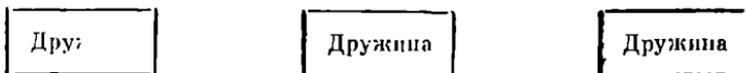

Схема 2. Конец X — первая треть XII в.

Схема 3. Середина XII — XIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение.

Слово «дружина» — праславянского происхождения, образовано при помощи суффикса *ina* от «*drugъ*». См.: ЭССЯ. Вып. 5. М., 1978. С. 134—135.

² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Спб., 1893. Стб. 730—732; Сорокалетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970. С. 56—77; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 280—283; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4 (Г—Д). М., 1977. С. 363; Помимо основного значения, термин «дружина» мог означать «товарищи, слуги», а также «войско вообще» (см.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 1. Стб. 729—731; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. С. 363); Наиболее ранние дошедшие до нас упоминания термина «дружина» — в «Остромировом евангелии», одной из древнейших (1056—1057 гг.) сохранившихся русских рукописей (см.: Срезневский И. И. Материалы... Т. 1. Стб. 729).

³ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 213—221.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. 1. Спб., б. г. С. 217—227; Т. 2. С. 681—685; То же. М., 1988. Кн. 1. С. 216—223; М., 1960. Кн. 2. С. 17—21.

⁵ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 1. М., 1861. С. 50—55, 98—99, 202—206.

⁶ Пассек В. Кляжеская и докляжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. 3.

⁷ Хлебников Н. П. Общество и государство в домонгольский период русской истории. Спб., 1871. С. 215—225.

⁸ Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. Спб., 1874. С. 1—13.

⁹ Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в донетровской Руси. Калень. 1875. С. 5—59.

¹⁰ Яблочков М. История дворянского сословия в России. Спб., 1876. С. 12—28, 38—51, 59—60.

¹¹ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 549—557.

¹² Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // ЖМНП. 1886. Январь.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Вып. 1. Киев, 1886. С. 11—12, 23—28; То же. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 25—31, 45—47.

¹⁴ Грушевский М. С. Очерки по истории Киевской земли. Киев, 1891. С. 289—293, 344—354.

¹⁵ Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Кн. 5. Спб., 1904. С. 331—333.

¹⁶ Малиповский И. А. Древнейшая русская аристократия // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.

¹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1904. С. 193—197, 234—237; Оп же. Соч. Т. 1, М., 1987. С. 175—178, 204—206.

¹⁸ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси 2-е изд. Спб., 1908. С. 76—86.

¹⁹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. Спб., 1909. С. 359—373, 599—603.

²⁰ Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. Б. м. б. г.

²¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 8-е изд. Спб., 1913. С. 95—96.

²² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. Спб., 1907. С. 121—122; Он же. Государевы служилые люди. 2-е изд. Спб., 1909. С. 1—4; Он же. Феодализм в удельной Руси. Спб., 1910. С. 348—353; Он же. Феодализм в России. М., 1988. С. 97—99, 425—430.

²³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Спб., 1909. С. 165—273.

²⁴ Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Харків; Одеса, 1930. С. 29—36, 51—68.

²⁵ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935. С. 73—75; Он же. Киевская Русь. М., 1953. С. 126—129, 338—346.

²⁶ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 31—33, 144—146; Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 243—254.

²⁷ Мавродид В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 158—164, 197—198; Он же. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 80—85, 104—106.

²⁸ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 144—195. 2-е изд. Л., 1966. С. 111—149.

²⁹ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 8—9, 21—22; Он же. Смерды // ИСССР, 1979. № 2. С. 37—49; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 47—48, 52—55, 247—251, 346—342, 570, 574.

³⁰ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14—20; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X—начала XIII вв. // Изв. М., 1972. Т. 89. С. 378—384.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 64—98, 185—188.

³² Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI—начале VII века // ССЛ, 1977. № 3. С. 54, 57—58; Он же. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 44—48, 66—67, 87—88, 130—135, 199—222.

³³ Тимошин А. П. К вопросу о значении внутрикласовых отношений в формирующемся господствующем классе в образовании Древнерусского государства. Л., 1985. (Деп. ИНИОН АН СССР № 22805).

³⁴ Котелко В. Д. Восточнославянская дружина и ее роль в становлении княжеской власти. Харьков, 1986. (Деп. ИНИОН АН СССР № 24809).

³⁵ Ардиховский А. В. Русская дружина по археологическим данным // ИМ, 1939. № 1; Авдусин Д. А. Раскопки в Гнездове КСИИМК. Вып. 38, 1954; Он же. Гнездовская экспедиция // Там же. Вып. 39, 1952; Он же. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. // МИСО. Вып. 1, 1952; Он же. Отчет о раскопках Гнездовских курганов // Там же. Вып. 2, 1957; Он же. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957—1960 гг. // Там же. Вып. 7, 1970; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 14—15, 25—40, 45—54, 145—148; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М., 1949. № 11; Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М., 1958. С. 166—230; Блитель Д. И. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; Шмидт Е. А. Археологические памятники второй половины первого тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // МИСО. Вып. 5. Смоленск, 1963. С. 114—127; Ширинский С. С. Курганы первой половины X в. у пос. Новоселки // Древние славяне и их соседи (МИА. Т. 163). М., 1970; Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; Лебедев Г. С. «Эпоха викингов» в Северной Европе. Л., 1985. С. 239—240, 242—243, 254—257.

³⁶ Алениковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // СА. № 1. 1960.

³⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л., 1968. С. 156—163.

³⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1—2 // САИ. Вып. Е 1—36. Л., 1966; Вып. 3 // САИ. Вып. Е 1—36. Л., 1971.

³⁹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 140—143.

⁴⁰ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 248—

⁴¹ Сорокалетов Ф. Н. Указ. соч. С. 56—57, 99, 112—113, 151—158, 232—237; Львов А. С. Указ. соч. С. 208—222, 226—230, 271, 280—283. Краткий обзор значений термина «дружина» делается также Ф. Н. Филиппом и В. В. Колесовым (Филипп Ф. П. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи (по материалам летописей) // Уч. зап. ЛГПИ. Л., 1949. Т. 80. С. 22—23; Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 60—62).

⁴² Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 81—119, 127—131.

⁴³ Троицкий И. М. Элементы дружинной идеологии в «Повести временных лет» // Проблемы источниковедения. Вып. 2. М.; Л., 1935.

⁴⁴ Магх К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899. P. 76—77.

⁴⁵ Wasilewski T. Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi — Studia wczesnośredniowieczne. IV. Wrocław; Warszawa, 1958. S. 303—352.

⁴⁶ Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

⁴⁷ Łowmiański H. Początki Polski. T. 4. Warszawa, 1970. S. 164—192.

⁴⁸ Makkaï L. Les caracteres originaux de l'histoire économique et sociale de l'Europe orientale pendant le Moyen Age // Acta Historica. T. 16. № 3-4. Budapest, 1970. P. 268—275, 277, 279—280, 285—287.

⁴⁹ Eck A. Le Moyen Age russe. Paris, 1933. P. 185—187.

⁵⁰ Vernadsky G. Feudalism in Russia // Speculum. Cambridge Mass. 1939. V. 14. N 3. P. 309; Idem. Kievan Russia. New Haven, 1951. P. 138—140.

⁵¹ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in Russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 63—65, 169—514, 524—527, 533—534, 537.

⁵² Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1985. S. 94—110, 113—125, 131—146, 160—164, 169—171, 189—209.

⁵³ Caesar B. G., III, 22 (пер. по изд.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 1962. С. 49).

⁵⁴ О дружинах у германцев, западных и южных славян: см.: Loyn H. R. Gesiths and Thegns in Anglo-Saxon England from the seventh to the tenth century // The English Historical Review. L., 1955. V. 70; Schlesinger W. Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // Herrschaft und Staat in Mittelalter. Darmstadt, 1956. S. 135—189; Norden E. Die Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Darmstadt, 1959. S. 124—127; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung des werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1961. S. 346—376; Graus F. Über die sogenannte germanische Treue // Historica. 1. Praha, 1959; Idem. Ranc středoveké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // Československý časopis historický. Praha, 1965. N 1; Vaneček V. Les družiny (gardes) princieres dans les debuts de l'Etat tcheque // Czasopismo praw-

no-hist. 2. Praha, 1949; Lowmianski H. Op. cit. S. 179—192; Васильевский Т. Указ. соч.; Рутткай А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 143—146, 151.

Глава I

¹ Caesar V. G., VI. 23 (пер. по изд.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей... С. 96).

² Согласно другому толкованию, выражение «*principes dignationem*» следует переводить как «благосклонность вождя» (см.: Древние германцы: Сб. док. М., 1937. С. 63. Примечание).

³ Tacitus. Germania, cap. XIII—XV. Пер. по изд.: Тацит Корнелий. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л., 1969. С. 359—360. (Пер. А. С. Бобовича). В ряде случаев предпочтение отдано переводу С. П. Моравского в сборнике документов «Древние германцы» (с. 62—64).

⁴ Тацит не раз упоминает о крепостях (*castellum*), в которых по время войны укрывались германские вожди (Тас. Анн. II, 62; XII, 29). По-видимому, это и были поселения, в которых жил вождь с дружиной.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 94.

⁶ Там же. С. 143. Замечания о роли военно-служилой знати в складывании средневекового феодального общества см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 25, 303; Т. 21. С. 151—152.

⁷ См.: Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.: Л., 1958. С. 42—43; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967; Краснов Ю. А. Древние и средневековые ралы Восточной Европы. М., 1987.

⁸ См.: Довженко В. И. Землеробство Древней Руси. Київ, 1961. С. 29—31, 249—251; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1987. С. 339—340; Об этнической принадлежности носителей черняховской культуры см., напр.: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М. 1979. С. 78—100.

⁹ Довженко В. И. Указ. соч., С. 31—52, 248—251; Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 134—136; Седов В. В. Восточные славяне. С. 236—273, 274; Краснов Ю. А. Указ. соч. С. 106—112, 180—185, 203—207; Чернецов А. В. Классификация и хронология находок древнерусских нахотных орудий // КСИА. М., 1976. № 146; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. С. 345, 348.

¹⁰ См.: Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VI вв. до н. э.). Л., 1951; Она же. Древняя Спарта X—VI вв. до н. э. Л., 1957; Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полена. М., 1983; Глускини Л. М. Фратрии и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 2.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169. (Говоря о заключительной стадии развития первобытнообщинного строя у германцев, Энгельс охарактеризовал ее как «родовой строй... в измененной территориальной форме в виде маркового строя»); История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 558—560; Херрманн Й. Общество у германских и славянских племен и народностей между Рейном и Одером в VI—XI веках // ВИ. 1987. № 9. С. 72—73.

¹² Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 166—167; Седов В. В. Восточные славяне. С. 243—244; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. С. 369—370, 374.

¹³ См.: Колесницкий Н. Ф. Донациональные этнические общности (на материале средневековой Германии) // Расы и народы. Вып. 3. М. 1978. С. 24—37.

¹⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960. 71—72, 136.

¹⁵ «Двухступенчатая» структура славянских раннесредневековых догосударственных общностей особенно четко прослеживается по письменным данным на материалах полабских славян. У славян восточных в письменные источники попало не более двух названий мелких общностей, входивших в союзы (по мнению Б. А. Рыбакова, таковыми являются «пищальцы» и «семичи» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 263—264). По их существованию прослеживается на археологическом материале (Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим данным VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Вып. 25. М., 1956); О «двухступенчатой» структуре славянских общностей см.: Lowthianски И. *Op. cit.* S. 33—46; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 263—264, 275—277.

¹⁶ О происхождении «племенных» названий, приведенных в таблице, см.: Седов В. В. Восточные славяне. С. 101, 106, 113; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 263—264; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 501, 536—537; Т. 2. М., 1967. С. 547; Т. 3. М., 1970. С. 322; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 52—53, 57, 62, 65; Иванов В. В., Тоголов В. Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 40, 42. Lowthianски Н. *Poczatki Polski*. Т. 3. Warszawa, 1967. S. 114, 150, 219; Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957. С. 83; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 140, 189—190, 200, 286, 297; Исаевич Я. Д. Висляне и лецдзале в IX—X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 160—161; Niederle L. *Slovaňské starožitnosti*. D. II. Sv. 2. Praha, 1910. S. 366—367, 417; D. III. Praha, 1919. S. 120—121, 127, 136—137, 140—141, 145—147, 221—222; Саливов А. П. Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 141; Он же. Вильцы — лютичи // ССЛ. 1985. № 2. С. 53; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 131—133.

¹⁷ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. С. 112.

¹⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981. С. 12—13.

¹⁹ См., напр.: Королюк В. Д. Древнепольское государство. С. 82—83; Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 83—87; Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 13—15; Седов В. В. Восточные славяне. С. 269—270.

²⁰ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 253.

²¹ Есть немало сведений о наличии князей в небольших территориальных общностях (а не только в более крупных объединениях) в VII—X вв. У западных и южных славян такие правители выступают в византийских и латиноязычных германских источниках под названиями «архов», «dux» (см.: Извори за българската история. Т. 6. Гръцки извори за българската история. Т. 3. София, 1960, С. 133—134, 143—146, 150, 155, 272, 278, 283; Niederle L. *Slovaňské starožitnosti*. D. 2. Sv. 2. Praha, 1910, S. 371; *Annales Regni Francorum/Quellen zur Karolingischen Reichgeschichte*. 1. Teil. Berlin. 1958. Anno 822; Mag-

nae Moraviae fontes historici. T. 1. Brno, 1966. S. 89, 107, 121, 124; Развитие этнического самосознания... С. 199, 203, 206, 209). У восточных славян за наличие князей внутри союзного объединения говорит упоминание ПВЛ о древлянских князьях во множественном числе рядом с указаниями на одного князя всех древлян — Мала (ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 54—56); арабский автор начала X в. Ибн-Русте в рассказе о «стране славян», относящемся, согласно наиболее убедительной интерпретации, к «племенному союзу» вятичей IX в. (см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 258—284), называет славянского правителя «главой глав» — «Ра'и сар-Руаса» (Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. С. 388), из чего следует, что он возглавлял объединение, составные части которого имели своих правителей. Объединения, включавшие несколько обществ, имевших свои самоназвания, правильнее поэтому называть союзами племенных княжеств.

²² Извори за българската история. Т. 6. Гръцки извори за българската история. Т. 3. С. 143—146, 150, 155 (сведения «Чудес св. Димитрия Солунского»); Fredegari chronicon. IV. 13/Monumenta Germaniae Historiae. Scriptores rerum Merovingarum. T. II. Hannoverae, 1888.

Глава II.

Иванов С. А. Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского: Дисс. канд. ист. наук. М., 1983. С. 124—131, 133—137, 165, 167—168; Он же. Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского: Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1983. С. 16—18.

² P. Gosor. De Bellis. VII. 29, I; 35. 22; 38. I.

³ Иванов С. А. Славяне и Византия... Дис. канд. ист. наук. С. 135—136. На кошный характер набега 549 г. ранее указывал А. И. Клибанов (Клибанов А. И. Военная организация на старите славяни // Исторически преглед. Г. П. София, 1945; 1946. Кн. 2. С. 207).

⁴ См.: Мишулкин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1(11). С. 235, 236, 241—243, 247, 260, 262, 263, 266, 267, 269, 270, 272.

⁵ «...Войско славян, собравшись не больше чем в три тысячи человек, перешло через реку Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем, без большого труда перейдя реку Гевр, разделилось на две части. В одной части было тысяча восемьсот человек, вторая включала всех остальных. Начальники римского войска в Иллирии и Фракии вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части и были разьединены, однако римляне были разбиты благодаря их внезапному нападению, один из них были убиты, другие в беспорядке бежали. После того как начальники римлян были таким образом разбиты обоими отрядами варваров, хотя варвары по численности были намного слабее римлян, один из неприятельских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Это был воин из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так называемых кандидатов: он командовал регулярной конницей, которая издавна имела пребывание во фракийской крепости Тзуруле и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили». (Перевод дан по изд.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 364—366).

⁶ Датировки этого нападения колеблются от первой трети VI в. до 609 г., но большинство исследователей относят его к 80-м гг. VI в. (См.: Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981. С. 55).

⁷ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. Paris, 1979. I. P. 126.

⁸ Наиболее вероятная датировка — середина или 70-е гг. VII в. См.: Бурмов А. Славянские манадеии срещу Солун в «Чудесата на св. Димитре» и тяхната хронология // Университет София. Годишник на философско-историческия ф-т. Кн. 2 (История). София, 1952. С. 202—205; Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 1. Београд, 1955. С. 208; Извори за българската история. Т. 6; Гръцки извори за българската история. Т. 3. С. 128.

⁹ Lemerle L. Op. cit. P. 220. Первое из приведенных известий «Чудес» привлекалось Г. Ловмильским и Т. Василевским (Ловмильский Г. Социальные преобразования в Европе в VI—VII ввекх. М., 1970. С. 8; Василевский Т. Организации городской дружины... С. 106). Оба известия были рассмотрены новейшей исследовательницей памятника О. В. Ивановой и признаны свидетельствами существования у славян настоящих дружинных отрядов на службе у князей (Иванова О. В. К вопросу о существовании у славян «дружины» в конце VI—VII вв. (по данным «Чудес св. Димитрия») // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985). Вызывает только сомнение отделение автором во втором известии категории «гоплитов» от «сильных и выдающихся воинов» (О. В. Иванова только последних считает дружинниками. — Там же. С. 17). Более вероятно, что «сильные» и «выдающиеся» — характеристики группы воинов, определяемой как гоплиты (ὄπλιτης), т. е. тяжелооруженные.

¹⁰ Следует, впрочем, учитывать, что упоминаемая в первой книге «Чудес св. Димитрия Солунского» численность славянского отряда, основанная на примерных подсчетах осажденных горожан, скорее всего завышена.

¹¹ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 19—26.

¹² См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 70—72; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 25—26.

¹³ Существует мнение, что на существование поселений славянских дружин этого времени указывают остатки дружинных погребений на территории военных лагерей у сел Вознесеница на окраине г. Запорожья и Глудосы в Кировоградской области (Смиленко А. Т. Военная дружина в Среднем Поднепровье в VII в. н. э. // Возникновение раннеклассового общества: Тезисы докладов. М., 1973. С. 60—62). Однако, на наш взгляд, правы те археологи, которые относят эти памятники к кочевническому миру (См.: Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 157—158; Седов В. В. Восточные славяне в VI—VIII вв. С. 24).

¹⁴ Сведения Прокопия Кесарийского и книги «Чудес св. Димитрия» о действиях славянских дружин не могут быть объяснены как свидетельство появления дружинного слоя в ходе социального развития славян в области нового поселения — на Балканском полуострове, поскольку относятся эти данные ко времени, когда массовое славянское заселение этого региона еще не началось и вторжения осуществлялись с левого берега Дуная. Лишь известие II книги «Чудес» связано со славянами, уже осевшими на Балканах (в Македонии).

¹⁵ Кирпичников А. П. Указ. соч. Вып. 1. С. 18—22, 74—84; Вып. 2. С. 68—78, 96—97, 100—110; Вып. 3. С. 84—87.

¹⁶ См.: Кирпичников А. П. Указ. соч. Вып. 1. С. 74—84; Вып. 3. С. 43, 84—87.

¹⁷ См.: Блифольд Д. I. Указ. соч. С. 13—42, 62—100.

¹⁸ Каргер М. К. Указ. соч. С. 166—205.

¹⁹ Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ, 1982. С. 38—68.

²⁰ Тимошук Б. А. Общественный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины). Автореф. дис. д-ра истор. наук. М., 1983. С. 27—30.

²¹ Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е 1—57. М., 1961. С. 8—10, 22—27. Табл. 8.

²² О территории «Руси» в узком смысле см.: Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28—46; Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. Т. 17. М., 1953.

²³ Киевская дружина начала X в. подразумевается в сообщении секретаря посольства Хорезма в Волжскую Болгарию 921—922 гг. Ибн-Фадлана о том, что «один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты за него». (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 146). Как указывает А. П. Ковалевский в своем комментарии, употребленный в этом отрывке арабский термин говорит о вольном характере службы «богатырей» «царю русов»; фраза об их смерти в случае смерти царя означает не добровольное самоубийство, а гибель «богатырей» при защите «царя» в бою (Там же. С. 229, 264). Численность дружины «царя русов», названная Ибн-Фадланом, возможно, близка к истинной, о чем свидетельствует сравнение с западнославянским материалом: так, по подсчетам Т. Василевского (основанным на археологических данных), князья Гнезна — главного центра польских полян — в IX в. имели непосредственно при себе не более 200 дружинников (Василевский Т. Указ. соч. С. 109).

²⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 276.

²⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 388.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33.

²⁷ Там же. Стб. 47.

²⁸ Ширинский С. С. Курганы IX — первой половины X вв. Новоселки.

²⁹ Константин Багрянородный передает в греческой транскрипции древнерусский термин — *полюды*.

³⁰ Пактиоты — данники (Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 322).

³¹ Constantine Porphyrogenitus de administrando imperio. Budapest. 1949. P. 62; текст приводится в переводе Г. Г. Литаврина (Развитие этнического самосознания... С. 29273).

³² Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 38—49.

³³ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 60—62.

³⁴ Соп. Porphyg. D. a. i., P. 58.

³⁵ Ibid., P. 168.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83—84.

³⁷ Там же. Стб. 29, 45.

³⁸ Соп. Porphyg. D. a. i. P. 58.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ НПЛ. С. 109, 110.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—55.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55—60.

⁴⁴ Там же. Стб. 75—76.

⁴⁵ Там же. Стб. 23—24.

⁴⁶ Там же. Стб. 121.

⁴⁷ Там же. Стб. 130; НПЛ. С. 168.

⁴⁸ Значительная часть продукта, собранного в полюды, сбывалась в Византии и странах Востока (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 334—342). Из рассказа Константина Багрянородного следует, что сбывтом полюды занимались те же «росы», которые осуществляли его сбор, т. е. киевские дружинники: таким образом, дружинники могли на этом этапе развития податной системы выступать в ка-

честве купцов. Нерасчлененность военной и торговой функций характерна для раннесредневековых обществ. В то же время упоминание в договоре Игоря с Византией термина «купец» в качестве определения социального положения части русских «гостей» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47) свидетельствует о том, что выделение особой группы населения, занимающейся исключительно торговлей, произошло в древнерусском обществе уже к X в. Вероятно, торговую функцию выполняла лишь некоторая часть киевской дружины.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17, 19, 24, 65, 81—82; НПЛ. С. 105, 117, 130. Формирование и развитие системы налогообложения на Руси рассмотрено в работах О. М. Рапова и М. Б. Свердлова (Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период // ВМЭ, 1968. № 1; Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978).

⁵⁰ Маркс и Энгельс подчеркивали, что «собственность есть распоряжение чужой рабочей силой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 31). При имеющем место при феодализме сохранении у непосредственного производителя собственного хозяйства и части средств производства это распоряжение выражается в пассивном отчуждении создаваемого им прибавочного продукта.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60, 84, 130.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54.

⁵³ НПЛ. С. 104.

⁵⁴ О предлагавшихся в историографии определениях этой формы собственности см.: Горский А. А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С. 76—77.

⁵⁵ См. об этом: Гл. IV.

⁵⁶ ИССЯ. Вып. 4. М., 1977. С. 188.

⁵⁷ Филипп Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 218—223.

⁵⁸ Фасмер М. Указ соч. т. 3. М., 1970. С. 321—322.

⁵⁹ Наиболее раннее упоминание полюдья — у Константина Багрянородного (сер. X в.). Наиболее раннее упоминание в древнерусском источнике — в грамоте 1130 г. князя Мстислава Владимировича на вольсть Буйце (ГВШ. М.; Л., 1949. № 81. С. 140).

⁶⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 389; О датировке известия второй половиной IX в. см.: Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. — первой половины X в. (полюдье) // Социально-экономическое развитие России. М. 1986.

⁶¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 278—

⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65, 81—84, 121—122.

НПЛ. С. 109—110.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24; НПЛ. С. 107.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

⁶⁶ Этим сводом был либо т. н. Начальный Свод 90-х гг. XI в., либо первая редакция ПВЛ (мнения на этот счет расходятся, см.: Алешковский М. X. Первая редакция «Повести временных лет» // АЕ за 1967 г. М. 1969; Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный Свод. (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 18.

⁶⁸ Там же. Стб. 18, 24.

⁶⁹ PG. T. 102. Col. 736—737.

⁷⁰ Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. P. 19—20; см. об этом известии: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси IX — первой половины X в. М., 1980. С. 36—40; Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982.

№ 4; Шаскольский И. П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.

⁷¹ Границы земли полян см.: Седов В. В. Восточные славяне. С. 106—113, 171.

⁷² Насонов А. Н. Указ соч. С. 32 вкл.; Зайцев А. К. Черниговская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 64—68.

⁷³ Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 203—206.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42; НПЛ. С. 109.

⁷⁵ О складывании княжеского домена в X в. см.: Свердлов М. Генезис и структура... С. 65—74.

⁷⁶ Б. А. Рыбаков высказал предположение о том, что рассредоточение курганов черниговского некрополя на расстоянии 18 км от Чернигова говорит о появлении у дружинников земельных владений вокруг города (Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 51—52). Однако черниговские дружинные курганы разбросаны не поодиночке и не небольшими группами, что было бы естественно, если бы они отражали проживание дружинников в своих селах, а составляют группы, включающие в себя довольно большое количество захоронений. Вероятнее всего, такие курганные группы отражают факты существования близ них поселений дружинных отрядов. Многочисленность таких поселений (в непосредственной близости от Чернигова известно 5 групп курганов, не считая несколько более отдаленных от города курганных курчун у сел Гуцища и Шестовиц; см.: Там же. С. 15—17. Карта на с. 11) и их близость к Чернигову, видимо, объясняются тем, что дружина черниговского князя в X в. была уже настолько многочисленной и имела столь развитую иерархию, что отдельные ее отряды проживали в разных местах близ города, в котором концентрировалась лишь та часть дружины, которая постоянно находилась при князе. Большие курганы, выделяющиеся в своих группах (такие, как курган «Гульбище»; см.: Там же. С. 16, 30, 433—440. Карта на с. 11), принадлежали, по-видимому, представителям дружинной верхушки, возглавлявшим отдельные проживающие отряды черниговской дружины. Лишь два кургана из черниговского некрополя расположены обособленно: курган Черная могила и так называемый «курган княжны Черны». Но эти курганы, согласно убедительно обоснованному мнению Б. А. Рыбакова, являются княжескими и сооружены у самых городских стен (Там же. С. 16, 24—34, 52).

⁷⁷ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 66—67.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 36, 49—50; См.: Свердлов М. Б. Чели и холмы в Древней Руси // ВИ. 1982. № 9. С. 46—48.

⁷⁹ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь русские С. 338—342.

⁸⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М. 1956. С. 158—160; Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 37—39.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55—57, 59.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁸³ Там же. Стб. 121.

⁸⁴ Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стабильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2. С. 67.

⁸⁵ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938. С. 256—284; 370; ПВЛ. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 164—170, 173—176; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XVI вв. Л. 1976. Гл. II, III.

⁸⁶ См.: ПСРЛ. Т. 7. Слб., 1856. С. 283—284; ПСРЛ. 5. 2-е изд. Л. 1925. С. 31—33; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 351—352.

⁸⁷ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 216—221; 258—260, 263, 283; ПВЛ. Ч. 2. С. 167—168.

⁸⁸ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. XIV—XVI вв. С. 220—221.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. С. 32.

⁹⁰ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 208—215; ПВЛ. Ч. 2. С. 167.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. С. 32.

⁹² ПСРЛ. Т. 25. С. 351.

⁹³ О «пасти» в смысле «управлять» см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Спб., 1895. Стб. 885; Т. 3. Спб., 1903. Стб. 78.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56; Ср. Т. 2. М., 1962. Стб. 44; в НИИ младшего звена стоит близко по смыслу слово «расплодили» (НИИ. С. 111).

⁹⁵ Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор. С. 201; Абрамович Г. В. Указ. соч. С. 70.

⁹⁶ Седов В. В. Восточные славяне. С. 248—256. Распространение с IX в. богатых погребений дружинников с оружием следует связывать именно с выдвиганием дружинной знати на ведущие позиции в обществе и осознанием ею этого своего положения. Датировать по времени появления «дружинных курганов» факт возникновения у славян дружины (как это делал И. И. Ляпушкин: Указ. соч. С. 163) неправомерно, поскольку письменные данные позволяют отнести его к более раннему времени. На то, что выделение захоронений дружинной знати из числа рядовых сильно запаздывало по отношению к возникновению дружинного слоя, указывают и южнославянские археологические материалы — дружинные погребения в Хорватии, появившиеся на рубеже VIII—IX вв. (см.: Vinski Z. Zu den Waffenfunden in Bereich des Alt-kroatischen Staates bis zum Jahre 1000 // I Miedzynarodowy Kongress archeologii slowianskiej. 1965. Warszawa, 1970. Т. III. S. 147—152; Belosevic J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980. S. 98—109, 137—138), в то время как дружинный слой у балканских славян фиксируется уже в VII столетии.

Глава III

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.

² Там же. Стб. 218.

³ «Рѣша ему (Святополку.— А. Г.) мужи смыслѣнѣи: «не кушанся противу имъ, яко мало имаша вои». Он же рече имъ: «Имѣю отрокъ своихъ 800, иже могутъ противу имъ стати» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 209 и сл.; ср. Т. 1. Стб. 218—219).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 298; ср. Т. 1. М., 1962. Стб. 304.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 355.

Там же. Т. 1. Стб. 380.

⁸ Там же. Стб. 364; ср.: Т. 2. Стб. 565.

⁹ ППЛ. Т. 40, 230.

¹⁰ Ср.: Срезневский И. И. Материалы. Т. 2. Спб., 1895. Стб. 905.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 266.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 414.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

¹⁴ См. об этом ниже, в соответствующих параграфах гл. III.

¹⁵ Седов В. В. Восточные славяне. С. 248—255; Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сборник. Вып. 20. Галлиц, 1975; Каргер М. К. Указ. соч. С. 201; Бліфельд Д. I. Указ. соч. С. 92—95.

¹⁶ См.: Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 2. М., 1965. С. 181—182.

¹⁷ См.: Там же; Фасмер М. Указ. соч. Т. 1. М., 1964. С. 203—204; Львов А. С. Указ. соч. С. 215—217.

¹⁸ Недавно С. В. Завадская высказала мнение, что термин «боярин» на Руси до начала XII в. не был связан с обозначением представителей конкретных общественных групп (Завадская С. В. «Боярины» — «боярины» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. М., 1986. С. 89—94). При этом автор не дает объяснения факту употребления этого термина в договорах Руси с Византией. С. П. Обиорский, исследовавший язык договоров 911 и 944 гг., пришел к выводу, что они представляют собой разные переводы с греческого (первый — болгарский, второй — русский), сделанные ранее XI в. (См.: Обиорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 99—120). Опровергнуть этот вывод можно только в результате собственного лингвистического анализа. Не соответствует истине также утверждение С. В. Завадской, что в Ипатьевской летописи слово «боярин» отсутствует с 1015 до 1093 гг., а в Новгородской первой летописи младшего извода с 1015 по 1118 г. В действительности в Ипатьевском списке встречается за указанный период 6 упомянутый термин (под 1018 г. — дважды, под 1030, 1051, 1072 и 1086 гг.; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 131, 137, 148, 172, 198), и в Комиссионном списке Новгородской первой — 1 раз (под 1072 г.; ШЛ. С. 197).

¹⁹ См.: Загоскин П. Указ. соч. С. 16, 47; Яблочков М. Указ. соч. С. 12—14; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. 7-е изд. С. 26—28, 47; Павлов-Сильванский П. П. Государевы служилые люди. С. 1—2.

²⁰ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 247.

²¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 126—128; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма. С. 142—144; Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 84; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 574; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 41—44.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33.

²³ Там же. Стб. 47—48, 53.

²⁴ Там же. Стб. 72—73.

²⁵ Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. С. 98; Сахаров А. П. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 198.

²⁶ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21—22, 30, 32, 36—37, 44—45, 48—49, 154.

²⁷ Там же. Стб. 32, 53—54.

²⁸ Там же. Стб. 82, 107, 108, 117, 124.

²⁹ Там же. Стб. 67, 106, 108, 125.

³⁰ Там же. Стб. 126.

³¹ Ср. мнение Х. Ловмянского: Ловмянский Х. О происхождении русского боярства. С. 98. Исключение — именование в ПВЛ Аскольда и Дира боирами Рюрика (Там же. С. 18—19). Однако это наименование — вставка редактора ПВЛ (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908. С. 320—323); оно не читается в ШЛ, отразившей свод более ранний, чем дошедшая до нас редакция ПВЛ (ШЛ. С. 106—107).

³² В силу этого обстоятельства летописцы именовали боирами и высшую знать других государств — Византии, Польши, Венгрии. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 44—45, 70—71, 150, 271).

³³ Там же. Стб. 132.

³⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 42.

³⁵ Там же. С. 68.

³⁶ Ср.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 1. М., 1988. С. 220; Wasilewski T. Op. cit. S. 318; К дружинне относит вышгородских «боярьцев» и К. Р. Шмидт (Schmidt K. R. Op. cit. S. 470).

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

³⁸ Там же. С. 144.

³⁹ См.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма. С. 143; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 127.

⁴⁰ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 230.

⁴¹ Намуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. С. 85—87.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

⁴³ Носов Е. Н. Повгород и повгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский сборник. Вып. 2(12). Л. 1984. С. 35—38.

⁴⁴ Constantine Porphyrogenitus de adm. imp. P. 58.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 121.

⁴⁶ ИПЛ. С. 128, 164, 164; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143; об этой династии см.: Михачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 402—409; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 194—195.

⁴⁷ ИПЛ. С. 32, 42, 210, 234. Еще в одном случае эта формула прилагается к населению повгородского «пригорода» — Старой Руссы (ИПЛ. С. 73, 283).

⁴⁸ ПРН. Вып. 1. М., 1952. С. 207, 213—214; Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 100; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 107. Вызывает возражение мнение А. П. Насонова (поддержанное в отношении огнищан «Устава о мстех» В. Д. Назаровым), согласно которому огнищане и гридьба — особые группы повгородского населения, связанные с князем (Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 43—44; Назаров В. Д. О феодальной земле-владении в Новгородской республике (к выходу книги В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование)» // ИСССР 1984. № 2. С. 119). Из контекста летописного известия о новгородских огнищанах и гридьбе 1166 г. (заключение соглашения князя с повгородской знатью) следует, что формулой «огнищане, гридьба, купцы» исчерпывается состав новгородской верхушки. Следуя за А. П. Насоновым, и купцов следовало бы отнести к княжеским людям, что труднообъяснимо.

⁴⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 234; Павлов-Сильванский П. П. Феодализм в России. С. 506—516.

⁵⁰ Нумерация статей Русской Правды здесь и далее по академическому изданию: Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. В связи с таким употреблением термина «огнищанин» в КП представляется неверным этимологизировать его как «владельца огнища» (см.: Правда Русская. Т. 2. Комментарий. М.; Л., 1947. С. 139, 143—144; Львов А. С. Указ. соч. С. 210—211) — в этом случае термин «огнищанин» не мог бы сохраниться в судебнике в значении управляющего имением княжеским «огнищем». Еще более показательна замена огнищанина в ПП термином «типу огнищный» (ст. 12) — в буквальном смысле «управляющий огнищем» (княжеским). По-видимому, этимология слова «огнищанин» была хорошо известна древнерусским юристам XI — начала XII вв.

⁵¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 1. С. 458; Сорокалетов Ф. П. Указ. соч. С. 65; Львов А. С. Указ. соч. С. 282.

⁵² ИПЛ. С. 21, 24, 205, 210. В рассказе о событиях 1018 г. термин «боярин» употреблен по отношению к повгородской верхушке в ПВД; в ПП¹ его нет.

⁵³ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

⁵⁴ ИПЛ. С. 174; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. С. 132. О тысячной организации см. в главе IV.

⁵⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 272—282.

⁵⁶ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. // ВИД. Вып. 11. Л., 1979. С. 225—226, 228—229.

⁵⁷ О времени появления вотчин у новгородского боярства
Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 200—282.

⁵⁸ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 62—72.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298 («бояре киевские», выше названные «лучшей дружиной» князей Владимировичей), 607

⁶⁰ Там же. Стб. 789.

⁶¹ НПЛ. С. 84, 313.

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717—718, 723, 726—728, 747—748, 759, 761—762, 765, 774.

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378, 380, 382.

⁶⁴ Мнение о наличии такого процесса на Руси в XI—XII вв. отстаивает М. Б. Свердлов (Свердлов М. Б. Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // ВП. 1985 № 11. С. 90).

⁶⁵ Очерки по истории русской деревни X—XII вв. М., 1956. С. 12; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII—XV вв. // МИА. № 92. М., 1960. С. 51—126; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 72—96; Тимощук Б. О. Давыдорусь-ка Буковина. С. 100—119; Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 23, 30—31, 48—51, 94—96, 117, 412—416; Ваганова А. П. Древнерусский феодальный замок XI—XIII вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Вильнюс, 1985.

⁶⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. Спб., 1911 С. 15—20.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 382.

⁶⁸ Там же. Стб. 383.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328, 409.

⁷⁰ Там же. Т. 9. М., 1965. С. 234, 364; Т. 10. М., 1965. С. 65, 69.

⁷¹ Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси XII—XIII вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 199—201.

⁷² НПЛ. С. 451, 70; ГВНП. М.; Л., 1949. С. 161—162 (№ 104).

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218—219.

⁷⁴ См.: Соловьев С. М. Указ соч. Кн. 1. М., 1988. С. 396—397, 481—483, 508—510, 608—609; Свердлов М. Б. Генеалогия. С. 227—231.

⁷⁵ Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении С. 195—196; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 197—199.

⁷⁶ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 112—113.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175—176.

⁷⁸ Там же. Стб. 227.

⁷⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. 399. Слово «чадь» (первоначальное значение — «люди») иногда использовалось для обозначения дружинных отрядов (см.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 3. Стб. 1469—1470)

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504, 642, 764; НПЛ. С. 239.

⁸² См. ниже параграф «отроки и детские».

⁸³ Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 189—190.

⁸⁴ Там же. С. 189; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

⁸⁵ Тас. Germ. Cap. XIV.

⁸⁶ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 1. М., 1988. С. 369—370, 409—410, 497—499, 525—527, 628—630.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 324—326, 344—345.

⁸⁸ Там же. Стб. 330, 359, 389, 479.

⁸⁹ Там же. Стб. 541.

⁹⁰ Там же. Т. 9. С. 237—238

⁹¹ Там же. Т. 1. Стб. 364—365, 384.

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9, 31, 49, 107—109, 121—123, 143, 176; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 635, 650; КН. Ст. 1, 10, 17, 30, 34; ПН. Ст. 1, 29, 31, 37, 65, 88

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249; НПЛ. С. 209, 212, 233, 255, 239, 259, 284, 293, 294.

⁹¹ ПСРЛ Т 2 Стб 643

⁹⁵ ПСРЛ Т 1 Стб 20, 23, 32, 54, 59, 79, 143, 262—263, 265, 268, 272—274, 275; ИПЛ 1 104, 249, 254, 268, 281; ПСРЛ Т 1 Стб 489, Т 2 Стб 310, 409, 487, 607, 635, 636, 662, 666, 670

⁹⁶ ПСРЛ 1 1 Стб 66, 149, 229—230; ПСРЛ Т 2 Стб 298, 357—358, 535—536, 604; ИП Ст 2

⁹ ПСРЛ 1 1 Стб 72 («лепшие» 971 г.), 124 («великий муж», 992 г.), 341 («лучшие», 1153 г.), Т 2 Стб 614 («лепшие», 1180 г.), ИПЛ С 229 («лучшие» 1186 г.)

⁹⁸ ПСРЛ Т 1 Стб 140 («парочитые», 1015 г.), 415 («лепшие», 1144 г.) ИПЛ С 207 («добрые», 1131 г.), 208 («добрые», 1134 г., «лучшие» 1135 г.), 209 («добрые», 1137 г.), 232 («передние», «вятиные», 1193 г.) 238 («вятиные», 1199 г.), 248 («вятиные», 1209 г.), 263 («старенные», 1222 г.), 271 («вятиные» 1228 г., зять Пскова — новгородского «пророда»)»

⁹⁹ ПСРЛ Т 1 Стб 55—57 («лучшие» «парочитые», 945 г.), 121 («лучшие» 988 г.), 126 («парочитые» 996 г.)

¹⁰⁰ Платонов С Ф Указ соч С 95—96, Преспяков А Е Указ соч С 244—254, Юшков С В Очерки по истории феодализма в Киевской Руси С 32

¹⁰¹ Ср Wasilewski Т Op cit S 304

¹⁰² ИПЛ С 32, 42, 73, 219, 234, 283; ИРН Вып 1 С 207

¹⁰³ ПСРЛ Т 1 Стб 126

¹⁰⁴ Там же Стб 130; ИПЛ С 168

¹⁰⁵ ПСРЛ Т 1 Стб 380

¹⁰⁶ Кроме того, «гридьба» (в значении «военный отряд») упомянута в надписи граффито № 203 Новгородского Софийского собора (датирует ся концом XII — первой половиной XIII в.), представляющей часть послоницы или считалки («Пирог в нечи гридьба в корабли пере неца парит в дубраве, поставила каму поставила пироги, туда вди») (Медведева А А Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв М, 1978 С 148—149)

¹⁰ Широко распространяется название «гридница», первоначально обозначавшее «нокой для собрания» дружины (см Срезневский И И Указ соч Т 1 Стб 592, Сорокалетов Ф П Указ соч С 64, 65) Тюрин «гридь» употреблен также три раза в древнерусском переводе Хроник Георгия Амартола (Истрия В М Книги временныи и обратныи Георгия мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе Г 2 Изд, 1920 С 520, 543, 554, Т 2 Изд, 1922 С 27, 40, 49, 299, Т 3 Изд, 1930 С 83) как перевод греческого «εταίραρχη» («товарищи») в греческом тексте употребляемого для обозначения воинов свиты монарха В этом же памятнике слово «εταίραρχη» переведено как «старенниши гридем» (Там же Т 1 С 505, Т 2 С 5)

¹⁰⁸ См Черепнин Л В Общественно политические отношения в Древней Руси и Русская правда С 131—139, Рыбаков Б А Киевская Русь С 406—410

¹⁰⁹ Соловьев С М Указ соч Кн 2 М, 1960 С 19, Порай Кошиц И А Указ соч С 4—5

¹¹⁰ Погодин М П Указ соч Т 3 С 219, Свердлов М Б Генезис и структура С 48

¹¹¹ Линец Р С Указ соч С 115—119

¹¹² ПСРЛ Т 1 Стб 130, 143; ИПЛ С 168, 175

¹¹³ Сергеевич В И Русские юридические древности Т 1 Спб, 1890 С 352—353

¹¹⁴ Преспяков А Е Указ соч С 242—243

¹¹⁵ Дьяконов М А Указ соч С 68—69, Загоскин Н Указ соч С 53—54; Яблочков М Указ соч С 41

¹¹⁶ Пивов А С Указ соч С 226—230

¹¹⁷ Фроянов И Я Киевская Русь Очерки социально политический истории С 90—93

¹¹⁸ Свердлов М. Б. Гепелис и структура... С. 202—207.

¹¹⁹ Wasilewski T. Op. cit. S. 331.

¹²⁰ Halbach U. Op. cit. S. 105—109.

¹²¹ Не рассматриваются известия, в которых термин «отрок» употребляется в возрастном смысле — «подросток». Слово «отрок» — бесспорно праславянского происхождения; этимология его не вполне ясна, но очевидно, что первоначально термин имел возрастное значение (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М. 1971. С. 172—173; Львов А. С. Указ. соч. С. 228).

¹²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54 (под 945 г., «отроки» Свенельда), 71 («отроки» Ольги), 132 («отроки» Бориса), 136 («отроки» Глеба), 175—176 («отроки», подчиненные Янко Вышатичу, посланному собирать дань в Ростовской земле князем Святославом Ярославичем, летописная статья 1071 г.); 206 («отроки» Ярополка Изяславича); Т. 2. Стб. 209 (800 отроков Святополка Изяславича).

¹²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 71, 76, 145; НПЛ. С. 15, 175; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. С. 18—24 (граффито 1093 г.); Медынцева А. А. Указ. соч. С. 108 (граффито датируется 1069—1070 гг. или 1137 г.).

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 134 (под 1015 г., «отрок» — слуга князя Бориса Владимировича «угриш» Георгий), 228, 246, 251 (упоминания отроков в «Поучении» Владимира Мономаха в качестве должностных лиц в княжеском доменальном хозяйстве), 263—265; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 373, 763, 832; ПП. Ст. 11.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127 (под 1095 г., «отроки» Ратибора), 234; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи. С. 71—72 (граффито XI в.); Ожиге. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффито XI—XVII вв.). Киев, 1976. С. 25 (граффито XI в.); ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298; Т. 2. Стб. 501, 642, 764; НПЛ. С. 239; ГВНП, № 104 (грамота конца XII или начала XIII в.); Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 148—149 (грамота первой половины XII в.).

¹²⁶ ПП. Ст. 9, 20, 74, 97, 114; Арциховский А. В., Янин В. Л. Указ. соч. С. 104—105, 148 (грамоты XII в.).

¹²⁷ Наиболее вероятным представляется, что этот памятник был составлен в период княжеского княжения Владимир(а) Мономаха (см.: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // ИВ. Т. 76. М., 1965. С. 261—275; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 165—167).

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 158 (под 1097 г., самое раннее упоминание термина); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 390 (под 1149 г., упоминаются «мелкие детские» князя Андрея Юрьевича), 464; НПЛ. С. 284 (упомянут детский новгородского князя Ярослава Всеволодовича Федор Ум).

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341—342, (под 1147 г.), 495.

¹³⁰ Там же. Стб. 536—537 (события 1167 г.: описывается попытка князя Владимира Мстиславича, которому его бояре отказали в поддержке, возвести в боярское достоинство детских).

¹³¹ Там же. Т. 1. Стб. 370 (детские упоминаются под 1174 г. в ряду с княжескими посадниками, тудами и мечниками; из этого известия видно, что детские могли иметь собственные дома; восставшие «домы их пограбниша»).

¹³² См.: ПП. 86, 108; ПРП. Вып. ... М., 1953. С. 62—63, 65, 74 (договоры Смоленска с Ригой и Готским берегом, XII в.); Арциховский А. В., Янин В. Л. Указ. соч. С. 149) (берестяная грамота первой половины XII в.); Янин В. Л. Поправки и замечания к чтением берестяных грамот // Янин В. Л., Залпаляк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 238—239 (грамота рубежа XII—XIII вв., упомянут «княжеский детский»).

¹³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 598; ср. Т. 1. Стб. 374 (1176 г.).

¹³⁴ Подробнее об этом см. параграф «Об иноэтнических элементах в составе древнерусской дружины».

¹³⁵ ГВШП, № 104 («отрок» здесь — собственность Варлаама, передаваемая Снас-Хутыльскому монастырю).

¹³⁶ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 206.

¹³⁷ Там же С. 207.

¹³⁸ ИИЛ. С. 239, 284.

¹³⁹ Львов А. С. Указ. соч. С. 229—230.

¹⁴⁰ Тот факт, что в большинстве летописей при упоминании о предупреждении Василька Ростиславича об опасности назвал отрок, а в Лаврентьевской — детский (1097 г. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 258; Т. 2. Стб. 233), не может свидетельствовать в пользу северного происхождения второго термина. В данном случае возможна подстановка детского на место отрока при переработке текста, но А. С. Львов не учитывает, что термин «детский» не раз используется в южнорусском летописании (Там же. Стб. 344—342, 464, 536—537, 598). Если верно, что в ПВЛ под 1097 г. первоначально упоминался отрок, то наиболее раннее упоминание детского в летописи относится к 1147 г. Однако употребление этого термина в Пространной Правде и берестяной грамоте первой половины XII в. все равно позволяет датировать его появление второй половиной XI в.

¹⁴¹ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М. 1952.

¹⁴² Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 93—95.

¹⁴³ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 213—214.

¹⁴⁴ Halbach U. Op. cit. S. 491—498.

¹⁴⁵ ИИЛ. С. 24, 209.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 614—615.

¹⁴⁷ ИИЛ. С. 34, 223.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 590.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 589.

ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 250—254; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955. С. 230.

¹⁵² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 94.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 380.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 254; Т. 2. Стб. 591, 737; ИИЛ. С. 69.

¹⁵⁵ Показательно также, что среди множества древнерусских терминов, обозначающих дружинников, лишь один — «гридь» — имеет скандинавское происхождение, и тот был распространен только на севере Руси.

¹⁵⁶ Седов В. В. Восточные славяне. С. 26. Распространение предметов иноземного происхождения в среде дружинной знати вообще естественно в силу ее мобильности и связи с торговой деятельностью.

¹⁵⁷ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России (IX—XX вв.). Л., 1970. С. 243—246. К началу 80-х гг. соотношение практически не переменилось (см.: Седов В. В. Восточные славяне. С. 252).

¹⁵⁸ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Указ. соч. С. 239—243, 246, 248—251.

¹⁵⁹ Там же. С. 247. Авторы считают скандинавскими из захоронений взрослых дружинников № 105, 108, 111, 112, 114 по классификации М. К. Каргера, который описал всего 17 богатых погребений взрослых дружинников (№ 103—109, 111—114, 116—121; см.: Каргер М. К. Указ. соч. С. 166—198), по три из них (№ 103, 104, 119) не поддаются этническому определению из-за недостаточности данных. Кроме того, рядовые погребения с оружием (таковы в киевском некрополе № 8, 86, 93) расценены М. К. Каргером как захоронения рядовых дружинников,

членов «младшей дружины» (Там же. С. 141—142, 153—155, 160—161, 201). В них нет скандинавских черт.

¹⁶⁰ Бліфельд Д. І. Указ. соч. С. 101.

¹⁶¹ Русанова И. П. Курганы полян. X—XII вв. // САН. Вып. Е 1—24. М., 1966.

¹⁶² Седов В. В. Восточные славяне. С. 108—110, 112—113.

¹⁶³ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С.

¹⁶⁴ Бліфельд Д. І. Указ. соч. С. 92—100.

¹⁶⁵ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 243.

¹⁶⁶ Бліфельд Д. І. Указ. соч. С. 103—110.

¹⁶⁷ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 243.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29, 45, 54.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 76—79.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 130, 140—141, 143.

¹⁷¹ Там же. Стб. 148.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 5. Л., 1925. С. 128—129; Труды В. Г. Васильевского. Т. 1. Спб., 1908. С. 308.

¹⁷³ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 227—258, 268—269.

¹⁷⁴ См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 342, 387—390.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79.

¹⁷⁸ См.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX XIV вв. М., 1978. С. 90—104.

¹⁷⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 3—5.

¹⁷⁸ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 221—222.

¹⁷⁹ Там же. С. 223—224.

¹⁸⁰ Имя Лют этимологизируется Г. К. Валеевым как славянское, по следует иметь в виду, что оно принадлежало сыну варяга Свенельда (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74).

¹⁸¹ Валеев Г. К. Антропонимия «Повести временных лет»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. С. 244, 259—260, 263—265, 267, 270, 272, 275—276, 278.

¹⁸² Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника. С. 134—145.

¹⁸³ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Указ. С. 246.

¹⁸⁴ Шаскольский И. П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 52.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135—136; Валеев Г. К. Указ. соч. С. 278.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

¹⁸⁷ Там же. Стб. 228; Валеев Г. К. Указ. соч. С. 277.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 262—265; Валеев Г. К. Указ. соч. С. 279—280.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 265—266; Валеев Г. К. Указ. соч. С. 279.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274; Валеев Г. К. Указ. соч. С. 280.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 501.

¹⁹² Там же. Стб. 614.

¹⁹³ Черные Клобуки — тюрки, селившиеся на южной границе Руси на положении федератов, сохраняли «внутреннюю автономию», и поэтому их знать не входила непосредственно в древнерусский дружинный слой.

Глава IV

¹ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. М., 1960. С. 19; Порай-Кошиц И. А. Указ. соч. С. 8—13; Яблочков М. Указ. соч. С. 20—26, 41—49; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 165—174; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 151—155, 223—225; Wasilewski T. Op. cit. S. 316, 328—332; Свердлов М. Б. Генезис и

- структура... С. 219—222; Halbach U. Op. cit. S. 5, 113—125, 131—140, 162—164.
- ² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55.
- ³ См.: Сорокалетов Ф. П. Указ. соч. С. 232—237.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66, 83, 272, 364, 400; Т. 2. Стб. 320, 621—622, 625, 659, 884, 890, 933.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 73, 76, 143, 154, 323, 363, 365; Т. 2. Стб. 389, 560, 562, 573, 662.
- ⁶ Фасмер М. Указ. соч. Т. 1. С. 332; *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Вып. 3. М., 1968. С. 127.
- ⁷ Сорокалетов Ф. П. Указ. соч. С. 232—233.
- ⁸ Halbach U. Op. cit. S. 138—146.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55, 73, 76, 83, 143, 154, 208, 272, 359, 363, 364, 400, 444, 450, 460; Т. 2. Стб. 320, 560, 573, 622—623, 625, 661—662.
- ¹⁰ Фролов И. Я. Указ. соч. С. 209; См. также: Фролов И. Я. Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // *Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство*. Л., 1986. С. 304.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. С. 66.
- ¹² ПСРЛ. Т. 1. С. 171.
- ¹³ Фролов И. Я. Указ. соч. С. 40—41.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 622.
- ¹⁵ Там же. Стб. 507, 509.
- ¹⁶ Там же. Стб. 884.
- ¹⁷ Там же. Стб. 890.
- ¹⁸ НПЛ. С. 184, 213, 215, 232, 239, 294.
- ¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 45—47; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1909. С. 15—73; Довнар-Запольский М. В. Князь, его дума и администрация // *Русская история в очерках и статьях*. Т. 1. С. 252—260.
- ²⁰ Юшков С. В. *Очерки по истории феодализма в Киевской Руси*. С. 188—192.
- ²¹ Ниццо В. Т. *Черты политического строя Древней Руси*. С. 14—19.
- ²² Там же. С. 19.
- ²³ Там же. С. 19—20.
- ²⁴ Черепин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства. С. 379—381.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 143—144, 164.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45—46, 54—55, 67, 71—72.
- ²⁷ Там же. Стб. 218—219 (3 известия), 227.
- ²⁸ Там же. Стб. 277, 314, 341, 347, 389 (2 известия), 402; Т. 2. Стб. 265, 344, 357—358 (2 известия), 380—381, 409, 412, 426—427, 507, 513 (2 известия), 515, 536—537, 538, 555, 614—615, 615—616, 637, 686 (2 известия), 687, 688, 694, 699.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 273—274.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 394, 527 (2 известия), 561—562, 657, 683, 685; Т. 1. Стб. 342, 415.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82, 106—107, 108.
- ³² *Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.* М., 1976. С. 141; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.
- ³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126—127 (2 известия).
- ³⁴ К. П. Заголовков «Правды Ярославичей» (ст. 18).
- ³⁵ П. П. Ст. 53 (Заголовков «Устава Владимира Мономаха»).
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259—260.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 542.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.
- ³⁹ Там же. Стб. 217, 247.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.

⁴¹ Молдовац А. И. «Слово о законе и благодати» Илариона. ев, 1984. С. 96.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 384; Т. 2. Стб. 650; Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 394.

⁴³ Мономах упоминает о «думе» с дружиною («сѣдне думати с дружиною») как о постоянном княжеском деле (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217, 218; Т. 2. Стб. 538, 614—615, 659.

⁴⁵ «Совет» — ПСРЛ. Т. 4. Стб. 217, 218, 219 (1093 г.); «дума» — Т. 2. Стб. 413 (1150 г.), 659 (1188 г.).

⁴⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 76—78. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1. Львів, 1904. С. 347—349.

⁴⁷ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 165—190.

⁴⁸ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма С. 36—40, 219—223.

⁴⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 313—317.

⁵⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 225—231.

⁵¹ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 206—207, 210—211.

⁵² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 254—255.

⁵³ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 219—220.

⁵⁴ О связи появления одного из звеньев десятичной системы — сотенной организации — с переселением славянских племен, ускорившим разрушение родо-племенных институтов, писал Ю. В. Бромлей (Бромлей Ю. В. Некоторые средневековые хорватско-русские параллели // России на путях централизации. М., 1982. С. 23—24).

⁵⁵ Возможно, появление термина «тысяча» было связано с примерным числом воинов, которое могло выставить племенное княжество.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; Т. 2. Стб. 275.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204, 227—228, 274.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298, 318; Т. 2. Стб. 349, 548—549, 691, 763, 821; НПЛ. С. 260, 268; Патерик Киевского печерского монастыря. С. 5, 189.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457; Т. 2. Стб. 304, 748.

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

⁶³ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 210—211.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304.

⁶⁵ Там же. Т. 2. Стб. 324—325.

⁶⁶ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 210.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 317—318; Т. 2. Стб. 349. Вероятнее всего, когда Улеб выступал в качестве посла Изяслава в Чернигов, он уже не был тысяцким; в промежутке между этими событиями и убийством Игоря Изяслав не возвращался в Киев, следовательно, сменить тысяцкого вряд ли мог; к тому же из упоминания о том, что узнав об измене черниговских князей, Изяслав «посла Киеву къ брату своему Володимирю, того бо бынеть оставил Изяславъ в Киевѣ, и къ митрополиту Климови и къ Лазореви тысячкому» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347) следует как будто, что Лазарь был тысяцким в течение всего похода князя.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 311, 325.

⁶⁹ Там же. Стб. 325—326.

⁷⁰ О том, что тысяцкие принимали участие в государственном управлении, говорит уже указание на то, что гнев вставших киевлян в 1113 г. обратился на тысяцкого Путяту (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275).

⁷¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 110—113.

⁷² Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Быльны. М., 1963. С. 126—130.

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 143.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75.

- ⁷⁶ Там же. Стб. 125.
- ⁷⁷ Там же. Стб. 130, 143, 204, 229, 237, 251, 272, 296, 305, 320, 427, 432; Т. 2. Стб. 277, 284, 286, 333, 342, 356; ПП. Стб. 114.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152.
- ⁷⁹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 46—54.
- ⁸⁰ Там же. С. 54—62.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374; Т. 2. Стб. 598.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79, 182.
- ⁸³ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 219.
- ⁸⁴ Упоминания в ПВЛ о посадении Гюрик и Олегом своих «мужей» в Полоцке, Ростове, Белоозере, Смоленске и Любече (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20, 23) относятся к текстам легендарного характера и вряд ли достоверны. Примечательно, что в тексте ПВЛ младшего извода ни одного из этих упоминаний нет.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322.
- ⁸⁶ Там же. Стб. 569—573.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370 («Посадник его (Андрея Боголюбского.— А. Г.) и тиунов его дома пограбиша а самех избыша, детцкыѣ и мечники избыша, а дома их пограбиша»).
- ⁸⁸ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. С. 141—142.
- ⁸⁹ Там же. С. 142—146.
- ⁹⁰ О тождестве понятий «мечник», «вирник», «емец» см.: Там же. С. 143—145.
- ⁹¹ Там же. С. 143.
- ⁹² НПЛ. С. 28, 233, 229.
- ⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.
- ⁹⁴ Там же. С. 168—169.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 415.
- ⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122, 251; НПЛ. С. 32, 58, 259, 486; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 369.
- ⁹⁷ НПЛ. С. 58, 259.
- ⁹⁸ Ардяховский А. В., Борковский В. И. Новгородские берестяные грамоты (Из раскопок 1956—1957). С. 56—57; Ардяховский А. В., Янин В. Л. Новгородские берестяные грамоты (Из раскопок 1962—1976). С. 30.
- ⁹⁹ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. 146.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135.
- ¹⁰¹ НПЛ. С. 64, 269; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 510.
- ¹⁰² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 324; ПРП. Вып. 2. М., 1953. С. 42, 63—64, 68, 75, 135, 137—140, 162—163, 165; Мерило Праведное по рукописи XIV в. М. 1961. С. 129—130.
- ¹⁰³ Завадская С. В. О значении термина «княж тиун» в XI—XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 393—394 (1150 г.). Термин «тиун» прилагался и к княжеским и боярским несвободным слугам, выполнявшим административные функции в вотчинах: таков «княж тиун сельский», за убийство которого положен штраф в 12 гривен (ст. 13 ПП), боярские тиуны — холопы (ст. 66, 100 ПП).
- ¹⁰⁵ О функциях этих разрядов дружинников в управлении см. подробнее разделы «огнищане и гриди», «отроки и детские».
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 34, 51.
- ¹⁰⁷ Черешин Л. В. Общественно-политические отношения. 133—134.
- ¹⁰⁸ Свердлов М. Б. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // ВИД. Вып. 10. Л., 1978. С. 149—159.
- ¹⁰⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 268—271; Греков Б. Д. Указ. соч. С. 343; Рыбаков Б. А. Смерды. С. 52.
- ¹¹⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 235—238, 257—260.

Точка зрения М. Н. Тихомирова о существовании в XII в. условного землевладения княжеских слуг — «милостников», основанная на трактовке термина «милость» из ст. 111 III как земельного пожалования (Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание в Руси XII в.), вызвала справедливые, на наш взгляд, возражения: в ст. 111 речь идет о категории феодально-зависимого населения (см.: Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 161; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 179—181, 213).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328.

³ Там же. Стб. 409.

⁴ Там же. Стб. 412—413.

⁵ Алешковский М. X. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // СА. 1960. № 1.

⁶ Седов В. В. Восточные славяне. С. 25.

⁷ НПЛ. С. 109, 110.

⁸ Для X в. это передача Святославом и Владимиром земель в управление своим сыновьям (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 121).

⁹ НПЛ. С. 110; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54, 130.

¹⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 241—249; Алексеев Л. В. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. М., 1976.

¹¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 15—20.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492. Обоснование мнения о том, что это пожалованно было осуществлено из доменальных земель, см.: Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 126.

¹³ ГВИШ. С. 140—141 (№ 81).

¹⁴ Там же. С. 139—140 (№ 80). То, что волость Буйце и погост Ляховичи были пожалованы именно из княжеской доменальной земли, убедительно показано В. Л. Яниным (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 60—79; Он же. Новгородская феодальная вотчина. С. 241—245).

¹⁵ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 141—145; Алексеев Л. В. Указ. соч.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492—493.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

¹⁸ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 51, 153—158.

¹⁹ Грсков Б. Д. Киевская Русь. С. 141, 343.

²⁰ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы. С. 161.

²¹ См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского декса законов VIII века (Эклоги) // ИСССР. 1976. № 1. С. 149—153.

²² ПРП. Т. 1. С. 180.

²³ Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 1. Спб., 1893. Стб. 700—701.

²⁴ ГВНП. № 105. Климент завещает свои села новгородскому Юрьеву монастырю и двум светским землевладельцам — Калисту и Андрею; своей жене он оставляет городской двор.

²⁵ Наиболее раннее свидетельство о продаже боярского земельного владения — граффито № 25 на стене Софийского собора в Киеве — говорит о покупке «Всеволожей княгиней» «Бояней земли» (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. С. 60—71); грамота с наибольшей вероятностью датируется концом XI в. (см. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 415—417). Боян, вероятно, был крупным землевладельцем — болярном (об этом свидетельствует высокая цена его земли — 700 гривен), но содержание надписи указывает на то, что к моменту покупки его земли

была выморочной — второй участник сделки (владелец земли к моменту купли) не назван.

²⁶ См.: Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной земельной собственности на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4. С. 55; Его же. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 190—194.

²⁷ ГВНИ. № 104.

²⁸ См.: Янин Л. В. Новгородская феодальная вотчина. С. 274—282.

²⁹ См.: Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы. С. 199—203.

³⁰ Наиболее ранние дошедшие иммунитетные грамоты выданы в XII в. монастырям Новгородской земли; однако и податной иммунитет пожалованных по этим грамотам владений не был полным (см.: Янин Л. В. Новгородская феодальная вотчина. С. 274—276).

³¹ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы. С. 204—205, 210.

³² В это время не только сохраняются старые подати — дани, но и получает значительное развитие ряд новых: «виры» и «продажи» (судебные пошлины), «корм» (натуральные поставки для княжеских чиновников) и др. (См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 197—199).

³³ В работе не рассматривается вопрос о землевладении дворян, так как появление этой категории служилых людей связано с исчезновением дружинной организации.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 409.

³⁵ Магх К. Secret diplomatic history of the tighteenth century. London, 1899. P. 76.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132—142, 148—150, 154, 157, 166, 171, 202, 205, 219, 227, 237—238; 247—249, 265, 270, 274, 277, 296, 301, 305, 307—308, 313, 319—320, 323—324, 326, 333—340, 343, 352—355, 358—359, 364—366, 371—373, 375—376, 380, 389, 396, 403, 415; Т. 2. Стб. 264—265, 283, 288, 290, 297, 305, 321—322, 328, 334—336, 339, 360, 364, 373, 390, 395, 397—398, 400—401, 407, 409, 412—413, 416, 424, 426—428, 431, 437, 442—446, 448—449, 457, 464, 467—468, 471, 473, 475, 485, 493—495, 502, 506—507, 515, 522—523, 527, 534, 536, 542, 544—548, 550—551, 555—567, 562, 564—565, 569, 572, 576—577, 589, 602—603, 605, 609, 611, 614—615, 622, 625, 637, 645, 647, 653, 665, 677, 687, 691, 692, 694, 703; НПЛ. С. 204, 218, 224.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343—344, 358, 380, 638; ПП. Стб. 91. Встречающееся с XII в. (не ранее!) различие бояр и дружин вызвано не вхождением в боярство «местной неслужилой знати». (Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 214), а тем, что с развитием вотчинного землевладения бояр их связь с князем становится не столь тесной, как у членов младшей дружины, в силу чего термин «дружина» иногда используется как обозначение лишь этой последней.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 124, 135, 220, 259, 341, 354, 364, 399; Т. 2. Стб. 340, 369, 397, 664. Мнение, что под «малой дружиной» имеется в виду особый социальный слой внутри дружинной знати, составляющий ближайшее окружение князя (Wasilewski T. Op. cit. S. 305; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 146; Lowmianski H. Op. cit. S. 170), представляется необоснованным: из источников следует лишь указание на небольшую численность дружинных отрядов. Другое дело, что когда князь выступал в «мале дружине», его окружали чаще всего наиболее приближенные к нему представители служилой знати.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142, 146, 154, 172, 220, 227, 238—239, 281, 329, 361, 364, 376, 398, 401; Т. 2. Стб. 302, 316—317, 336, 338, 359—360, 372, 401—402, 432, 438, 475, 488, 544, 550, 638, 650, 654; НПЛ. 230, 239. В таком употреблении термина «дружина» отразилось сохранение архаического его значения — «товарищи», люди, делающие одно дело, объединенные общей целью. Естественно поэтому, что чаще так обозначались волжские ополчения, однако известно и употребление термина «дружи-

на» по отношению к членам общины, платящим совместно виру (ПП. Ст. 5).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425, 460, 461, 465, 468, 477—478, 480—481; Т. 2. Стб. 738, 758, 769, 780, 787, 803, 823, 833, 835, 841, 856, 886, 887, 910; НПЛ. С. 58, 79, 82.

⁴¹ Сорокалетов Ф. П. Указ. соч. С. 154—155.

⁴² Назаров В. Д. «Двор и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье.

⁴³ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 207—213.

⁴⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1962—1976). С. 150—151. В. Д. Назаров полагает, что здесь речь идет о представителе государственной власти (Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике. С. 118). Однако указание на принадлежность «волости», в которой действует «дворянин», адресату грамоты — Онани, говорит против этого предположения — дворянин грамоты, судя по ее содержанию, зависит от адресата.

⁴⁵ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне». С. 121—123.

⁴⁶ Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси. // Из истории феодальной России. Л., 1978; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 156—160.

⁴⁷ В Новгороде в силу специфики его политического положения этот процесс начался еще до появления у новгородской знати вотчинных владений и завершился к середине XII в.

⁴⁸ Древнерусские княжеские уставы. С. 86—88, 91—92, 94, 96, 100, 103—104, 110, 113, 116, 118—119, 123, 128—130, 133—134.

⁴⁹ Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // ИСССР. 1983. № 1. С. 63—69.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147, 175.

⁵¹ Это не значит, что первый источник дохода перестал существовать для бояр — он сохранялся для них и в более позднее время (XIV—XV вв.), но играл уже менее важную роль.

З а к л ю ч е н и е

В работе не рассматривались такие должности, как «паместник», «волостель», «стольник», поскольку их распространение начинается с XIII в., времени, когда институт дружины изживает себя, а также должность «дворского» — ее появление связано со сложением княжеского «двора».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
 ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Сер. история, язык, литература
 ВМУ — Вестник Московского университета. Серия исто
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ГВИП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
 ИЗ — Исторические записки
 ИМ — Историк-марксист
 ИСССР — История СССР
 КСИА — Краткие сообщения института археологии
 КП — Русская Правда Краткой редакции
 КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
 НПЛ — Новгородская первая летопись старшего изводов
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПП — Русская Правда Пространной редакции
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 САИ — Археология СССР. Свод археологических источников
 ССЛ — Советское славяноведение
 ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
 УЗ ЛГПИ — Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та
 ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при московском университете
 ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд

Caesar B. G. — C. Iuli Caesaris commentarii. Vol. I. Bellum Gallicum. Lipsiae, 1957

PG. T. 102. — Patrologiae cursus completus. Series graeca, T. 102. Paris, 1860

Procop. De bellis — Procopii Caesariensis opera omnia, vol. II. Lipsiae, 1963

Tac. Ann. II — P. Cornelius Taitus. Annales. Bd. I. Berlin, 1904

Tac. Ann. XII — P. Cornelii Taciti Annalium libri XI—XII. Wien, 1973

Tac. Germ. — Tacitus. Germania, in: Cornelius Tacitus libri qui supersunt. T. II, fasc. 2. Lipsiae, 1964

О Г Л А В Л Е Н И Е

	3
<i>Глава I.</i> Античные авторы о дружинах у «варваров». Экономические и социальные условия возникновения дружин	15
<i>Глава II.</i> Первые известия о славянских дружинах. Древнерусская дружина в IX—X вв.	25
<i>Глава III.</i> Состав дружины	39
«Старшая» и «младшая» дружина	39
Бояре	41
Мужи	48
Огницане и гряди	49
Отроки и детские	50
Милостники	55
Пасынки и паробки	56
Об иностничных элементах в составе древнерусской дружины	56
<i>Глава IV</i> Дружина и аппарат управления. Правовое положение дружинников	59
<i>Глава V</i> Вотчинное землевладение дружинников. Вопрос о «разложении» дружины	74
	82
Примеч	89
Именной указатель	113
Указатель терминов	120
Список сокращений	122